

Дороги солнечная нить

с. Майма
2018 г.

Дороги
солнечная нить

с. Майма, 2018 г.

Дороги солнечная нить. — Майма, 2018. — 300 стр.

Настоящий сборник «Дороги солнечная нить» представлен авторами объединения «Лира» Республики Алтай, с. Майма. Ему предшествовали несколько. Особенно большой интерес вызвали сборники: «Майма литературная» (2010 г.) и «Среди однотипных коралловых будней» (2015 г.), включающие поэзию и прозу.

Издаваясь вновь, мы исполняем пожелания наших читателей. Расширяется число творческих людей, приходят новые авторы, и каждому есть что сказать, чем поделиться.

Почему — «Дороги солнечная нить»? Потому, что дорога вмещает всяк идущего. Не тесно идти по ней, и она ведёт всех желающих: и поэтов, и читателей, взявших этот сборник в руки.

Галина Свириденко

Предисловие

Всё в нас сотворено из звуков.

«Художественное произведение приводит нас в восторг и в восхищение именно той своей частью, которая неуловима для нашего сознательного понимания. От этого и зависит могущественное действие художественно — прекрасного, а не от частей, которые мы можем анализировать в совершенстве»

И. Гёте

*«Поэзия —
та же добыча радия.
В грамм добыча,
в год труды.
Изводишь
единого слова ради
тысячи тонн
словесной руды».*

В. Маяковский

Если я скажу, что стихи пишут обыкновенные люди, то немного слукавлю. Поэзия – это мир облачённых в мантию звуков и обречённых бесконечно ловить эти вибрирующие гласные, шероховатые согласные, чтобы рождать строки волнующие наши души. О чём сложена песня: о бескрайних просторах, о звонкой речке бегущей по камешкам, о тяжёлой ли человеческой доле, или о безудержно весёлом настроении – поэт ощущает эти эмоции, пропускает как ток через своё тело и, сложив в стройный ряд, выплёскивает эти необыкновенные тона. Один поэт отличается от другого лишь тем, что находит свою канву этих странных звуков.

Чтобы пришло понимание этого волшебного мира, надо очень пристально вслушаться и взглядеться в то, что тебя окружает и, поймав тонкую ниточку творческого вдохновения, что тянется из необъятной Вселенной, обмотать ею своё пространство.

Мы не будем столь интересны, если повторим великого А. Пушкина или заговорим В. Маяковским. Человеку свойственно открывать что-то новое, видеть новые краски, рождать новое сочетание звуков.

Каждый должен найти свою ниточку творения стиха, чтобы усталый странник, или домашняя хозяйка в вечерний час, или весёлый юноша ничем не озабоченный, открыв томик стихов разных поэтов, нашёл то, что его взволновало, придало силы или заставило задуматься о смысле бытия.

Мир прекрасен потому, что сотворён из звуков, которые мы складываем в слова, в предложения, в четверостишия, в тексты, но главное в них живёт всеобъемлющая ЛЮБОВЬ, о которой написано много, но неповторимо от слова к слову.

В наш клуб «Лира» тянутся, как раз те люди, которые ухватили ниточку своего вдохновения, облачили в необыкновенные тона, наполнили светом и отпустили птицей лететь в дальние дали, может до высокой горы, а может сквозь время и пространство.

Мария Образцова

Перед тобой открытые сердца

Читатель! Молод ты иль стар – перед тобою лица и открытые сердца авторов книги «Дороги солнечная нить».

Молодые и не очень молодые – они рассчитывают на твой интерес к их словам и мыслям, высказанным в стихах и прозе. Вглядишься в них перед тем, как перевернуть следующие страницы книги и отправиться в путь по нити солнечной дороги. Вглядишься, да и задумайся о тропах, которые приводят человека к поискам добра и к превращению добра в рифмы, слова и предложения. Представь себя на месте поэта или прозаика: вот перед тобой лежит абсолютно чистый лист бумаги или столь же чистая страница компьютерного «документа» — с какого же слова или с какого предложения лично ты мог бы начать свое общение с твоими будущими читателями? Допустим, ты написал слово «утро», но ведь это лишь

начало долгого пути к финалу твоего стихотворного или прозаического произведения...

Мне кажется, что ты, мой читатель, не одинок в сумбуре своих поисков первого и последующего слов твоих будущих творений. Любой самый-самый титулованный поэт и писатель, приступая к созданию своего нового произведения, будет столь же неопытен и робок, как и ты, новичок в литературе. Ему будет столь же сложно найти первую фразу, фразу – которая могла бы потрясти читателя. Все ранее созданное литературным волком, по-моему, не имеет никакого значения в тот момент, когда он, подобно тебе несмысленно, начинает творить новое.

Может быть, на самой-самой первой стадии – старте создания – ранее накопленный опыт лишь мешает уже нарождающемуся новому. Может, лишь через какое-то время ранее наработанный опыт – вот оно, второе дыхание литературных мэтров, волков и прочих измерений – начинает шевелить извилины мозга, развивая проснувшуюся новую идею и придавая ей неподражаемую прелесть. Сколько же тысяч раз и я сам, начиная ли очередной геологический маршрут или пытаюсь найти продолжение первой, естественно – гениальной, фразы – остервенело или дико смотрел на чистый лист бумаги, грызя карандаш или шариковую ручку и не находя самых-самых первых слов. Столько же тысяч раз, обрадованный завершением творением, я вопил во все горло: «А я милую узнаю по походке!» Ах, как я замечательно пел, как я пропевал столь удивительные слова – поп-и-рок-певцы удавились бы от зависти, услышав...

Кажется, пора заканчивать эссе о добре и литературе, как носительнице добра, и переходить к творениям авторов, представленных в книге «Дороги солнечная нить». Итак: мне интересно творчество всех 18 человек, мне интересны и они сами.

Борис Семенцов

Куда глаза глядят

Я шел, куда глаза глядят...

На самом деле, я шёл по дороге. Я любовался перелесками, пожирал глазами среднерусские пейзажи: холмы, бескрайние поля, тихие речушки. Я шёл по дороге и не собирался сворачивать туда, куда глядят глаза.

Это был первый отпуск, когда я не стал заниматься вечными домашними делами и не поехал на курорты. Я шёл, куда глаза глядят, вернее, куда вела просёлочная дорога.

Немного впереди на пригорке я увидел собаку. Она бежала не торопясь по направлению к дороге. Это была лохматая дворняжка с налипшими на хвост репьями. Было видно, что она не собирается сворачивать со своего пути несмотря на то, что ей придётся пробираться через заросли лопуха. Когда она пересекала дорогу метрах в пятидесяти впереди меня, я окликнул её.

Собака дала себя погладить. Не отказалась она и от бутерброда. Я пошёл дальше и был уверен, что собака направится за мною. Но она уверенно продолжила свой путь по бездорожью к неведомой цели.

Куда ты спешишь, кудряшка? В той стороне нет ни города, ни деревни. Ты любишь ласку, но за мной не пошла. Быть может, мне пойти за тобой? Не ведая цели, как слепой, ведомый собакой-поводырём. И не возвращаться до тех пор, пока не пойму, куда иду и зачем иду.

Когда-то ты помогала пастуху охранять стадо овец. Потом пастух оставил тебя, как и все оставляют на земле кого-нибудь. Придёт время, и ты меня покинешь. Но я не останусь один. Я буду идти босиком по светлому берёзовому лесу и благоговейно шептать: слава Богу, ещё один день прожил не зря. Ещё на один день ближе к родному дому.

Когда-нибудь я вернусь домой. Быть может, навсегда останусь. Но я буду уже другим человеком...

Александр Кобзев

Мария Образцова

Мария Образцова родилась в Горном Алтае в селе Манжерок. Окончила Горно-Алтайский институт, филологическое отделение. Рабочую деятельность начала на мебельной фабрике.

Основные направления в литературе: поэзия, проза, публицистика. Печаталась в альманахе «Алтай», в газетах: «Литературная Россия», «Звезда Алтая» и др. Создала манжерокскую газету «Минутка» и газету «КиТ (культура и туризм) на Алтае».

В 1999 г. вышел в свет сборник её стихов «Бабье лето», затем сборник стихов и рассказов «Манжерок – моя обитель».

Является членом майминского литературного объединения «Лира» и одним из авторов сборника «Среди однотипных коралловых будней».

В 2002 г. принята в Союз Писателей России.

Октябрь

*Расплескало зарево вечернее
Отблески в прозрачные пруды.
На скале, потёртой долгим временем,
Куст багрово-сказочной слюды.
А вода в брожении предсвадебном,
Сосны встали в дымке голубой,
И летят на землю звезды празднично,
Скоро здесь великий будет той.
До весны уж скоро, мир таинственно
Будет под снегами почивать.
А сегодня золотыми листьями
Застилает всё октябрь опять.
И теплом последним дни пропитаны,
От деревни тянет горький дым.
Тронет в сердце струны позабытые
Смена декораций и картин.*

И вечно пусть планета нас качает

*Мы смотрим в даль и просим там ответа,
И всё листаем старые листы.
Кто написал Божественные веды
На первом свитке тонкой бересты!?*

*О, сколько тайн великих не прочтено,
И нам их никогда не разгадать.
Как глубину Вселенной незнакомой
Сознанием возможно ли принять?*

*Под солнцем и луной земные дети
Всё тянем руки к синим небесам.
Кто дал нам слово, музыку и света,
И душу каждому, как чистый миру храм!?*

*И только знаем, Жизни есть начало!
Она как дар бесценный нам дана.
И вечно нас планета пусть качает,
Свеченьем голубым озарена.*

Себе и своей подруге

Морозы нагрянут снова,
Душа заскрипит от вьюги.
Каким обласкать бы словом
Себя и свою подругу.
В пуховом платке и шубе
Выйду – куда не знаю.
Проблемы на шее пудом,
Но я на любовь гадаю.
Себе и своей подруге
Я дифирамбы сложу.
Луну проведу по кругу,
Звёзды на радость умножу.
Снежинки по лапам сосен
Раскину, как свечи Храма.
Твой якорь в городе брошен,
А мой — где болота и ямы.
Мы часто ходим по краю
И нам обрезают крылья.
Но в этом ли соль земная?
Господь нам даёт по силам!
На сердце сегодня вьюга,
Но слабость минутную сброшу.
Послушай, моя подруга,
А день всё равно хороший!

Нет в мире места печальней...

*Потухли небесные свечи,
Засыпало землю градом.
И молодости беспечность
Залили холодным ядом.
И руки-плети вдоль тела
Повисли словно чужие.
Увы, до меня нет дела
В залитой водкой России.
Стою у воды зеркальной,
Как кипень облако тает.
Нет в мире места печальней
Страны, что зовут святая.*

Светлая тайна

*Каждую морщинку бы потрогать,
Каждую бороздочку на лбу.
Обласкать бы взглядом лик твой строгий,
Но я это сделать не могу.*

*Снова как на исповеди встану,
Из души мне грех свой не убрать.
Видно, так и буду неустанно
Твоё имя в мыслях повторять.*

*Мне любовь в дороге солнцем красным
И тропинкой лунною была.
Даже в роковые дни прекрасный,
В сердце факел света я несла.*

*Мы живём далёко друг от друга,
И тебя я вижу лишь случайно.
Мне не стать уже твоей подругой.
Но я счастлива, владея этой тайной.*

Не спрашивай — любила ли, ждала ли

*Не спрашивай – любила ли, ждала ли
И не смотри в упор в мои глаза.
Года, как птицы мимо пролетали,
И каждый день был, как пустой вокзал.*

*Луна несла приливы и отливы,
Жару сменяли лютые морозы.
И было во вселенной сиротливо,
И каждый день являлся серой прозой.*

*Давно уже не помню рук и тела,
Рассветы нас с тобою не венчали.
И эта встреча сердце не согрела.
Не спрашивай – любила ли, ждала ли...*

Человек воскресни

*Тело больше не горело,
Тело просто уже тлело.
Та душа, что нараспашку,
Лишь теперь, ждала рюмашку.
Смех уж был не звонкий – рыхлый,
Будто кто-то бил под дыхло.
Цвет лица земельно-серый.
И рукою воздух ловишь.
Было время — тебе пелось,
А теперь себя хоронишь.
Алкоголем сердце сжато,
Вот больничная палата.*

*Человек – источник света!
Из последних сил воскресни!
Чтоб жила твоя ПЛАНЕТА,
Чтобы дети пели песни!
Если скажем НЕТ мы яду!
Будет СЧАСТЬЕ всем в награду!*

Стукнет сердце...

*Стукнет сердце с неумолимой силой,
Кровь к виску горячему прильёт.
Встану у порога: «Не любила»,
И зажму в руке холодный лёд.*

*А когда апрельские капли
Весело у дома застучат,
Вдруг пойму, что годы пролетели
И уже не повернуть назад.*

*Некому сказать: «Была упрямой,
— потому и всё наоборот»,
Но, хранить уж долго будет память,
Руку охлаждающий лёд.*

Старый ворон

*Ветер бьёт по листьям сада,
Хлопнул ставней по бревну.
Вот качнул, что есть ограду,
По траве прогнал волну.
Тучи синие так быстро
Над большой горой бегут.
Только чёрный ворон-мистер,
Независим здесь и крут.
Очень старый, в тёмном фраке,
Всё познавший на веку,
Он совсем негромко каркнул,
Глазом мудрости сверкнул.
Помнил он, как скудно жили,
Даже падаль не найти,
А сегодня в старых жилах
Сила долгого пути.
Знает, есть всему начало,
Как и прерванный полёт.
И от ветра нет печали,
Знает он, что всё пройдёт.*

Тёплый камень у самой воды

Тёплый камень у самой воды
Так похож на подбитую птицу.
Мы с тобой не собрали плоды,
Отпустили с молитвой синицу.

А теперь уж гадай — не гадай,
Но растаяла чувств наших сила.
Как дощатый за домом сарай,
Время властной рукой покосило.

Дуб разбило суровой грозой,
И стоит он устало сутулый.
А звезда, что зажглась за горой,
Нам с прощальным поклоном мигнула.

Встанет солнце над горою красное

В черный омут бросит свои стрелы,
Пролетев по небу Серафим.
Облаком качнётся белым-белым
Над высокой сопкой лёгкий дым.

И закружит снова ветер южный
У калитки старой вихрем пыль.
Я услышу голос твой простуженный,
Может это небыль, может быть...

Гляну в небо, там дорога млечная,
Мы стоим по обе стороны.
Назови меня любимой женщиной,
Руки мне на встречу протяни.

И отрину жизни я напраслину,
Ни к чему бывшее вспоминать.
Встанет солнце над горою красное,
Чтобы радость жизни снова ткать.

Памяти Солдата

*Филимонов Григорий Федорович
Последний солдат Великой Отечественной войны
в Манжероке. Умер 30 декабря 2015 г.*

*Отобьют куранты Новый Год,
Он придет, как многие другие.
Только уж не встанет в строй Солдат,
Что спасал от нечисти Россию.
Он земли своей простой Солдат,
Ведавший о мужестве и чести,
Не просил заслуженных наград,
Жил в труде с народом своим вместе.
Он любил рассветы над селом,
Сено ставил и дрова готовил.
Только ночью снился боя гром,
Друга крик, окоп и лужи крови.
И пронзала сердце боль потерь,
И не знал, вернётся ли обратно,
Но, как все, он верил, страшный зверь
Будет побеждён на поле ратном.
Он умел по мудрому молчать,
Зная цену сказанному слову.
И горел он ровно, как свеча,
Заполняя всё земной любовью.
Выполнив с достоинством свой долг,
Перед Миром и Заветом Жизни,
Он ушёл туда — в "Бессмертный полк",
Чтобы вечным Сыном стать Отчизны.*

На перевале Чике-Таман

*На Чике-Тамане лето в разгаре,
Горячее небо обжигает плечи.
Легкий привкус на губах угара
В душе разливает беспечность.*

Серпантин дороги ушёл за тучи,
И воздух, будто слюдяные блики.
Полет орлицы то в петлю закручен,
То серых скал обнимает пики.
Здесь гор Алтая вся сгустком сила,
И чувство мощи – разрывает тело.
Тут Мать – Природа чудо творила.
В шифон всё синий одела.
Рождают звуки и страсть и тайну,
С души смывая избыток пыли.
Встаю на камень, на самый крайний,
И чувствую, как вырастают крылья.

Я упала на землю с луны...

Я упала на землю с луны
И ударилась больно о крышу.
Говорят, здесь пол мира больны:
Плохо видят и мало слышат.

Говорят, что разъела всех ржа,
От работы сидячей пухнут.
А у нового, там, гаража
Пьяный в яму помойную ухнул.

Но, здесь, запах совсем не тот,
Пострашней в кабинете чинуши.
Он незрячий и хитрый крот,
Уж давно продал землю и душу.

У правителей много дел -
Комбинации строить и трюки.
Кто в обмане своём преуспел,
На Канарах умоем руки.

Власти милое что-то плетут,
Для народа же всё утеха.
Лучше б я не упала с луны,
А то, здесь, могу лопнуть от смеха.

Как жить в деревне

Итак, деревня — милое село, к которому все относится по-разному. Кто-то его любит и никогда не расстанется, кто-то его любит на расстоянии, но совсем не мечтает в нём жить, а если и мечтает, то дальше этого дело не движется. Кто-то, вообще, даже представлять не хочет себя сельским жителем.

Однажды, Дима, всю жизнь городской житель и, только в 24 года попавший в село, выйдя из своей прекрасной ино-марки, попал белой туфлею прямо в коровью лепёшку. Его возмущению не было предела. И даже через месяц, после возвращения домой в городскую квартиру ему всё казалось, что в помещении стоит запах свежего навоза. Об этом грустном событии он поведал своей подруге Лике, которая тоже была городской жительницей, но в детстве бывала в деревне у бабушки и немного представляла эту, полную огорчений жизнь. Маленькой, она даже бегала с бабушкой поить телёночка и сыпать зернышка курочкам, а ещё собирать яички. Но, когда она подросла, бабушки не стало, и в деревню она больше не ездила. Да и проблем стало невероятное множество: учёба, какие-то кружки, друзья и всё остальное, что безумно поглощало её время.

Тут она вспомнила, как бабушкин сосед, которого все звали Петро, строил дом и мешал глину с навозом. Дух шёл невероятный. Она зажала пальчиками нос и прибежала к бабушке:

— Чем это так воняет!?

— Ишь ты, воняет, — сказала бабушка смеясь. — Это, девонька, запах радости, счастья. Вот сейчас закидает глиной с навозом внутри, всё высохнет, потом затрёт песочком. Свой дом будет тёплый, будут жить и радоваться. А самый-то дурной запах от тунеядства человеческого, от ничегонеделания.

— Это как? — спросила Лика удивленно.

— А ты подойди-ка вон к тому дядьке, который, сидит на

лавке, да целыми днями брагу пьёт и понюхай, как он пахнет. Подойти страшно, какой от него дух идёт!

Ли́ка часто вспоминала разговор с бабушкой, когда проходила мимо квартиры, ниже этажом, в которой жили не работающие и пьющие муж с женой.

Но жизнь деревенская все равно мало кого вдохновляет. Минусов – не хватит пальцев на руках и ногах, чтобы пересчитать, а вот плюсов? Два плюса конкретных – свежий воздух и морковка со своей грядки.

Ах, Ли́ка, Ли́ка и что пришло тебе в голову, вдруг, захотеть в эту тьму тараканью.

— Папа, а вы продали бабушкин дом?

— Да нет, кому он нужен. Даже за место не возьмут. Там же в деревне три калеки осталось и дороги нет. Теперь может, уже на дрова разнесли.

— А помнишь, Петро там рядом жил?

— А как не помню. Он на два года был меня постарше, дружили. Вместе на рыбалку..., за ягодой..., купаться..., но он, однако, уехал тоже. А тебе-то зачем?

— Я еду туда жить.

Что тут началось! «Ни словом сказать, ни пером описать!» Кто это желает видеть единственное чадо сельским жителем, да ещё, если в это чадо вложено неимоверно сколько финансов и сил. В доме всё пропахло валосердином. Мама без конца мочила платок и привязывала к голове, папа то садился, то вставал с дивана и долго ходил по комнате.

— Ли́ка, ты понимаешь, что это такое жить в деревне? В 28 лет — ты прекрасный врач, у тебя — перспективы и, о Боже! Для нас это как конец света. Да ещё куда!? Там же жителей — три калеки, да вечно пьяный глава сельской администрации, который кроме своего кармана ничего не видит. Ты просто себя погубишь.

Но, в конце концов, пыль осела, в доме проветрили, и папа сказал:

— У тебя два месяца отпуск, вот и узнаешь, как жить в деревне.

С Димой решилось всё ещё проще.

— Я своей белой туфлею туда ни ногой. Или я или...

Подруга тоже только разгорячила её авантюристический пыл.

— Лика, это ужасно. Ты же где только не отдыхала: Европа, Турция, Мальдивы и поехать в зачуханную деревню... Я там никогда не жила и меня не манит эта перспектива. А ещё в деревне много пьют и живут одни деградированные. Нет-нет, это не для меня, и тебе мой совет — одумайся!

И только один сосед по лестничной площадке, который часто вспоминал свою деревеньку, которой уже давно и в помине не было, многозначительно произнёс:

— Москва – царство, деревня – рай.

Деревня Малиновка — в 120 километрах от города. Лика хотела поехать туда самостоятельно, но папа, тайно вздыхая, уговорил её, чтобы туда довести и помочь обустроится, если ещё жива бабушкина изба.

Мы не будем рассказывать о разных житейских перипетиях, которые Лика решала в течение недели, и о том, как они с папой в конце концов приехали в его родовое гнездо.

Когда они ехали по улице, вполне приличной, хотя и не идеальной, сердце у Лики защемило, а у отца она увидела на щеке блеснувшую слезу, которую он поспешно стёр, чтобы дочь чего не подумала.

Домик за эти годы постарел и даже будто немного присел к земле, но все стёкла были на месте и в ограде выкошено. На входной двери висел большой амбарный замок.

— Что-то ничего не понял. Пойду до соседей дойду, узнаю, что, да как.

Из соседнего двора сначала донёсся грохот, потом громкое слово, которое произносят все, в каких-то ошеломляющих ситуациях, но не печатают, считая не литературным. Да оно, конечно, так и есть. Такой уж у нас язык народный, где не хватает ярких эмоциональных слов, тут и вставим не литературное, но, как раз то, что выразит все наши настроения и восприятия мира.

Ли́ка, по крикам: «Николай, Петро!» – поняла, что сосед никуда не уехал, да ещё и ухаживал за их двором. Через 15 минут они оба уже открывали заржавевший замок.

В доме было холодно и пахло сыростью, хотя на улице стояла июньская жара. Быстро растопили печь, и чёрный едкий дым повалил в дом.

«Печку-то надо было почистить, да сначала бумагой протопить, чтобы протянуло, да вечером затопить. Как будто не знаем, что надо делать. Ладно, ты в городе позабыл деревенские дела. А я то, что делаю? – сказал Петро, а потом весело скомандовал, – Ночуете у меня, а завтра всё решим».

Вечером с работы пришла его жена Катя – она работала продавцом у местной предпринимательницы. Конечно, даже в самом захудалом селе есть магазин. Интересно, но она была с виду нормальная современная женщина, да ещё и красивой внешности. Она быстро накрыла на стол: тарелка со свежими огурцами со сметаной, варёные яйца, янтарного цвета мёд и банка молока, и поставила бутылку водки. Ли́ка показав на бутылку глазами, сказала:

— Извините, папа не пьёт.

— А ты, что это за папу решаешь. У него что — языка нет, самому за себя говорить, — ответил ей Петро.

Ли́ка поняла, что здесь надо промолчать, как бы она не относилась к алкоголю.

Сколько надо времени, чтобы мы научились общаться на уровне простых эмоций и радости, без помощи истребляющего нас яда. Но, будем надеяться, что мы этому со временем научимся, а пока...

Она махнула рукой, сказала, что хочет спать и ушла в небольшую, но уютную комнату, в которую её проводила Катя.

«Здесь жил наш сын, пока не уехал в город счастье искать. Все уезжают в город, думают, что это хороший вариант, только одни устраивают там жизнь, а другие гордо мыкаются. Вот он у нас гордо мыкается. У Пети столярка: двери делает, наличники, столы и табуреты, а деньги сыну посылаем.

А чтобы вместе-то работать — не хочет», — проговорила она спокойным ровным голосом, пока входили в комнату.

В комнате стояла какая-то особенная приятная прохлада.

«Это же тот дом, который он строил, когда я маленькая гостила у бабушки», — подумала Лика, засыпая.

Она уже не слышала, о чём разговаривали мужчины за столом и как долго сидели. Уже утром она подумала, что им было о чём поговорить, здесь прошло их общее детство и юность.

Весь следующий день они с отцом выгребали, чистили, мыли и всё приводили в порядок. У Лики был небывалый подъём, ей казалось, что уже давно она не чувствовала себя такой одухотворённой, способной свернуть горы. К вечеру, уставшая, но полная пьянящего душу состояния присела на крыльцо. Завтра утром папа уезжал, она представила, что будет следующую ночь спать одна в доме и ей стало слегка неудобно. Но она отогнала эти мысли — это будет ещё нескоро.

Вечер был на удивление хорош, может потому, что после городской суеты здесь было необычно тихо, даже ветер не шелестел по листьям и траве. Лика решила, что надо выйти на улицу и оглядеться, она не увидела пока даже соседних дворов.

— Что, девушка, скучаем? — окликнул её голос, не весть откуда взявшегося молодого мачо в ковбойской шляпе, с виду лет тридцати.

— Нет, что вы, я никогда не скучаю — это не мой удел, найду всегда я уйму дел, — сказала она с улыбкой.

— А вы местный?

— Ещё какой местный и тебя знаю. Ты к бабушке приезжала, когда маленькая была, и мы с тобой играли, только забыл, как тебя звать.

— Как интересно, вот и друзья нашлись. Я — Лика, а вы молодой человек, как вас звать?

— Я — Санёк, из дома, который напротив через дорогу?

— Значит Саня, очень приятно, — сказала Лика всё также с улыбкой.

— А вот скажи, Саня, у вас красивые кованые ворота, вы где-то заказывали?

— Да нет, мы с отцом занимаемся художественной ковкой. Отец у меня мастер, может слышала — Борис Костин — о нём уже несколько раз писали. Он много разных изделий интересных выковал. Несколько раз первые места на выставках занимал.

— Как интересно, Петро занимается столярными делами, вы ковкой.

— А вот здесь, в следующем доме — Сергей, занимается резьбой по дереву. А знаешь, в деревне иначе нельзя. Работать не будешь, с голоду пропадёшь. Правда, есть у нас несколько семей, где пьют и ничего не делают, но это не показатель...

— Слушай, Сань, а как у вас с интернетом? — вдруг вспомнила Лика про игрушку цивилизации.

— Да, нормально. Только я редко там бываю. Знаешь, я сначала увлёкся было им, а потом понял, что если засяду в нём — себя потеряю. Больше по работе туда залажу.

Лику по-хорошему поразил этот с виду неказистый, но явно умный и воспитанный парень.

— Да, в селе жить трудно, — сказала Лика, качнув головой.

Саня приподнял брови и пожал плечами:

— Жить везде трудно; и хорошо, где нас нет. У мамы знакомая в городе на работу встаёт в 5 утра и едет через весь город. Работает до 7 вечера и домой опять через весь город, чего хорошего? Прожила до пятидесяти и замуж не вышла, говорит, некогда личной жизнью заниматься. Скажи, а зачем тогда жить? Чтобы одинокой доживать старость в собственной квартире, если на неё заработала?

Лике эти доводы показались на столько убедительны, что она не нашла, что ответить, и только в знак согласия утвердительно махнула головой. В это время её окликнул отец.

«Саня, мне было приятно с тобой пообщаться. Приходи в гости!» — и она, помахав, поспешила домой.

В ограде стоял Петро и держал в руках пакет с огурцами и банку молока.

— На-ко возьми, огурцы пусть Коля с собой возьмёт, а молоко ты будешь пить, а то уж сильно худая, в таком виде замуж никогда не выйдешь, — сказал, добродушно смеясь Петро.

— Я и не собираюсь, — в тон ему ответила Лика.

— Все не собираются, только по разным причинам, одни сильно толстые, а другие худые. Вот в норму войдёшь, тогда и посмотрим, собираешься или нет!

Отец поднял Лиду чуть забрезжила заря.

— У меня здесь ещё одно дело невыполненное осталось. Мы с тобой не сходили на кладбище к нашим родным.

— Папа, я же хотела тебя проводить, а потом сходить.

— Во, ты даешь! А мне, Лика, надо попросить у них прощение, что так долго не навещал. Какая ты, доченька, у меня молодец, что вспомнила наше село. Я — то, в начале всё собирался съездить, да какие-то дела обязательно мешали. А потом и вовсе совесть притупилась. Вот как бывает. Ты — то у меня не плохим человеком выросла, наверное, потому, что в то время я ещё свои душевные качества не расплескал.

— Да ладно, папка, чего ты. Так в жизни бывает: бежишь, торопишься, всё пытаешься ухватить в одни руки. Просто надо уметь останавливаться и немного топтаться на месте. И всё будет нормально.

Когда они вышли за ворота, село ещё только начинало просыпаться. До сельского погоста они дошли быстро. Всё было аккуратно огорожено, а могилки убраны.

— Видишь, Лика, какие люди живут в нашем селе. Я им кланяюсь до земли. Может поэтому и село наше не развалилось. А сколько тысяч деревень сравнялось с землёй. Вот и я когда-то покинул свой дом.

Лика, задумавшись, вглядывалась в фотографию бабушки на памятнике, на которой она улыбалась с лукавинкой, слушая исповедь сына.

«Какая бабушка у нас была мудрая», — думала Лика, когда они возвращались домой.

И вот, Лика проводила папу и осталась одна. Она села на крыльцо, и лёгкая горчинка окутала сердце. Она подумала о том, что, возможно, зря всё это затеяла – одна на краю света! Но отступать она не привыкла. Её характер эгоистичный и упрямый не позволял ей исправить этот опрометчивый шаг.

Давай, Лика, попробуй осваивать новый и почти позабытый с детства мир. Если ты не решишься жить на земле, всё равно, в душе она оставит неизгладимый след, пролив туда много тепла и света.

Собираясь сюда, она отказалась от всех благ цивилизации – ноутбук, айфон, и сейчас об этом жалела. Появилось огромное желание, хотя бы на часок залезть в сети и побарахтаться там, но усилием воли она отогнала эту сладкую мысль и пошла осматривать территорию.

Утром пятого дня пребывания в селе она решила сходить на родник. Вода, вытекала из трубки, которая была вкопана в землю, и звенела хрустальной чистотой. Ниже по речке женщины полоскали бельё, а зимой поили коров. Раньше, когда она маленькая приезжала сюда и бегала с бабушкой на родник, не замечала захламлённости этого уголка – а сейчас бросилось в глаза.

«Первое мне задание, привести родник в порядок!» — подумала она. На территории рядом с родником раньше были камушки и песочек, а сейчас всё заилило. Лика поняла, что нужна лопата и, развернувшись, пошла за орудием труда. Лопаты в ограде она не нашла, и пошла к Петру, которого язык не поворачивался назвать по отчеству, как и его жену Катю, видно, от того, что выглядели они в свои 50 довольно молодо.

— Петро, а у вас лопата есть?

Он окинул её удивлённым взглядом.

— Лопата, конечно, есть. Но для каких целей?

— Хочу родник почистить, — просто ответила Лика.

Петро как-то неопределённо гыкнул.

— Слушай, Лика, мне прямо не по себе стало. Мы же с соседом Борисом собирались там почистить, да то, ноги не

доходили, а то – руки. Давай-ка, вместе пойдём! У меня и время пока есть... Так, топор надо и плашки, а там дальше посмотрим.

Когда они выходили их окликнул сосед через дорогу.

— Это ты куда, Петро, собрался?

— Да, знаешь, Боря, решили мы тут с Ликой наш родничок почистить! Как ты на это смотришь?

— Так, мы же давно хотели с тобой этим заняться! Я с вами! Через минут 10 подойду! – сказал он, и скрылся за красивыми коваными воротами.

Уже вскоре, он стоял в резиновых сапогах посередине водоёма.

— Сейчас подойдёт трактор, я переговорил с Николаем, он основной ил лопатой сдвинет, а дальше посмотрим...

Николай на тракторе прикатил не один, с ним была его жена Галина, женщина с громким голосом и крутым нравом.

— А кто платить будет? – спросила она с напором, но потом махнула рукой. – Ладно, сами-то тоже пользуемся водой, давно бы надо тут почистить.

Подошло ещё три человека и сразу включились в работу. То, что хотели закончить за один час, вылилось в два дня работы. В конце уже работала группа энтузиастов. Мужики, обсудив архитектурный план, соорудили красивые и удобные мостки и поставили две скамейки.

Преобразившийся родник нравился всем, но нашёлся и скептик:

— Кому это надо? Через месяц здесь ничего не останется, всё наша шпана переломает.

Петро сдвинул брови.

— Нам всем это надо! А дети должны воспитываться на добрых примерах. Ты вот детям, какой пример – уже второй месяц мозги алкоголем залиты.

— Я не твоё пью, – грубо ответил скептик.

— Тебе не о том говорят – на чьи ты пьёшь, а о том, какой ты показываешь сыну пример.

На этом все замолчали. Но Лика увидела главное для себя, что не все в селе пьют, а много и нормальных людей, желающих на мир смотреть ясным взглядом.

— А что если мы устроим праздник родника, — сказал Борис Андреевич, чтобы разрядить гнетущую после перепалки обстановку.

После этих слов все враз повернулись к Лике. Раз она была в первом деле инициатором, то и второй этап, решили, она тоже осилит.

Ещё в институте Лика занималась какой-то общественной деятельностью, а то, что есть и культурные мероприятия как-то совсем позабыла. И теперь у неё вспухла голова от всех мыслей, и всю ночь она не могла уснуть. Утром, быстро позавтракав, она пошла в сельский клуб. Большое деревянное здание, построенное ещё до её рождения, обшитое белым сайдингом, стояло в центре села. Она зашла в здание, и сердце неожиданно ёкнуло, она вспомнила, как приходила с бабушкой на какой-то большой концерт. Заглянув в комнату, на которой была табличка «Директор» увидела Венеру Львовну уже не молодую, но всё такую же ухоженную и яркую, какой она была в детстве Лики.

— Здравствуйте, — сказала Лика, качнув в приветствии головой.

— Здравствуй, Лика.

Лика широко открыла глаза от удивления.

— Венера Львовна, вы меня помните?

— Что ты, девочка! Я хорошо знала твою бабушку, мы были с ней подруги, но тебя я бы никогда не узнала, ты стала взрослой красавицей! Но, это деревня. А тем более про тебя всё село гудит. Такую акцию провела на роднике, молодец! А приехала-то, отдохнуть или жить собираешься?

Лику этот вопрос застал врасплох.

Пока не знаю, — пожала она плечами. — Но, когда мы приводили в порядок родник, родилась идея сделать праздник родника. Но, я что-то не знаю, как это должно выглядеть. Просто очень хочется, чтобы это было, что-то живое и для

всех незабываемое. Вот подумала и пришла к вам. Венера Львовна я помню, вы проводили прекрасные мероприятия.

Они сидели часа два, и родился интересный сценарий нового праздника.

Ли́ка, привыкшая всё делать ответственно и хорошо, с головой ушла в подготовку мероприятия. Её энергия всколыхнула всё вокруг, даже, казалось, воздушные массы стали передвигаться по-другому. Неделю село клокотало, как горячий гейзер.

И вот настал долгожданный день! Через деревню к роднику шёл местный ансамбль «Селянка» давно уже признанный народным, и пели раздольные песни под баян руководителя хора, задавая задорный тон празднику. Недалеко от родничка стояли столы, на них в подносах лежали блины и в пиалах свежий душистый мед. Желание участвовать в празднике было у всех, а чтобы это было не в тягость, Ли́ка с Венерой Львовной раздали всем небольшие задания. Но главное, этот праздник проходил без спиртного.

Домой Ли́ка пришла вечером очень уставшая, но это была не та усталость, которая высасывает и лишает человека энергии. Даже когда она окончила мединститут, не было такой полной заряжающей изнутри радости. Ей хотелось обнять весь мир. Ли́ка не думала, что так быстро станет здесь своей, может потому, что она и сама отдавала жар своего сердца людям! Она пока не представляла, что будет дальше. Но жить ей здесь нравилось!

Ей захотелось сделать что-то необычное, в этом ещё не понятом до конца пространстве деревни. Она лежала на кровати и думала о том, что этот мир ворвался как-то совсем неожиданно. А что будет, если она вдруг решит здесь остаться навсегда? Нет, конечно, этого она себе пока не представляла. Её мозг, воспалённый от дневного напряжения не хотел отдыхать, а бодрствовал и выдавал цветные фантазии. Вдруг ей представилась деревня будущего. В центре рядом с современным Домом культуры парк из экзотических растений.

Под эти сладкие грёзы, она уже начала засыпать, когда в дверь кто-то постучал. Ли́ка встала, оделась и потом зажгла

свет. Время было позднее и ей стало не по себе.

— Кто там? — спросила она спокойным голосом, хотя сердце против воли вдруг учащенно забилося.

— Лика, прости, это я Саня. Мы здесь с нашей соседкой тётей Валей, у неё мужу плохо стало, а фельдшер наша уехала в отпуск. Ещё раз извини, ты бы не могла его посмотреть? — всё это он произнёс, стоя перед закрытой дверью.

Лика смутившись, открыла дверь. Он на самом деле был с женщиной, которую она видела впервые.

— Вы, уж извините, я не хотела к вам идти. Да вот, Саня уговорил. Мужу плохо совсем, рвота.

— Так, сейчас я возьму сумку с медикаментами, — сказала Лика. И это была уже совсем не та юная девушка. Саня вдруг увидел серьёзную строгую женщину и понял, что она обязательно поможет тети Валиному мужу.

У мужчины приключился аппендицит. Быстро нашлась машина, и его отправили в райцентр. А утром уже прооперировали.

Лика прожила в селе уже больше двух недель, но всё как-то не хватало времени пройти по всем закоулкам детства, наполнить тело неповторимым легким и сладостным состоянием эйфории. И сегодня с утра она решила это сделать. Только она вышла за ворота, как её окликнул Саня.

— Привет, — сказал он и махнул рукой.

Она в ответ улыбнулась широкой открытой улыбкой.

— Доброе утро, Саня!

— Ты куда, Лика, так рано собралась?

— Да, вот появилось желание, прогуляться по местам, будоражащим детскую память.

— А с тобой можно?

— Саня, я буду очень рада! Ты будешь моим гидом. Расскажешь о том: где, кто и как живёт — очень интересно.

— То есть я буду про всех сплетничать?

— Что ты, Саня, это ознакомительный поход. Должна же я чувствовать людей, с которыми рядом живу.

— А что в городе ты всех знаешь?

— Нет, но это совсем не город. Село – это микромир лёгких энергий. Главное их надо почувствовать. А город – это мир тяжёлых металлов.

— Что-то ты мне тут заумного наговорила, — сказал Саня засмеявшись.

— Нет, Сань, просто в городе не ты движешься, а тебя движет махина чудовищного сгустка разной хаотичной энергии, а в селе ты можешь создавать ту оболочку вокруг себя, которая тебе по душе.

— Но, раз так, пойдём!

Они медленно пошли по улице. Пройдя метров триста, Саня показал в сторону дома с резными ставнями и невысоким узорчатым забором.

— Вот, видишь, большой ухоженный дом, здесь живёт глава сельской администрации. Это дом его родителей – отца нет уже несколько лет, а мама ещё крепкая. Он недавно пришёл на это место после финансового института. Когда были выборы, решили ставку сделать на молодого. Он наш ровесник. Это как-то сразу почувствовалось, будто свежий ветер над селом пролетел. Парень открытый для общения, если возможно, старается помочь, к старым уважительный. Да, Лика, давай заглянем на пять минут, он будет рад, и познакомишься.

— А это будет удобно? – спросила Лика, на минуту приостановившись.

— Да, конечно! Между прочим, он не женат! – произнёс Саня с лёгкой иронией в голосе.

— Ой, Саня, меня это вообще не волнует! – ответила она ему в тон.

Ох, уж эти женщины всех возрастов и сословий. Они обязательно скажут, что им нет никакого дела, до прекрасного рыцарского пола, что все мужчины одинаковы и не стоят даже одного девичьего ноготка. А потом, встретив того единственного и неповторимого вздыхают и плачут до самой свадьбы, а потом, прожив несколько лет со своим избранным

ком, обязательно, снова скажут, что все мужчины одинаковы. Вот такой женщины парадокс.

Лика машинально поправила кофточку и посмотрела на свое отражение в зеркальной двери администрации. Саня улыбнулся, увидев моментальное преображение спутницы, и открыл дверь.

— Проходите, мадам.

Затем он быстро заглянул в кабинет с табличкой «Глава администрации Иванов Сергей Владимирович» и поманил её пальцем.

Кабинет, куда они вошли, был просторным с красивыми шторами на двух больших окнах. За столом сидел Сергей Владимирович, выглядевший довольно моложаво. Он встал на встречу вошедшим, и Лика увидела помимо того, что он красив лицом: с карими открытыми глазами и правильным прямым носом, но ещё и высок ростом. Он будто случайно сошёл с обложки журнала мод в этот уютный сельский кабинет. Чувствовалось, что приглашая их пройти, он слегка стушевался, но уже через несколько минут между ними текла ровная беседа. Лика не заметила, как прошло около часа времени, так было интересно разговаривать.

Ей понравился этот молодой человек сразу: спокойная уверенность в себе, такт, культура речи, знание дела и явно выраженная любовь к своему селу – показывали незаурядную личность. А его глаза, такие яркие и выразительные будто смотрели прямо в её душу.

Уже поздно вечером, ложась спать, она сказала себе: «Лика, так не бывает, ты чего себе выдумала? Он красивый, он тебе очень понравился, но у него же явно кто-то есть. И ты его совсем не знаешь, вы знакомы ровно час. Успокойся и успокой своё бешено прыгающее сердце. И прекращай о нём думать! Всё». Но «всё» не сработало и она не могла уснуть очень долго. Где-то рядом в открытую форточку была слышна мелодичная трель жаворонка, созвучная состоянию её так неожиданно простреленной души.

Лика была воспитана в правилах хорошего тона и знала, что такое хорошо и, что такое плохо. Она знала, что это

очень нехорошо ходить по селу и искать встречи с Сергеем Владимировичем, что она делала уже три дня, но не могла себя остановить. И вот, когда она уже совсем отчаявшись, шла прогулочным шагом, увидела его около своего дома. Он стоял и смотрел на окна или калитку, но явно в ту сторону. Лица в момент преобразилась, будто и не желала вовсе эти три долгих дня встречи с молодым человеком.

— Сергей Владимирович, добрый вечер, — сказала она голосом без лишних вибраций.

Он вздрогнул, и всем телом повернулся к ней. И в его глазах она увидела свет, который струился тёплым потоком. И она поняла, что не безразлична этому человеку.

Любовь! Сколько песен, стихов и поэм говорят о великом чувстве, которое приходит к нам не ведомо с каких планет. Годы или миг рожают это удивительное состояние, которое не может повториться ни в чём. Ждём мы её или не ждём, она, всё равно, как неожиданный порыв ветра, закрутит и понесёт. Ни что на земле не имеет такой ценности как ЛЮБОВЬ. Ни жемчуга, ни бриллианты, ни карьерный рост, ни миллионы не сделают вас счастливыми, если к вам не придёт Любовь. Любовь, Любовь, Любовь...

Лица смотрела на всё вокруг удивлёнными глазами. Она вдруг поняла, что это её деревня, её мир. Без этого пространства она больше не существовала. Этот уголок, где она оказалась как бы случайно, совсем не был случайностью. Сюда её привела судьба. Всё для неё уже было решено.

С Сергеем за один месяц сложились такие отношения, будто они знали друг друга уже много лет.

Ровно через два месяца отец привёз Лику домой. И что тут началось!

Первое, что сказала Лица:

— Я уезжаю в деревню.

Мама смотрела на дочь широко открытыми глазами и глотала воздух, а потом пила успокоительные таблетки. И тогда, вторую часть признания о том, что она выходит замуж за сельского хорошего парня, Лица оставила на потом.

Татьяна Чанчибаева

Татьяна Чанчибаева родилась в с. Урлу-Аспак в 1970 г. Окончив Горно-Алтайское педучилище, а позже университет, работает учителем русского языка и литературы в родной школе. Любит детей, ежедневно отдавая им частичку своей души, щедро делясь творческими находками.

Она — автор книг: «Кто живёт в горах Алтая», «Милым ребятам стихи и загадки», «Если женщина в счастье одета», является членом Майминского литературного объединения «Лира».

Номинант на премии: «Наследие», «Поэт года» в 2011, 2012, 2014, 2015, 2016, 2017 гг. и на премию имени С.Есенина в 2017 г.

Член Международного Союза писателей «Новый Современник», Член Российского Союза писателей.

Финалист Всероссийского конкурса «Герои Великой Победы».

Не испортить красоту годами

*Не испортить красоту годами,
Даже если спорят зеркала.
Оноре Бальзаковская дама
Прелесть в мир особую несла.*

*Даже если паспорт не согласен
С вашим состоянием души,
Возраст не диагноз, не опасен,
И страницы жизни хороши.*

*Помните, Коко Шанель сказала,
Что глупа та женщина вполне,
Если к сорока годам не стала
Краше, привлекательней вдвойне.*

*Пусть не станем мы уже моложе,
С выдержкой приятней вкус вина,
И минута каждая дороже,
И к лицу с годами седина.*

*Шурша минутами, как платьем,
Уходят в прошлое года...
И молодость, сомкнув объятья,
Не обернётся никогда...*

*Я помашу ей вслед рукою
И отпущу бывшее с миром...
Спасибо, что сведя с тобою,
не просто так промчалась мимо.*

«Бомжиха»

На паперти пристроилась бомжиха
С остатками от прелести бывлой
И со следами тягостного лиха,
Но не слилась с невзрачною толпой.
Её бомжи прозвали здесь «Графиня» —
Спина прямая, отрешённый взгляд,
И о себе ни с кем не говорила,
И не пила со всеми суррогат.
Она была особенной какой-то —
За подаяньем не тянула рук,
Монетки прихожан брала достойно,
Благодарила взглядом, полным мук.
Кончался день, доход свой небогатый
Она сдавала местной рекетне
И шла к себе, в бомжатник тесноватый,
Чтобы вернуться в прошлое во сне.
И там уже, на дне своей печали,
В сиротском, хрупком, тихом забытьи
Заснеженная память возвращала
Сгоревшие счастливейшие дни.
Тогда был муж и сыновья-близняшки.
Их дом стоял на берегу реки.
Всё лето приносили ей ромашки
Любимые и дружные сынки.
Но время шло, сынишки подрастали,
И как-то незаметно день настал,
Когда их вместе в армию забрали
В воюющий тогда Афганистан.
Не описать родительского горя
И не представить в самом страшном сне,
Когда один погиб на поле боя,
Второй попал в неравной схватке в плен.

Для выкупа продали всё, что было,
Но в дом беда приходит не одна –
Отца болезнь смертельная свалила,
Когда узнал, что сын казнён вчера...
После инфаркта, на больничной койке,
Едва дышала женщина от слёз.
Не помогали капельниц иголки —
Давленья столбик только выше рос.
Через полгода вышла из больницы.
Куда идти? Ни дома, ни родни.
И где несчастной можно приютиться
С такой душевной ранюю в груди?
Она сидела в парке на скамейке,
Невыносимо память сердце жала.
Вдруг рядышком присел сынок Андрейка,
Совсем ещё мальчишка, как тогда...
Но почему-то он сказал ей: «Тётя,
Наверное, Вам негде ночевать?
Я знаю место, покажу, пойдёмте.
Там, в уголке Вы сможете поспать».
«Я умерла, и ты, Андрей, мне снишься?
Но так реально, будто наяву,
И так похож на моего сынишку,
Вот только эта родинка на лбу...»
«А как же Вы моё узнали имя?
Ещё я не успел его сказать».
«На сердце столько лет его носила», —
Ответила, слезу стирая, мать.
Пришли в подвал, а там народу много.
Кто водку пьёт, кто спит давно уже.
«Кого ты нам привёл?» — спросили строго
Из кучки разгулявшихся бомжей.
«Да вот, привёл из парка эту тётю,
Ей тоже было негде ночевать».

«На паперть завтра вместе с ней пойдёте,
Чтобы харчи с ночлежкой оправдать!»
«В обиду Вас не дам!»- шепнул Андрейка,
Когда они устроились в углу,
Укрылись чьей-то старой телогрейкой,
Оставленной на каменном полу.
Озябли окна старого подвала,
И эта ночь взята была в кредит,
Но две судьбы сиротских боль сближала
От ссадин, от потерь и от обид.
Тянулись дни, свисали с крыши ночи.
Слоями память жгла до немоты...
«Спасибо, что нашёл меня, сыночек!
Я счастлива, что есть на свете ты!
Теперь у жизни новое начало.
Вот постоим на паперти чуток,
Вернём, что за ночлежку задолжала,
Уедем с чистой совестью, сынок!»

Ну, столько поэтов сейчас развелось!

*«Ну, столько поэтов сейчас развелось!» -
Сказала с сарказмом мне дама.
Самой ей создать ничего не пришлось,
Лишь к зависти выдалась тьма.
И жаль ограниченность дамочки той –
Из ярких возможностей жизни
Она выбирает флакончик пустой
И участь обычного слизня.
Судить не берусь – это дело её,
Немало таких пустоцветов,
Которые рады, как то вороньё,
Обкаркать не только поэтов.
Неважно за что: за глаза, за талант,
За добрый характер, зарплату...
Но чем тяжелей их губительный яд,
Страшней перед Богом расплата.*

Нежный шлейф твоего аромата

*Нежный шлейф твоего аромата,
Лёгкий стук каблучков за окном.
Сколько лет мы с тобою женаты,
А как будто впервые влюблён.
Я дарю тебе белые лилии,
Ты похожа на них неспроста,
Моя добрая, нежная, милая,
Ты и песня моя, и мечта!*

На двери у Одиночества

На двери у Одиночества
Ни крючка нет, ни замка.
И живёт Его Высочество
В сером замке из песка.
Вход широкий, дверь не заперта,
Только выход узковат.
И душа здесь как на паперти –
Вся из дырок и заплат.
Редко день бывает солнечным.
Тишина, хоть волком вой,
Надоевшая бессонница,
Бесполезных мыслей рой.
Не важны чины, сословия,
Пуст ли, полон кошелек.
Тут одно царит условие –
Каждый в чём-то одинок.
И не всякий может выбраться.
Главное: хватило б сил,
Потому что стены зыблются,
И порою мир не мил.
Но надежды нить пульсирует –
Закалилась от невзгод.
По канату балансирую
Я туда, где жизнь идёт.

Ты говоришь, что отцвели сады

Ты говоришь, что отцвели сады,
И аромат их снова не вернётся.
Взгляни на свет предутренней звезды,
Он сотни лет с небес на Землю льётся.
Любовь не исчезает в никуда,
Её прошедшей просто не бывает.
И если с неба падает звезда,
То след ещё надолго оставляет.

Услышать весной журавлей

На лестнице жизни истёрты ступени,
Но это ещё не конец —
Звенящую просинь благой перемены
Пошлёт непременно Творец!
И пусть быстротечные даты мелькают
В палитре обыденных дней...
В обители сердца надежда не тает
Услышать весной журавлей.

Я просто женщина земная»

Я — просто женщина земная.
Я — дочь, я — мать и я — жена.
И эта истина простая,
Как воздух для меня важна.
Я, как и все, бываю разной
(На свете идеальных нет)
И нахожу, порой не сразу,
На жизненный вопрос ответ.
Я знаю: солнце светит людям,
Нам, одинаково для всех.
И, коль недобрым словом судим,
Господь увидит этот грех.
Каким бы ни был в жизни опыт,
Я за него благодарю.
Сотру с души чужую копоть
И снова светлый день творю.

Лунная песнь шамана

Вдоль по узкой таёжной тропе
На исходе цветущего мая
Плёлся старый шаман в маньяке,
Верный бубен к груди прижимая.
Поднимаясь по склону горы
И минувшие годы листая,
Оставляя он для духов дары,
Все традиции гор соблюдая.
Понимал, что пути нет назад:
Остывало его костровище,
И ожившие тени не зря
Погребальными звуками свищут.
Он давно приглядел в стороне
Среди лиственниц мощное древо.
На осколках священных камней
Оно с ветром шепталось, шумело.
Здесь развёл ритуальный огонь,
Совершая обряд свой сакральный.
И гортанные звуки как стон
Полились над тайгой прощально.
В бубен вкладывал старый Молтуй
Свои силы и мудрость шамана.
Вековое наследие лун
Над костром в диком танце витало.
Лишь под утро усталый шаман
Молча бубен укрыл своим телом.
И душа его словно туман
Над Алтаем легендой взлетела.

Что жизнь их продолжалась...

Она болела много лет,
С постели не вставая.
Он грел у печки старый плед
И плечи укрывал ей.
Он сам варил, стирал бельё
И гладил ей рубашки,
А после выносил её
Взглянуть на цвет ромашки:
«Смотри, набрали розы цвет
Тебе, моя родная!
Я их пересадил на свет
Ещё в начале мая».
Они сидели на крыльце,
Друг другу улыбаясь,
И счастье было на лице,
Что жизнь их продолжалась.

Снова кофе в ночи...

Снова кофе в ночи...
Тишина по квартире такая,
Даже осень молчит,
За окошком от слёз отдыхая.
Лишь часам всё равно:
Не важна им погода, душа ли.
Это время, оно
Не способно услышать печали.
Снова кофе в ночи
Обжигает уснувшую память.
Сердце гулко стучит,
Но уже ничего не исправить.
И я снова учусь
В новом дне разноцветной родиться,
Жизни чувствовать вкус
И душевным теплом поделиться.

Самый ценный учитель

Самый ценный учитель – опыт.
Даже если он дорого взял,
Гарь на сердце оставил, копоть,
Но и знания крепкие дал.

Не меняйте жизнь по мелочам

Не меняйте жизнь по мелочам:
На обиды, ссоры, лесть и мщенье.
Пусть спокойно спится по ночам,
Каждый день пусть будет украшением.
Надо помнить: только раз живём,
Время вспять, увы, не возвращается.
Что посеем, то потом пожнём, -
Истина проста, и не меняется.

Одинокая женщина в белом

Одинокая женщина в белом
Вдоль по улице шла не спеша.
Где-то скрипка «Элегия» пела,
И погода была хороша.
Одинокая женщина в белом...
А вокруг бушевала весна,
Ароматом черёмухи смело
Проливалась до самого дна!
Одинокая женщина в белом,
Улыбаясь, по улице шла,
И в руках её роза алела –
Память встречи приятной несла.
Одинокая женщина в белом...
Сколько жизни в ней! Сколько тепла!
Всех прохожих улыбкой согрела
Подарила частичку добра!

Мамин хлеб

*Мама ставила опару,
В русской печке хлеб пекла.
Запашистый, с пылу, с жару
Нам к столу его несла.*

*Свежий, с корочкой хрустящей,
Золотистый, пышный хлеб.
Деревенский, настоящий,
Что вкуснее просто нет!*

*Разломив его на части,
Ели, дуя на парок.
Это было просто счастье –
Мамин хлебушка кусок!*

Голубые глаза у весеннего неба

*Голубые глаза у весеннего неба,
Золотые ресницы и ласковый взгляд.
У реки зацвела желтоокая верба,
Ей к лицу золотисто-пушистый наряд.
И над вербой гудят благодарные шмели,
Собирая целительно-нежный нектар.
И приятный бальзам золотого апреля
Принимаю душой как живительный дар.*

Мелькают вновь оранжевые даты

*Мелькают вновь оранжевые даты.
Недолго осень балует красой
И щедро сыплет золотом оплату
За свой недолгий таборный постой.*

*И плачет, и смеётся в одночасье –
Характер неустойчивый такой.
И закружив с бродягой ветром в вальсе,
Изысканно уходит на покой.*

С природой бессмысленны споры...

*Последнюю пряжу в зелёный клубок
Смотало недолгое лето...
И вот уже осень встаёт на порог,
Нарядно и ярко одета.
И рыжие пряди вихрастых ветров
По профилю улиц беспечно
Легко выстилают дорожку ковров
В свою недалёкую вечность.
Короткого дня золотистая нить
С закатом венчается скоро.
И годы уже не догнать, не забыть —
С природой бессмысленны споры...*

Его Величество Алтай!

*Я — дочь алтайского народа,
Тайги и смелых горных рек,
И при рождении природа
Крестила гордо — человек.
Я всей душою принимаю
Благословенный милый край
И благодарно называю —
Его Величество Алтай!*

Ольга Истомина

Родилась в 1957 г. в г. Балхаш, Карагандинской области.

Окончила Томский геологоразведочный техникум и Горно-Алтайский государственный университет, факультет филологии.

С 1975 по 1992 гг. работала в Алтайской геофизической экспедиции, техником-геофизиком.

С 1995 по 2013 гг. — библиотекарем, заведующей Майминской библиотеки, главным хранителем фонда Музея камня, экскурсоводом частной картинной галереи семьи Головань.

С 2013 г. по настоящее время — заведующая Майминской сельской модельной библиотеки МБУ «ЦК и ЦБС» МО «Майминский район» с. Майма.

Автор и составитель сборников: «Параллельные миры», «Повозочка», «Пусть откроется жизни страница», «От февраля до сентября», «Майма литературная», «Среди однотипных коралловых будней», «Мир без войны», «Снова память распахнута настужь», «Отражение веков», «Стишинки для Аринки» и др.

Номинант на премию «Поэт года» в 2016, 2017 гг.

Член Международного союза писателей «Новый современник» с 2017 г.

С 2018 г. — член Петровской академии наук и искусств России.

Осенний рассвет

*Рассвет. Его не за навешать
Ни бахромой дождей, ни сном.
Лечить утрами сердца брешу
Рассвета розовым вином.*

*Всё бросить и бежать навстречу.
Спешить на зов чрез хмарь и мглу,
Сквозь посвист ветряной картечи
По снежноколкому стеклу.*

*Где гор разглаженные плечи
Глядятся в грусть на дно озёр,
Горят берёзовые свечи –
Рассвета раннего костёр.*

*Где птицы яблоками сада
Рассвету гимн любви поют.
И струи солнцеводопада
Развешивают кисею.*

*В журнале ставит осень метки
О том, что кончилось тепло.
И пьёт земля листвы таблетки,
А в сердце лето забрело.*

Я к тебе загляну...

*Я к тебе загляну обязательно. В среду.
Ты собак привяжи. И встречай у ворот.
Я приеду одна. Стопроцентно к обеду.
И с собой привезу целый ворох острот.*

*А еще привезу диких речек раскаты
Про шаманов и духов тех мест, где живу,
Свежий запах тайги, гор алтайских сонаты.
Ты увидишь Алтай, ну, почти наяву.*

*Мы не будем с тобой вспоминать неудачи,
Зная, прошлого стог ворошить ни к чему.
И, скорее всего, мы легко посудачим
Про мороз и, что в каждом доме по кому.*

*Будет юрким ручьём разливаться беседа
Тем, что в детстве излазили вдоль-поперек.
На ручье том от нас не осталось и следа.
Кстати, ирисов и пропылённых дорог.*

*А дрова будут метко стреляться в печурке.
Чем сильнее их пальба — нам с тобой веселей.
Будет кошка точить свои когти на чурке.
За окном плакать вьюга надрывней и злей.*

*А потом я уеду. Наверное, в среду.
Ты собак не гони и не слушай острот.
И украдкой не плачь, провожая по следу!
Мы с тобой еще рядом. До самых ворот.*

Крадётся утро

*Крадётся утро кошкой на охоту,
И не смущаясь плотности портьер,
Уж вот оно. Торопит на работу,
Собой, дополнив скучный интерьер.*

*И вот уже весь дом, глаза разинув,
Идёт навстречу утру налегке,
Ручищи-комнатищи пораздвинув,
Готовый с ним дружить накоротке.*

*Пыхтит на кухне чайник дружелюбно,
Из крана брызжет времени вода.
И кошка маникюр творит прилюдно,
И солнечная красит пол слюда.*

*И вот уже движение и рождение,
Кружение неотложных важных дел.
И каждый день как будто воскресение,
Он ярок, а вчера был черно-бел.*

*Кто радостно сегодня утро встретит,
И правильно поймет, его приняв,
Тому и солнца нет, но Кто-то светит
От бед и непогод его храня.*

Ты её никак не забудешь

Ты её никак не забудешь
деревню эту,
прячущуюся за ковылём,
почти раздетую
ветрами сытыми,
что стаей маются,
рвут, что на их пути,
а всё не каются.
Они деревней той
давно прощённые,
её святой рукой
перекрещенные.
Зимой по улице,
качаясь пьяные,
деревне наскоро
залечат раны и
забросят дымные
следы на млечные
пути небесные,
просторы вечные.
Ты до сих пор попасть
мечтаешь в гости к ним,
но годы стелятся
как этот сизый дым.
Не для тебя горит
в деревне в доме свет,
на печке шторочка,
на старом кресле плед.
Ветра насмешливы,
они всё мимо и
поют про то, как ты,
была любимая.

Пришел декабрь внезапно

*Пришел декабрь внезапно по холмам.
Прошел по рощам, тропам, берегам.
По склонам вниз, как будто невзначай
Скатился: «Всё приехали, встречай!»
Давай буран, раскачивайся, зрей,
срывай плоды горящих фонарей,
толкайся в спины кутаных домов,
и всюду оставляй следы обнов.*

*К весне затихнешь в поле под кустом,
где долго будешь вспоминать о том,
как в окнах за ночь вырастил сады,
как реки полонил в седые льды,
как хулиганил как-то в вечеру,
пока её не встретил поутру.
Как гладил мандарины нежных щек,
чтоб навсегда влюбилась в нить дорог
и целый год смотрела за моря
с тоскою, в ожидание декабря.*

В серых буднях декабря

*Пусть сегодня зреет замять
В серых буднях декабря.
Брызги лета копит память,
В каждой капельке – заря.*

*В каждой капле — горы лбами,
Кто кого из них сильнее,
Небо с ясными глазами,
Облака, что всех вольней.*

*Держит память на ладонях
Каждый ласковый денёк,
Держит крепко, не уронит,
Как бесценный огонёк.*

*Сохранит реки шептания,
Лица теплые друзей,
Ветра знойного признанья
И полёт степных коней.*

*Пусть сегодня зреет замять
В серых буднях декабря,
Душу в стужу греет пламя,
Светлым ангелом паря.*

Надменно холоден январь

*Надменно холоден январь,
скрипуче сер, тягуче бледен.
Ему в ответ на мрак и хмарь
Лишь дым из труб летит победен.*

*Исчезла улиц толкотня,
В дома забившись, под заборы,
И приутихла ребятня,
И старость спряталась за шторы.*

*А он сегодня властелин,
Ему подвластны боги-горы.
Сатином сгладил сеть морщин,
И серебром засыпал поры.*

*Но есть незыблем уговор,
Ему все на Земле покорны.
И вновь январь-конкистадор
Пошлёт поклон весны валторнам.*

Искры твоей души

*Мечутся, лишь бы рядом, искры твоей души,
И никакие преграды, ни пики вершин,
Ни сентябрей вагоны, ни Антарктиды лед,
И никакие законы не в силах прервать полёт!*

*А на пороге август: «Здравствуй, я снова твой!»
Весь в разноцветных астрах, радостный и живой.
Вечером каждым звезды мой озаряют путь,
Серых туманов роздымь плавает: «Не забудь!»*

*Искры не тают, слетают бабочками в круговерть.
Их, я так понимаю, не остановит и смерть.
Кружатся где-то рядом и излучают свет...
Мне они как охрана на миллионы лет.*

Радость свободы

*От счастья, что всюду царствует март,
Сверкают улыбкой лужи,
Полощет ветер часами подряд
И голос его простужен.*

*Почуяв слабину, бегут ручьи,
Во всем виден бунт природы.
На то есть у них миллион причин,
Главная – радость свободы!*

*От всей души у весны подарки.
Заметил кто, тот счастливей всех:
Проталый снег, да травы огарки,
Берез веснушки и тучек бег!*

Кажется, это имеет название — счастье!

*Снегом хрустеть, словно яблоком, падать в сугробы,
Видеть процесс написанья Зимой картины.
Чувствовать кожей вверху над собой небоскребов-
Скал межпланетных мохнато-горбатые спины.*

*Счастливым быть, ну, почти доходя до нирваны,
Видя дороги, бегущей внизу, серпантины,
Рек параллели, деревьев меридианы,
В городе зреющие фонари-мандарины.*

*Греется солнце на лбу и чуть-чуть на запястье.
Руку протянешь и вот оно небо в ладони,
С неба спускаются облачно-синие кони...
Кажется, это имеет название — Счастье!*

Луна

Смеялась полная луна,
добавив в лето лунных красок.
Река прозрачная до дна
оделась в рябь от рыбьих плясок.

Светила яркая луна.
Лес замер пред ее величием,
и было звездам не до сна
и завидно до неприличия.

Стояли двое у окна
в разливе желтого тумана.
Висела круглая луна,
как бубен старого шамана.

Падает снег

Падает снег
белыми пятнами...
Ласковый снег,
ничем незапятнанный.
Падает снег
в обветренном городе
только вчера
позабывшем о холоде.
Улицы ночью
качаются снежные.
Вторят им фонари
откровенно мятежные.
Ночь в моем городе.
Снег в моем городе.
Я лишь вчера
позабыла о холоде.
Стала как в детстве
шутливо-игривая.
Я в своем городе
снова счастливая!

Спасибо, январь

*Спасибо, январь, что поскинувши цепи,
Мы вырвались в горы, забыв про зарок.
И пусть за издство простят меня степи,
Рванули к подножьям вершин-недогроз.*

*Холодная строгость январского нрава
Была по душе и как будто сродни.
Мы как корабли, потерявшие гавань,
В заснеженной бездне остались одни.*

*И стали здесь чище, и сделались строже,
Немного красивей и, точно, мудрей.
Но дома нас ждут и, наверное, все же,
Нам стоит вернуться, желей не желей.*

*А память оставит подспудно, навечно
Лик гор, затонувших в безбрежных снегах,
Фигуры березок в халатах аптечных
И ветра январского сумрачный взмах.*

Я по зыбкому полю плыву

*Я по зыбкому полю плыву.
Незабудок цветастым ковром
все внутри мое сердце выстлано.
Я сегодня на randevу
голубыми цветами вызвана.*

*С ними мы говорим тет-а-тет,
вторит лес нам губами-листами,
да стрекочет кузнечик-поэт
монотонно стихами, стихами.*

Оксана Хлопотова

Я, Хлопотова (Кузина) Оксана Александровна 1971 года выпуска, в юности печаталась под фамилией Малышева. Родилась в заповеднике, выросла непуганой и счастливой в п.Многоозерном (Боровлянский государственный заказник) Алтайского края. Я — сто процентная женщина, конечно не совершенство, но шедевр еще тот, эмоциональна и крайне чувствительна.

С 2014 г. член Петровской академии наук и искусств России. Финалист Фестиваля «Поэзия Улиц в Санкт-Петербурге 2015». Финалист национальной, литературной премии «Поэт года 2015».

Люблю жизнь во всех её проявлениях. Замужем. Счастлива.

О добре

*Если солнцем наполнен остров
Твоего небольшого сердца,
Помоги, помоги другому
У тепла твоего согреться.
Передай по крупинкам счастье,
Если веришь, что жизнь прекрасна,
Научи, научи другого
Не завидовать понапрасну.
Может быть для кого-то лучше
Теплый взгляд, чем в ладошку рубль.
На двоих один хлеб насущный
Не большая, поверь мне, убыль.
Стань «жилеткой» молчи и слушай,
Добрый, — сердцем не оскудеешь
Даже если и ошибешься,
Станешь искренней и сильнее.
Ну, а если однажды стужа
Заморозит твое дыханье,
Это тоже кому-то нужно,
Станешь добрым воспоминаньем...*

Когда-то давным-давно

Когда-то давным-давно,
мы оба любили кино,
И в пятом ряду между кресел
ты мне оставлял без конверта письмо.
Ты молод был, смел и весел,
а я отвечала какой-то бред
о том, как я стану взрослой,
и мы будем вместе встречать рассвет,
ногами сбивая росы.
Рассветы текли, как сквозь пальцы кровь,
мы в красках зари взрослели
и точно знали, что это любовь,
вставая с одной постели.
Но жизнь, есть жизнь иногда одна,
В твою рубашку изливши душу,
Я словно маятник у окна,
Гоняла стужу.
Твоя рубашка была волшебной,
И запах этот я помню, точно,
Он был как Родина и как Мама,
Знакомый очень.
Мы, как и прежде, с тобой подростки,
но внуки наши уж правят балом,
У них на жизненных перекрестках,
Одни забавы.
Наш младший мальчик завел девчонку
И в старый клуб с ней на танцы ходит
И между креслами у эстрады
Записки жизни моей находит.

Малая Родина

*Падали листья, я родилась...
(М. Цветаева)*

*Я родилась в заказнике лесном,
где все живое борется со сном.
Зимой, в холодном, снежном феврале,
метровым одеялом на земле
снега лежали, в искрах серебра
меня встречала матушка-Зима.
Я каплей крови просочилась в Мир,
а мама, тот единственный кумир,
мне этот Мир как сказку поднесла,
я ею очарована росла.
Озерный край, любимая земля,
Без каменных построек и кремля,
Лишь комары, болота, да леса
где сосны подпирают небеса.
Сибирская деревня, милый дом,
Черемухи кипенье за окном,
там запах разнотравья, пенье птиц
и теплота родных, суровых лиц.
Я родилась в заказнике лесном,
Среди черемух спал уставший дом,
В морозном небе падала звезда,
А на земле стояли холода.....*

В Петербурге

*Мечтала, мечтала и вот, сбылось.
Питер — каменной глыбой мрачной
Невским проспектом передо мной
Небом, разорванным в клочья, плачет.*

*Мечтала, мечтала и вот, сбылось.
Дворцовая площадь легла под ноги
Столп Александра, — к нему дороги,
Кровью пропитанные, насквозь.*

*Храмы, дворцы, — классицизм, ампир,
Готика, — сколько любви в деталях,
Я пробегу вдоль Невы в сандалиях,
Шумом весенним наполню мир.*

*Мечтала, мечтала и вот, ты мой,
Несколько дней у меня в запасе.
Город Петра, как же ты прекрасен,
Над окаймленной в гранит Невой!*

Я слишком мало знаю о войне

*Я слишком мало знаю о войне,
Когда-то в раннем детстве у окошка
Мой дед носивший фляжку на ремне,
Мне про войну рассказывал немножко.
Я помню запах дедова плеча
И терпкий вкус дымившей самокрутки,
Бывалый вид сапог из кирзача,
Да деда незатейливые шутки.
И синим вены на большой руке,
Что нас спасала в яростной атаке.
Четыре долгих года в кулаке,
Готовая, к большой кровавой драке.
Рассказ о том, как в танке он горел,
И пересохшим ртом кровавых трещин
Не замечал, огонь внутри кипел
За дом и кров, что дедами завещан.
За стон, стоявший долго на земле
Поруганной и взрытой сапогами,
За города, что в пепле и золе
Лежали между западом и нами.
И шёл мой дед, стирая сапоги,
И тысячи сапог стирая ноги,
Купались в кровью политой пыли
Бескрайнего отечества дороги.*

Сергею Есенину

Беру стихи, — душа печали просит.
В потрепанный от жизни переплет
Вместилось всё — и эта неба просинь,
И ширь души, которая поёт.
Весёлые Есенинские дали, —
Лоскутными нарезками поля,
где клёны под тальянку танцевали,
где потом предков полита земля.
По крови он — мужик с душой широкой,
По жизни он, как ангел — светел, прост.
Рубаха парень с далью синеокой
В глазах, а в сердце — золото берёз.
Он — сын земли, деревню воспевая,
Любил крестьян и шел своей тропой,
Где роща говорила золотая,
да клёны танцевали под луной.
Мне это все и близко и знакомо,
Я, как и он, березовую даль
Боготворю, в его стихах я — дома,
Где светлым морем плещется печаль.

Валерия Тюхтенева

Родилась в Новосибирской области в семье сельских учителей. Получила высшее образование в Новосибирском электротехническом институте связи. Там же параллельно окончила факультет общественных профессий по специальности журналистика.

Работала по основной профессии в г. Тобольске. Была членом литературного общества «Конёк-горбунок», печаталась в местной газете.

По семейным обстоятельствам переехала в Горно-Алтайск. Замужем, счастливая мама двух взрослых дочерей, не менее счастливая бабушка. В данное время на пенсии.

Печаталась в сборниках поэзии: «Огни гавани» (г. Санкт-Петербург), «Среди однотипных коралловых будней» (г. Горно-Алтайск), в газете «Звезда Алтая».

Член литературного общества «Лира».

Люблю природу, животных, увлекаюсь живописью и горными лыжами.

Летний дождь

*Дыханье моря, собранное в облака,
Под канонаду громовых раскатов
Спешит пролиться влагой благодатной
На опалённые жарою берега.*

*И прячется июль под яблоневый свод.
Цикады складывают скрипки-крылья,
И по тропинке вперемешку с пылью
Несётся дождь, не вписываясь в поворот.*

*И тьма густеет за распахнутым окном,
Как будто бы задернули гардины,
И запах свежести морской глубинной
Девятым валом накрывает дом.*

На сон грядущий...

*Сегодня с миром я в ладу.
В ночь переходит плавно вечер,
И в нашем маленьком саду
Звезда застенчиво щебечет.*

*Клубит туманом млечный путь,
Моря облизывают сушу,
А мне так сладостно уснуть,
Гармонии вселенной не нарушив.*

Яблочный Спас...

*И падали яблоки спелые,
И с горки катились вниз
В траву и листву перепрелую,
Весной прорастая в них...
Гурьбой голенастых яблонек
Под горку сбегает сад,
И падают яблоки, падают...*

И длится в душе благодать...

Июль... индейские замашки...

Июль... индейские замашки –
запутать след в садовых джунглях,
Где дикий виноград почти непроходим,
Где боевой раскрас цветов,
их аромат – есть вызов ульям,
Шмелям, колибри-бразнику и иже с ним...
Стелить по поймам рек туман,
раскуривая трубку мира.
Бросать, как можно выше, солнце-бумеранг
И возвращения ждать его
из раскалённого кармина.
Быть вольным ветром, словно в прерии мустанг.
Ковать под громовой тамтам
из острых молний томагавки...
Июль... мой краснокожий давний побратим,
Мой Гойко Митич, мой герой
вне времени, без «экс» приставки.
Давай без суеты с тобой поговорим
О четырех толтекских соглашениях.
Там безупречным
Должно быть, слово до начала всех начал,
Как в Библии, где всё о вечном...
И только, что быстротечна
Наша жизнь, ты по-индейски мудро промолчал.

Вольная воля...

Ветра осеннего пряная спелость.
Степи и степи. Пелось и пелось.
Небо полынное. Вечности пыль.
Дали и дали. Ковыль и ковыль.
Жизнь кочевая – избранных доля.
В первом дыханье – вольная воля.
Ветры степные по диким просторам
С пылью разносят вольности споры...

Венеции

Si bella...

*В мареве над заливом
Крыш терракота, шпили, да купола.
С пьяцца Сан-Марко голуби взмыли
В небо. Полдень ударил в колокола.*

*Браво, синьор! Баркаролы льются,
Лодка послушна, и притих Гранд-Канал.
Санта – Мария – делла — Салюте –
Куполом в небо, в паперть бьётся волна.*

Si bella...

*В раковине лагуны –
Город, что персиковые жемчуга,
Мимо столетья, варвары, гунны...
Ты – Афродитой
из моря выходишь
в века.*

Дзэнь...

*Чайная церемония на циновке
Под пологом яблонь в цветущем саду.
Струйка пара над чашкой. Ветер доносит
Дыхание провинции Гуандун
В запахе чая с лепестками жасмина,
С лавандой, бамбуком, с медовостью трав
У Жёлтого моря в закатном кармине,
С отдушкой смородинового листа.
Здесь, в ритуальной встрече ложки с фарфором,
На чисто китайском вылетает – дзэнь,
Просто звоночек без наречий, глаголов,
Очевидно, напутствие в новый день.*

Не спи, прошу...

Не спи, прошу, идёт по следу
волчицей белою зима.
И скуден день, как грошик медный,
и непроглядна ночи тьма.
Не спи, прошу, идёт охота
на всё, в чём теплится весна, –
на травы, ждущие исхода
из заточенья в семенах,
на листья в клейких почках-робах,
на реки, вмёрзшие во льды,
на превращённые в сугробы
мертворождённые дожди.
Но главная идёт охота
на души коим не до сна –
янтарной каплей, долей сотой
в них прибавляется весна.

Медовое

Разломится утро на «рано» и «поздно»,
На счастье, что было, и, что ещё ждёт...
Но здесь, при сейчас, мне понять невозможно –
В бочонке, где дёготь, найдётся ли мёд?
И только душа, всё в себе переплавив,
Излечит, исправит, простит и поймёт,
На долгую память, как метку, оставит
Лишь капельку дёгтя в бочонке, где мёд.

В старой ракушке...

*В старой ракушке...
зимует лето – море поёт беспечно
жемчужною россыпью небо
хранит твоё имя посложно...
клубочком свернулось время –
.....смешной завитушкой...*

История первой любви

*как в окладе икона,
в переплете оконном
весна.
...всё в имени твоём...

и капли стозвонье
собирает в ладони
ветла.
...весь мир в тебе одном...

расплескалось до донца
сумасшедшее солнце –
пора.
...да только ты и я ...

распахну обе дверцы,
заходи в мое сердце –
ждала.
...как жила без тебя ...

и миры куполами
засияют над нами –
позволь...
...не уходи, поверь...

и померкнут все краски –
нет весны, нет и сказки...
лишь боль...
...как с этим жить теперь?*

Как знаменитый стеклодув...

Как знаменитый стеклодув,
Что с острова Мурано,
Приморский ветер на виду
У всех зевак незваных
Из серых питерских небес
Хрустальный купол выдул.
В лазурь добавил птичью взвесь
И солнца яркий выхлоп.
А там под куполом весна
Кружит по Петербургу,
Глядит в витрины, зеркала
Девчонкой златокудрой.

Весна. День первый...

Весна. День первый. Понедельник.
За окнами чудовищем морским
На берег выброшенный штормом
В лохмотьях старый мир лежит
И смотрит блеклыми глазами...
Ни взгляда не отъять, не стать немым
Свидетелем чужих мутаций,
Лишь соучастником, и с ним:
Текученье жаберных дыханий
Менять на жадный вдох открытым ртом,
Подстраивать фокусировку
По-рыбьи близоруких глаз
Под киллеровски дальнозоркий,
Всегда прицельный, соколиный взгляд.
Ленивых плавников движение
Ломать под жесткий ритм крыла...
И вдруг взмывать.
И в небесах весенних
Летать, без усталости, летать
От понедельников
До воскресений.

Над старым причалом

Море молчало. Над старым причалом
Белые чайки истошно кричали,
Милости ждали от тучного неба –
Схода исподнего чистого снега –
Кружевом белым в посконной печали,
Тихим молебном над старым причалом.

перья облаков
в заброшенном гнезде
луна уснула

звенят камыши
на лунной дорожке
танцует ветер

зыбкость бытия
ветер вода песок
время уходит

душа сияет
жемчужиной на блюде
слагаю стихи.

бури умолкли
примиряет с собой
тихая гавань

отплачется
сто солнц зажжется
в последней капельке дождя

ветер и море
вечная музыка
в каждой ракушке

море читает
бесконечную мантру
все возвратятся

А мимо плыла звёздочка...

Иду по лунной дорожке на паркете. Резкий порыв ветра уносит в распахнутое окно штору, она плещется среди облаков, в её складках бьётся звёздочка. Ловлю край шторы. Звёздочка выскальзывает из кружевных сетей, подмигивая, зовёт с собой: «Это так просто. Забудь, кто ты. Отпусти прошлое, плыви за мной».

Закрываю глаза, становлюсь невесомой. Тишину взрывает телефон, в глубине комнаты пульсирует яркая звезда дисплея. Бегу к ней из другой галактики, слышу твой голос, и ... безнадёжно тону в прошлом.

Искусство маленьких шагов

Судьба дарует мне учителей – когда стою у пропасти иль впереди стена глухая, когда разлуки ранят все больней иль от предательств близких и родных я просто задыхаюсь. Тогда случайно среди развала книг откроется страница. Экзюпери. Молитва – из текста вдруг выхватчу одной строкою в миг.

И дальше – Господи, пошли мне в трудную минуту тех, кто сказать сумеет без обиняков всю правду, по любя... И помощи, не дожидаясь чуда, постичь искусство маленьких шагов – искусство каждый новый день осознанно прожить и мудро.

Ловля ветра

Всё суета сует. Всё тщета и ловля ветра.

Соломон

Лабиринты жизни — суета сует. Доходишь до предела, до той части фразы, где — всё... ловля ветра. В этом что-то есть, что-то почти мистическое. Стоит захотеть — ветры сами находят тебя. И тогда вдруг задохнешься от горькой нежности печного дыма на пути к дому детства. И закружится голова от лепестковой метели отцветающего сада. И ударит в лицо заряд ветра на покоренной вершине...

Удачной ловли ветра!

Духовные практики

Февраль.... Утро рабочего дня. На автобусной остановке многолюдно. Осевшие под тяжестью пассажиров автобусы, нутужно кряхтя, отправляются по маршрутам. Люди кутаются в шарфы и воротники. Вездесущая метель так и норовит заглянуть в лица горожан, но, столкнувшись с каменным равнодушием, жалуясь и завывая, несется дальше....

Неожиданно из снежного хаоса возникает яркое пятно — фигура человека в оранжевой мантии буддийского ламы. Без головного убора, в развевающихся одеждах, с вертушкой в руке, он идет по обочине недужного мира иной реальностью. Смолкают звуки суетного города. Только треск вертушки и завораживающий поток мантр на усмирение стихии. И стихия покоряется.... Метель, преданной собакой, вьётся и скулит у ног ламы. Она сама искала себе хозяина, способного унять её крутой нрав.

Начинался обычный день обычного города, неожиданно ощутившего себя частичкой вселенского мироздания.

Знахарские рецепты или сила искусства

Март. Эпидемия гриппа застала меня в командировке. В поисках аптеки набрела на концертный зал, на афише — известный камерный оркестр с гастрольями. Надо отдать должное вкусу местной публики, билетов в кассе не было.

Мои жалобы на судьбу командированного человека, намеки на приставной стульчик возымели действие. Меня сопроводили в зал. В центре, прямо перед сценой стоял массивный стул с высокой спинкой — приставной стульчик, догадалась я. Пути к отступлению были перекрыты сопровождавшей дамой. В джинсах и свитере, походкой коронованной особы, под удивленные взгляды зала я вошла на трон и оказалась на расстоянии вытянутой руки от музыкантов. Что будет, если начну кашлять и чихать? Скрывая панику, улыбаюсь дирижеру. Взмах палочки, зазвучала музыка...

Из зала я вышла здоровым человеком. Вот и сейчас — март, грипп, я на концерте органной музыки (перехожу на шепот). Чувствую, как стремительно выздоравливаю. Мой рецепт прост — музыка в живом исполнении, доза — 2 часа. Попробуйте. Тсс...

Галина Свириденко

Родилась в 1955 году в селе Бобково, Алтайского края, Рубцовского района. С 1969 года проживаю в селе Майма, Республики Алтай.

После окончания школы работала токарем на мотороремонтном заводе. Окончила Горно-Алтайское медицинское училище, Горно-Алтайский педагогический институт. Считаю, что это не последняя обучающая инстанция в жизни. До сих пор меня учит встреча с любым человеком. Что привнесу в свою жизнь, или мимо чего следует пройти – все это школа каждого дня.

Дальнейшая работа журналистом способствовала продолжению творческого начала, которое иногда прорывалось наружу созданием сценариев дружественных встреч, стихов и прозы.

Дважды номинант Международной премии «Филантроп». С 2007 года – член Союза журналистов России, а в 2017 году стала членом Петровской академии наук и искусств. Член майминского литературного объединения «Лира».

Мои стихи изданы в журнале «Чудо рождения мысли», в поэтических сборниках «Пусть откроется жизни страница», детском поэтическом сборнике «Повозочка», общих сборниках стихов и прозы: «Снова память распахнута настежь», «Отражение веков», «Майма литературная» и «Среди однотипных коралловых будней» в 2016 году. Выпущен мой авторский поэтический сборник «И снова день».

Время даруется...

*Время даруется моментами.
В нем нет часов и точных мер.
Есть степь, нарезанная лентами,
Никак не умещенная в вольер.*

*Разбитость и истоптанность дорог,
Тимьяном зарастающих тропинок,
Песчаный горьковатый летний смог,
И радость! Оттого, что ты не инок.*

*Я вижу дом взросления. Пора
Всех горизонтов зарева знакомых.
В них близко отдаленное вчера
Имеет продолжение вдруг снова.*

*Взрост тополей межой пшеничной,
Речка с протокой обмелевшего ручья,
В котором миг становится страничкой,
Радостью детства, смыслом бытия.*

*Приземист журавлиный долгий путь
И параллельно улетавшей братии,
Мне полной грудью хочется вздохнуть
И поклониться месту на закате.*

Когда тепла и света всем хватает

*Когда тепла и света всем хватает,
Майская роща откровенно зелена.
Сегодня утром ландыш расцветает,
И обособилась в округе тишина.*

*Лишь всплеском побережье звучит,
Вчерашняя окрестность чуть иная,
И эхо отдаленное молчит,
Как будто ничего о том не зная.*

И это может быть почти весной..

*И это может быть почти весной..
Скорее предвесною, просто шалость.
Едва заметной суетой. И не казалось
Одним мгновением. Мост дневной
Такою финишной прямой. Лента.
И линия судьбы, почти прямая.
В ней многие спешат, не понимая
Неповторимость, и скачок момента.
Но уже птица новая крылами машет.
Сминают пешеходы вчерашний снег,
Свои находки и сомнения, и смех,
Все то, что накопилось в этой чаше,
И прошлогодние следы наши...*

Живи...

*Притихнет живое, и в сумерках ночь.
Луна на ущербе, и ты не пророчь
Суровую зиму иль раннюю осень
Кому выбрать, кто придет в наши гости.

Скупой или щедрый, улыбчивый, злой.
Позднее решится: везло, не везло.
Оставят следы и на вашем пороге,
К которому сходятся тропы, дороги,

Следы, замеченные снегом, дождем.
И мы по ним тоже так часто идем,
Но если идти в никуда без следа
То, что же останется следом тогда?

Не думай о том, сколько кануло в лету.
Живи. Ни на что не накладывай вето.
И пусть чередуют закат и заря!
Как здорово, если все было, не зря!...*

Скоро утро

Скоро утро, и наступит
Бледно розовый рассвет.
А пока что его нет –
Полумрачный лунный свет.

Чуть шевелит бусы вишня.
Придремнуть еще не лишне,
Ничего еще не слышно.

Птиц, дающих голоса,
И ночные чудеса:
В листьях копится роса.

Непонятно что дымится,
И вечерняя зарница
Полыхает озорницей.

Нет прохожих, нет движений,
Предрассветных снаряжений,
Даже предостережений.

Ни мгновенья тормозного.
Задержалось утро снова,
Света нет еще дневного.

Как отрезанная даль,
Ночи черная вуаль.
Тьма крошечная, а жаль...

Весна продается!!!

Погожий денек. Ах, как солнышко льется!
Висит объявление — « Весна продается! ».
И просят купить без согласия, мнений,
В каталоге всяких других объявлений.

Народ рассмотрев, как-то начал толпиться,
Смеяться, чихать, размышлять, материться.
Бабуля спросила: « Давно ль и цена? »
— Не парься, мамаша. Не дешевизна!

И брать, что же делать, придется, конечно,
Не нужно все время зимы мне, кромешной.
Хочу, как положено в срок, чтоб цвело
Мое садоводство, чтоб было бело,

И чтоб помидорчики в срок зацвели.
А что, слышь, бабуся, ты, впрямь на мели?
— Да, что ты, родимый не может случиться!
Весна продается? Куда — то годится?!

А ну, как не купишь, так что ж, голодать?
Скажи, кто ее может взять и продать?!

— Не парься, мамаша, такие найдутся!
Об этом давно разговоры ведутся!

— А ты, вот сынок, ты сам как, на плаву?
— Да я то возьму ее по знакомству...
Потише. А то нас другие услышат.
Тут так, кто бумажку вот эту, подпишет,

В тепле тот и будет растить помидорки.
А нет, извини, только хлебные корки.
Старушку, как ветром стремительно сдуло,
И эту бумажку она подмахнула.

Успела, оформила, все по чесноку,
Вздыхнув облебенно: « Купила весну! »
В семье поделилась покупкой своей.
Там все посчитали, и сколько нулей.

И где продавец, как он выглядел, гад.
Но бабушка вспомнила: «Там автомат
Стоял яркий, сочный зеленого цвета.
А денег себе он не брал. Сказал: «нету!»

Что делать? Семейство почти что смеется.
ВЕСНА ПРОДАЕТСЯ! ВЕСНА ПРОДАЕТСЯ!!!

Февральский мягкий снегопад...

Февральский мягкий снегопад. О, па!!!
Немного растерянная вечерняя толпа
Тротуары утюжит.

Как убродно, и тонет в снегу ноги стопа.
А рядом Снежная Женщина так наивна глупа,
Ни с кем не дружит.

До удивления всем близкая и простая
Стоит, совершенно не падая, не взлетая,
Но завтра растает.

Потому и не общается, не привыкает.
Ей видно приятно, что снег мелькает,
Но время. Стекает...

Не смеяться бы над ее линиями кривыми,
Поддержать и поставить вровень с живыми,
Но жизнь такая...

Рассвет

*Рассвет. Голова еще на подушке
Неоформленностью мысли колыхается,
А за окном синица в кормушке
Сейчас в реалии зимние впишется.*

*Исчезающий в небытие сон
Сам пришел. Я его не купила.
В нем лето, скользнувшее в унисон,
Которое пока что не наступило.*

*Горизонтом золотая парча,
И береза зеленью златокудра.
С нежностью солнечного луча
Просыпается июньское утро.*

*Но за окном – зима. Так давно.
И прячу в одеяло колени я.
Вчерашний белый пейзаж за окном
Венец январского откровения.*

Октябрьская ночь

*Октябрьская ночь. Дождь точит.
Половина двенадцатого. Мочит.
Иногда случается до костей
Безо всякого предупреждения и вестей.
Обволакивающий эксперимент и ничего личного.
Днем его не было: долгоиграющего, флегматичного.
Презент шлепающих капелей, их изобилия.
Прелюдия ко сну, если хочешь, идиллия.
Настоящая божья милость.
Время что ли остановилось?*

*Сквозняк в двери. Рассвет бы впору.
Не хотите верить? Пошевелите штору...*

Посмотри на ладонь...

*Посмотри на ладонь – ключи в руке.
А теперь на дверь. Она на замке.
И все двери в пределах зримости
Закрываются в случае необходимости.
Закрываются прочно: «Ну, нет нас, нет!».
Вдруг заявится — нежеланный сосед?
А может, преступник залезет и ... бах!!!
И в сердце людей поселяется страх.
Иль проходящий кто-то мимо
Себе утащит, что необходимо.
И тут нужен прочный серьезный замок,
И чтоб в дом пустить никого он не смог.
И все это здорово было, пока.
Но тут умный ум изобрел дубликат!
А тот, кто замок отрывал по привычке,
Работал попроще — обычной отмычкой.*

*Тянулось время дальше, и овация!!!
Все!!! Не пролезут! Есть сигнализация!
Спокойно можно жить без всяких бед!
Но есть загвоздка — отключают свет.
И как же жить, ну чтоб, «что-ба...»
Заводят самых злых собак!
Щеночек очень даже мил,
Но его нЕкто прикормил.
А как все начиналось? Ерунда!
Гвоздем крепилась щеколда,
В нее вставлялась весьма гладко
Обыкновенная древесная рогатка.
И не было воров. Никто не лез.
Все только с чистым сердцем. Вреда – без,
И не было тех страшных бед.
Рогатка – знак, хозяев нет.
Воспоминанье детское так мило
Выходит, что тогда у всех всё было?
Тут и рождается ответ:
Значит теперь, чего-то нет?
Вот и хотят приобрести,
Те, у кого нет СО-ВЕС-ТИ...*

Еще не прокричал журавль

*Еще не прокричал журавль,
Еще не кончилось вчера,
И не покрылась льдом река,
Так, посветлела чуть, слегка.*

*Еще не сброшена листва,
Еще рождаются слова
О летнем солнце на песке
И белой пене на мыске.*

*Ветер — разбуженный скрипач,
И полнолуния калач
Оставил считанные дни.
Да вот же, слышатся они.*

*Отлет их низкий, остроклиный
Со стоном боли журавлиной.
И сочной кистью гроздь рябины,
И сыплет снег, рождая льдины.*

Полу зима...

*Полу зима и полу город,
Опять шарфом приподнят ворот,
Шаг замедляет гололед,
И время движется вперед.*

*Все так, но маленькое если...
И как нетронутые песни
Мгновенья исполненья ждут,
Вот так же дни меж нас идут.*

*Сохнет пшеничный колосок,
Вновь поднимается лесок,
Пересыпается песок,
Меняет цвет и мой висок...*

Лето к концу

*Лето к концу. Но не спешило.
Закрыла туча небо и крошила,
А солнце позже бережно сушило
То, что природа разрешила.*

*И белка по ветвям скакала,
Частично небо протекало,
Тень облаков свисающих мелькала,
Местами изморозь, лекалом.*

*Еще листва, желтеющая густо,
И утренний туман, в котором пусто.
Рождающая, целостные чувства,
Все еще гнездится капуста*

*И пень, укутанный грибами.
Шелест осенними губами —
Этюды в стиле оригами,
Часть лета, но уже не с нами,*

*И ставшая серо-зеленой ива.
Река, уже совсем не говорлива
Вся сморщилась рябью от псевдо — полива
В сентябрь элегантный, ушедший красиво...*

А это годы...

*Бесстрастность. Времени длина.
Спонтанно исчезает месяц.
А это годы, времена
И спуски, и подъемы лестниц.
Немые пустыри, пейзажи,
И через время не представить даже
Других, которым может стать ся,
Будет чуть больше, чем за двадцать.
Через века, все так же хмель,
Тюльпаны, ирис, голубая ель,
Которой будет не налюбоваться...*

Лето остановилось

А сегодня то, что вчера.
Ничего — то не изменилось.
Жаркое лето, листвы мишура —
Лето остановилось.

Скажите скучно? Да нет, отнюдь.
Свернуты ветра лопасти.
Абсолютно некому облака тянуть,
Тучи с дождями в отпуске.

Неудавшийся марш — бросок,
Пересменок, ослаблена упряжь,
Как чугун раскален песок,
И ногою босой не ступишь.

Окатиться из ведра
На себя решаюсь,
И колодезный журавль,
Гнется соглашаясь.

Дикie лилии

Уходящее вдаль шоссе,
По обочинам дикie лилии.
Если б счастливы были все,
Так как в детстве когда-то были.

Если б вспомнился этот лаз,
Проникали б туда воочию,
Там лилии бы радовали глаз,
Не только у дороги по обочинам.

В нем остров! Счастья — а с с о р т и!!!
И берег. Берег — ю н о с т и...

Сегодня осень

Сегодня осень. Полупрофиль.
Стынет полуогорачий кофе.
Шипит прожаренный картофель.

Возможен странник на пороге.
Шаманит мысль на пол дороге.
Многоэтажек диалоги,

С которых, корки беребя,
Иные кормят голубят,
А что в душе там у тебя

Не так уж важно.
Себя сам судит каждый.
Но был же змей бумажный!

Взлетал! И падал! И бежали!
И догоняли! И опережали!
И все от хохота визжали.

И все — друзья. Теперь балкон.
Зайдешь, и как на рубикон,
В нем обозрим, со всех сторон.
Теперь сам смотришь свысока,
Своя владычица рука,
Что детство? Помнится слегка.

А ведь боялся: с рук уронят.
Потом романтика в вагоне,
И в нем еще не на балконе...

Потому что

Почему весна не случилась?
Потому что не получилось.
Почему всем чего-то мало?
Потому что листва опала
И опять продолжает без устали,
Будто кто – то все это велел.
А сегодня яблоко на столе
Удивительно спелое, вкусное.
Так бывает: серое с белым.
И не сон то, и не рубашка,
И глаза в пол аршина смелые.
В три версты босиком нараспашку!
Отдаленная милая чушь,
Словно камень распастанных душ.
Все, что весной дарилось,
Осенью испарилось.
Изморозью застыло,
И такое у всякого было:
Разогретое блюдо стуж.
Ну и где он, сорванный куш?
Так ли все это? Неужто?
Все так и есть потому что...

Позади ночь...

Позади ночь. Заря, прошитая нитью.
Краем розы — живой рассвет.
Туман, исчезающий по наитию,
Как сползающий с глобуса плед.

И проще нет простоты.
Молчаливость. Никакой суеты.
Наступающий день каким будет?
Зависит только от нас, люди...

Двигается март

*Двигается март. Ну, а с ним вероятное
То, что бывает весною. Приятное.
Жаль только все осознать не могу.
Тают опять облака на снегу.*

*Ветры февральские злые и смелые,
Капли жемчужные приторно белые.
Все с переливами звездно блестящее,
Уже не зимнее, не настоящее.*

*Что-то еще отлагается в памяти?
Разве весной можно ранить и
Ветром развеять, рассыпать во времени?
Пусть прорастут два листочка из семени.*

*Таает. Весна. И не в празднике ль этом,
Может, деревья и вырастут летом?
Все происходит, идет не спеша.
Жди, когда снова оттаает душа.*

*Та, у кого она впрямь заморожена,
То ли спокойна, а то ли встревожена...*

Снова в двери...

*Снова в двери стучит не прощенный
Месяц, в котором часть листьев сброшена.
Сочных трав на опушках волной изобилия,
Желтокрылые голуби пробуют крылья.*

*Ива ветви ритмично в воде полощет,
Птичьим пением нежит прибрежная роща.
Дуновенье в рассвет ветровое слышится,
Туча с неба косою строкою пишется.*

*Янтарем золотистого меда слитки.
В стрехе ласточка. Дремлет паук на нитке.
Август утренней дымкой стелется,
И трава, что ей делать еще? Шевелится...*

Гордиев узел

Я – будущий учитель, и сегодня передо мной ученики школы, в которой прохожу свою первую педагогическую практику. Ощущаю дерзкий насмешливый взгляд девчушки из седьмого класса. Что это? Добро бы десятиклассник. А тут всем своим видом маленькая прима старается показать, что я – ничто. Почему-то из студенческих лет ясно запомнилась именно эта девчонка с горящими насмешливыми глазами.

Прошло несколько лет. Я встречаю ее маму и спрашиваю как складывается судьба ее дочери?

«А никак! — отвечает мама. — Родила она мальчика, — показывая мне полуторугодовалого розовощекого крепыша, — а сама ушла из дома. Знать не знаю, где она обитает».

Высокая стройная Наталья не раз при встрече вновь дерзко откидывает голову, словно доводя до сведения встречаемых людей, что ей мол, все «по фигу».

А Леня, ее сын, так и рос с бабушкой. Как же красива, и молода была женщина, отдающая всю свою любовь и заботу этой крохотуле! Призналась как-то она однажды.

«Самой, знаешь, хотелось бы иметь сыночка, да вот внучок пытается меня мамой называть. Соседи советуют не переучивать ребенка. Будьте, говорят, со своим дедом мамой и папой. Зачем мальчику знать, что он брошен?». Так у Леонида произошла подмена. Многие об этом знали, но мальчику никто не выносил правды.

По прошествии некоторых лет дошла весть об этой семье, в которой выяснилось, что Наталья, «родная мать» мальчика, удачно вышла замуж. Более того родила троих дочерей и проживает в просторной четырехкомнатной благоустроенной квартире.

Схватились бабенки за голову: «А Леонид как же?»

Однако счастливая благополучная жизнь отказницы от ребенка никак не отразилась на дальнейшей жизни моих

знакомых. Своего сына Александра так и не родила. Видно присохло сердце к внуку.

— Да и какой он нам внук? Сын и есть.

— А Наталья как же? — спрашиваю.

Наталья ушла навсегда. Так она к нам и не пришла ни разу, совсем не пришла. Отловила ее давно как-то, документы оформить как на мать одинокую, чтобы мне хоть какая копейка шла на воспитание, а теперь вот думаю, зря я это сделала. А потом стыдно было ее материнства лишать, дочерью все-таки она мне доводилась, надеялась, что вернется за сыном...

— А что знает Леонид о Наталье?

— Мы никогда при нем об этом не говорим с супругом.

Не так давно Наталья вновь выпорхнула из автобуса. По внешнему виду ей чуть больше 35 лет. В элегантном плаще на высоких каблуках, с той же пренебрежительной улыбкой вновь идет она по проспекту своей жизни. Ей хватило материнского внимания на детей позднее родившихся в законном браке. Интересно, знает ли ее муж о еще одном внебрачном сыне? Наверное, знает, потому что немногие километры разделяют этот «гордиев узел».

Сейчас Леонид служит в армии. Он знает одну маму и надеется, что она его не бросит. Есть у него и другая, бумажная мама, автобиографические данные которой, не раз копируются при необходимости. О чем думает дочь, потерявшая своих родителей и сына, не знает никто.

— По началу, трудно было без дочери. Все время хотелось бежать искать ее, но отрезвляла никчемность этих поисков. Найти, чтобы наткнуться на презрительный взгляд?

Прошло двадцать лет. Мне уже кажется, не было у меня никакой дочери. Есть только сын — Леня. Внимательный, заботливый и ко мне, и к отцу. Что еще надо? Возможно, и мы скоро дождемся внуков!

У своего берега

Приход весны немыслим без половодья. Большие ли реки, малые, даже однодневки ручьи разливаются в эту пору так, что либо водоплавающие средства приобретай, либо сапоги резиновые по сезону.

Тополя – это всегда сила, мощь. Вот и Катунь, одну из рек на Алтае, очень своенравную, кстати, даже дважды на году, окружают они в местах ее полноводного течения. Спустившись ниже, берега обрастут ветвистым ивняком и еще чем другим, но тополя...

Их было несколько. Не один десяток лет, по одному и больше, выламывались они хрипящей пенящейся водой, уносившись как льдины, то всплывая, то исчезая. Река делала с деревьями все, что ей вздумается. Они устилали острова, и частично свисая с каменных отмелей, становились привычным достоянием наступающего лета.

В эту весну на самом крутом берегу Катунь его хранителями оказались три тополя. Один — исполин, более толстоствольный, полуметровый в диаметре стоял на повороте реки, куда приближаться было крайне опасно. Полуторанедельный ледоход он выдержал, но таяние высокогорных ледников и непрекращающиеся дожди сделали свое дело. Тополь как мог, удерживал песчаный берег, но в один из дней большая часть его корневой системы поднялась, частично провиснув над водой. Слегка покосившийся ствол под углом к берегу из последних сил, как бы исправлял создавшееся положение. Так он держался до второго корневого паводка.

Не один десяток очевидцев, дежуривших у берега, ничем не могли помочь. И в одну из ночей случилось то, что случилось. Крутящаяся вода, в какой-то момент окончательно подмыла остатние корни, и он, перевернувшись, поплыл. И все же у течения не хватило мощи унести его. Сваленный тополь так и остался лежать у своего берега.

Осенью, когда вода упала, он оказался лежащим на сухом мелком галечнике, уже распиленный и убранный домовитыми мужиками. Лишь огромный, почти освобожденный от ствола корень, напоминал о его существовании. И теперь на укороченном стволе гнездились любители прибрежного отдыха.

Увидеть тополь погибшим было больно, но еще горше оказалось обнаружить его собратьев-близнецов, сросшихся и могучих, обреченных на гибель подобным образом. Как две скалы стоят они, обнявшись на этом же краю излучины, с уже частично вывернутыми корнями над водой. Вот так, еще живые, они уходят в зиму. Тополя переживут снежное облучение и морозы. Оседлым птицам они послужат в качестве кратковременных гостиниц, но вот всеми любимая весна, осиротит этот склон. Никто не догадался своевременно посадить этих мощных спасателей, укрепляющих берег, и что будет дальше остается только догадываться.

Погоня

Время года — лето. Жаркое. И не то, чтобы вечер, а так, послеобеденная духота. Пассажиры, ожидавшие каждый своего рейса на автовокзале, были вынуждены оказаться перед фактом — автобус сломался. Огорченная часть народа разошлась, но фанатики, точнее те, кому край головушки было необходимо ехать, продолжали топтаться, ожидая неизвестно чего.

И такая безысходность в глазах этих бедолаг стояла, что как-то никто из них не заметил тихо подрулившую Газель. От внезапного резкого предложения подвести страждущих, они просто остоленели.

— Бесплатно! Приглашаю. Кому надо? Садитесь, — балагурил словоохотливый водитель. — Ну, не рейсовый я, домой еду. Знаю, что добираться туда проблема. А нет, так и всего вам хорошего.

Обрадованный народ радостно рассаживался, и по странному стечению обстоятельств, свободных мест оказалось ровно столько, сколько и нужно было.

— А ну-ка признавайтесь, кто из вас молился? — продолжал веселый владелец авто.

— Я, — ответила чуть постарше средних лет женщина, которой помогали компактно размещать ее вещи попутчики в салоне.

— Это хорошо, — продолжил диалог парень, — значит, доходит до Бога ваша молитва.

— Да я у Николая чудотворца просила, он в дорожных делах помощником считается.

— А знаешь, мать, помолись за меня. Правда. За мою жизнь. Может, что и изменится.... Я заплачу, — неожиданно попросил он.

— Да мне не трудно помочь тебе, ты же нас бесплатно везешь, только имя свое скажи.

— Дмитрий я...

Пассажиры умолкли, как-то насторожившись. Оно и понятно, ситуация не напоминала церковный молебен. Но то ли сидящие люди не хотели мешать происходящему, то ли просто каждый ушел в свои мысли на какое-то время, в салоне установилась тишина.

А дальше — как в сказке. Долго ли, коротко ли ехали, как вдруг на дорогу выбежал... журавль, и стал он бежать на своих высоких голенастых ногах перед самой машиной. Водитель сразу сбавил ход. Но что заставило бежать тяжелую птицу именно впереди автомобиля, не мог понять никто. Едут тихо, ждут, когда чужак взлетит, или в сторону свернет хотя бы. Никаких изменений.

— Ну мы, так к ночи только доедем, дорога-то узкая, — начал размышлять вслух водитель.

— Может, кто крылья повредил ему? — высказал свою догадку пассажир у окна.

— Нет, долго бежит, может от гнезда уводит, — предположил следующий.

— Да не собираемся мы грабить твоё гнездо! — занервничал хозяин.

— Я, кажется, поняла, — неожиданно обрела речь женщи-

на. Видимо, молитва за твою жизнь, Дима, услышана, и таким вот образом нам всем дан знак... свыше.

Неожиданно развернув свои мощные крылья, журавль легко взмыл вверх, и все захлопали в ладоши.

И что?

Светлое утреннее небо после ночного дождя вновь начинало радовать все живущее. И хотя наступающая осень все чаще закрывала туманами четкую видимость происходящего, но тепло еще стояло.

Девясил кланялся во все стороны своими солнышками, которые притягивали не один взгляд, видимо убеждая каждого встречного в том, что лето еще продолжается.

Однако полной ему противоположностью, стояла развесистая ива. Невзирая ни на что, она на глазах меняла свой зеленый цвет на безликий, серый.

Береза, сколь могла, «держала свое лицо», но на фоне перепада дневных и ночных температур, была вынуждена сделать осторожное мелирование прядей. Нужно же как-то соответствовать новому природному сезону.

А вот чертополоху, казалось, все равно. Его лиловые мохнатки никак не вписывались в образовавшийся осенний пейзаж. Хотя большинство окружающей зелени уже купалось в белесых порхающих парашютах осеннего пространства.

Широколистный лопух оказался ни за и ни против. Он с удовольствием раздавал свои колючки любому коснувшемуся его и не находил в этом ничего предосудительного.

И только конский щавель стоял, словно в оппозиции, поднимая высоко вверх свою стрелу, внушая всем страждущим уверенность – перезимуем!

Пятнистые мелкие лужицы, похоже, возомнившие себя морями, при каждом попадании в них колес проезжающего транспорта, щедро разлетались в стороны, всякий раз возвращаясь в означенные границы обратно, словно ставя перед всеми и вся вопрос – И ЧТО?

Я здесь!

Осень. Вечерний моцион. Почему-то думалось, это увлечение присуще только людям. Отнюдь. Голуби, как оказывается, частенько именно в предвечерние часы с удовольствием купаются в лужах, несмотря на третью декаду октября. Хотя не служит ли это приметой того, что теплая осень еще продлится? Воробьи просто озоруют перед сном. Шумоватые синички непонятно куда успевают спрятаться, о кошках и собаках речи нет. Гуляют.

И мы тоже совершаем прогулку по ближайшей березовой роще. Лист уже в основной массе хрустит под ногой, слегка шурша, мягко пружинит. Небо еще светлое, полупрозрачное, и именно в нем, с неожиданным скрежетом, похожим на скрип по стеклу, чуть не коснувшись головы, пролетела птица. Уселась она недалеко, на ветку березы. Сказать, что захотелось узнать наглеца, значит ничего не сказать.

— Это кукушка! – развернулся диалог.

— Нет. Они уже улетели.

— Он же скрипел, когда летел. Дятел это! Смотрите, сидит на стволе.

— А что он там делает?

— Сидит почти на самой макушке. Хорошо, что не на моей. Все как положено: красная головка, и у хвоста снизу несколько таких же, — вспоминая цветное изображение из орнитологии, решил удивить спонтанных туристов один из нас.

— А почему он так кричал?

— А почему бы и нет. Может он намолчался за все лето, давал слово своей перелетной братии, а теперь пришла пора снова ему утвердиться. Похоже, вся эта территория теперь его.

Подойдя поближе, мы увидели дятла, основательно приплющенного, к стволу.

— Сейчас начнет его долбить.

И он начал высекать свою неповторимую дробь. Завтра под березой можно будет найти своеобразную, свежую стружку. Неожиданно рядом, довольно высоко, мы увидели дупло, круглое, выпуклое по краю. Возможно, это и есть его жилище?

А ведь и впрямь, идешь зимой по этой тропинке, а стук его разливается окрест, даже секундомер включить хочется. И вообще, трудягу этого и с балкона хорошо слышно бывает. Чем не песня?

А скрежетом своим он тоже дал понять — я здесь! А дальше вы уж сами решайте!

Скоро у него появятся новые соседи. Из полесья, поближе к человеческому жилью слетятся вороны и сороки, а еще появятся снегири. То-то будет радость!

Розовый плющ

Летом хорошо. Хорошо всему: животному миру, люду, реке, лесу. Хорошо и плющу, который дорос до третьего этажа и, похоже, от общего внимания к своей персоне, начал смущаться и краснеть.

К началу сентября каждого года, плющ становится багрово-алым и особенно притягательным. Уже неизвестно кто его привнес в эту туристическую базу, но сегодня ареал этой красоты значительно расширился. Теперь уже беседка, которую обнимает плющ со всех сторон, укрывает приехавших туристов от дискомфорта, придавая всему уют и совершенство. С не меньшим удовольствием подставляет свои лианы он и под игрища птиц, и под лучи солнца, пригревающие его с утра до вечера. А свисающие ветви берез оттеняют великолепие молчаливо нежившегося выюна на стволе одной из них.

Если бы он был более чувствительным к человеческой радости! На его фоне многие стараются запечатлеть свое присутствие и достоверность пребывания единения с природой.

Каждый год у многоветвистого плюща – свой бенефис. В этот сезон он так же собирает восхищенные взгляды. Лозы, тянущиеся вверх, откровенно желают доброго дня всему миру, чем вызывают особое умиление отдыхающих. Изюминка еще и в том, что он не одинок. Его подруги – розовые лаватеры, вечно соперничающие с бордовыми бархатцами, переходящими в оттенки шафрана, тоже ему под стать. Уже созревающая низкорослая калина, подставляющая свои гроздья птицам, декоративные подсолнухи, поворачивающие цветные береты вслед за движущимся солнцем, всего и не перечислишь.

— Как у вас красиво! – слышит плющ, когда люди прощаются с ним, покидая этот райский уголок.

— Эх! Если бы каждый из вас, проявил интерес и толику своего участия украшения земли в месте вашего проживания, то может быть и не стоило бы ехать за тридевять земель...

Возможно об этом, ежегодно молчит розовый плющ, имя которому виноград, дикий, девичий.

Буран

Он пришел неожиданно. С завываниями, с беспорядочными вихрями, рвал и сбрасывал белье с веревок хозяек, не успевших догадаться о его приходе. Мощный буран засыпал снегом глаза и не давал возможности передвигаться путникам, не успевшим дойти до дома. Вот и сегодня, ближе к полуночи застучали ставни окон, загремела ослабленная кровля крыши, не говоря о деревьях, которые как могли, противостояли яростным нападкам ветра, готовые в любую минуту обломиться.

Как же хорошо было засыпать и просыпаться от сознания, что все это за окном. В степи этому природному действу вообще ничто не мешает. Еще бы! Февраль — самое его время. Особенно плохо было тому, кто по неопытности своей входную дверь в дом делал открывающейся наружу. Тогда соседям, после окончания бурана, приходилось откапывать

бедолаг, узнавая об их беде, по непрекращающемуся лаю собак и реву животных, ожидающих ухода за ними.

Еще хуже в такие моменты было отключение электричества. Это были шестидесятые года прошлого столетия. Многие не верят, но это воспоминания моего детства. Я — ребенок, проснулась от тревоги в доме. Родители раскрывали шторы, перебегая от одного перемерзшего окна к другому, но из-за бурана не было никакой видимости.

Отец, накинув фуфайку, выскочил в буран, а вернувшись, выдохнул.

— Горим!

— Мы что ли, — крикнула мать. А бабушка с воем рухнула под икону на пол.

— Да, встань, мать, магазин горит! Шифер стреляет, я туда!

Шифер стрелял во все стороны, а поскольку магазин находился в центре села, и был невероятный буран, туда сбежались все, кто мог.

А еще в этот день была свадьба. Пышная тройка лошадей, а в кошеве держит вожжи молодая красавица, невеста Рая. Рядом стоит статный жених, не сводящий с нее глаз, и летит свадьба навстречу своему счастью. Это было днем, когда еще ничто не предвещало буран. Но на то и степь. Она непредсказуема.

А сейчас невеста, с ужасом на лице, кидается в свой магазин, крича.

— Там деньги!

На мужчин, стоящих рядом, нашел ступор.

И только когда за ней захлопнулась дверь, кто-то бухнул.

— Крыша занялась!

Один из них кинулся следом за девушкой и вытащил задышающуюся невесту на снег. Накрыли полушубком, а она шепчет.

— Только я знаю, где деньги лежат...

И тут рухнула крыша. Утром сельчане старательно перетряхивали вилами и лопатами пепелище, по никакого «клада» никто не нашел. Полусгоревшие тюки материала жен-

щины растащили по домам, надеясь, что хоть что-то можно будет из них выгадать. Одежда сгорела вся. Лишь остатки мебели, посуды, да гвозди, нетронутые огнем.

После пожара невесту обвиняли во всех тяжких.

— Как вам совесть позволяет, я же ее едва нашел в дыму. Погибла бы девка, — закрыл рот сплетницам сосед, дядька Филипп.

А ведь как все начиналось! Когда стали дарить на блины, много чего наложили. Всем хотелось принять участие в этом радостном событии небольшой деревни. Но поскольку денег в любые времена людям не хватает, то удумал один земляк подарить невесте лотерейный билет за тридцать копеек. Ох уж и отплясывал он, держа билет в руках и прикрывая.

— И не смейтесь! Мой-то, подарок, получше ваших всех будет!

После пожара про этот лотерейный билет забыли. Но в один момент все же вспомнили, а когда проверили, сами себе поверить не могли — машина «Волга»!

И это в то время, когда велосипед — праздник. И опять такая злоба и зависть. Райке и должность — продавец, (не сняли ее тогда,) и мужик красавец, и все себе достать может и машина еще ей?

Дарильщик ходил, как в воду опущенный. Не сразу, но пришел он к ней, выпив для храбрости.

— Отдай машину, а тебе вот, — бросил тридцать копеек.

И опять вступилось село, все свидетели. Подарили молоджены ему бутылку водки, но не смог видно снести обиды за свой свадебный подарок и сменил место жительства.

А Раиса? Кто же виноват, что господь ей и разум и любовь взаимную дал, так же как никто не виноват был в том, что мужчин после войны мало было? Видно под счастливой звездой родилась. Вырастили они с мужем четверых детей. Дом им село построило, и всю свою жизнь проработала она продавцом. А уж в магазин к ней ходили люди как на праздник. По стенке вместо лавочки стояли ящики, на них и происходили мини-собрания и всякие женские совещания. Все

спрашивали у нее, чего не мог растолковать председатель. Переезжать ли в другую деревню, жить с мужиком или расходиться. Насмеются женщины, наплачутся, да и с новым сердцем — к старым мужьям в свою деревню.

В годах она уже, а люди в трудную минуту снова к ней, по тем же самым вопросам. Смеется невеста-погорелица продолжает, а у иных до сих пор зависть.

— Старость ее не берет, что ли? Иных уж нет, а ей все ни по чем! Да и что сказать? Красоту и статность на долгие годы сохранила и человеколюбие, что не всякому удастся с годами.

Степной ветер. Куда ж без него? Как в песне поется «Дуй, дуй, ветерок и лети по белу свету...», а когда нет его, мысль приходит, — Что-то подозрительно тихо стало!

Вета

Так уж устроен человек, что куда бы он не смотрел, а глазам лета, зелени хочется. И что делать, если зима. Можно, конечно, на всех подоконниках комнатные сады развести. Но это не то. Снег и только снег за окном. А если ты еще не конькобежец и не лыжник, то смотришь, смотришь на голый лес и поневоле вспоминать начинаешь.

— Добрый день, «моя» вишня, — на уровне второго этажа скоблит по стеклу ее макушка.

Похоже, так она иногда тоже здоровается со мной, а если и молчит, не шевелится, тоже хорошо. Все равно мы рядом. Сейчас на ее тонких ветвях мелкие почки. Много. В конце марта они начнут распухать, просыпаться. Жаль, что наберет цвет позже остальных своих соседей. Но когда уж зацветёт, войдет во вкус, то глаз не отвести. Не зря вишневое дерево особые эмоции вызывает. И что характерно, она не моя. Когда сосед сажал эту вишню, все думали: «Привьется ли в тени?» Сторона-то не совсем солнечная. До тех пор, пока не заплодоносила, ее как-то и не выделяли особо. Смородина, малина, яблони — и то радость. И вот она поднялась — высо-

кая мощная алтайская вишня. Когда она становится усыпанной малиновыми вишенками, в ее ветвях прячутся и поют мелкие птицы. А зимой, если дрозды забудут с осени о существовании этого клада, птицам — праздник. Усыпано их, самых разных: воробьи, синицы, поползни. Сегодня и снегири прилетели. Да, сейчас зима. Я мысленно глажу ее тонкие безлистные ветви, и называю ее Ветой. Солнечный свет летом она, конечно, ворует. И пусть не мне дарит свои плоды, но убрать ее рука не поднимается.

Сегодня моя близкая подруга снова ждет своего праздника, а с нею и я. Давно продал свою квартиру нижний сосед, но если ее кто-то вырубит, я осиротею.

Взгляд изнутри...

Автобусная остановка. Зима. Прохладно. Подходит автобус городского маршрута. Входит в него всего одна пожилая сухонькая женщина. Места все заняты, но на переднем двухместном расположилась мадам — один на два. Такова текстура.

— Что ж, ты всю лыжню заняла? — удивилась вошедшая.

— Так проложи себе новую! — не осталась в долгу сидевшая.

— Да-да, вот сейчас, только лыжи куплю...

И поскольку ничего не остается делать она, взявшись за поручень, начинает рассчитывать с кондуктором. Все это слышит малыш садовского возраста.

— Садитесь, — неожиданно для всех приглашает бабуся маленький джелтмен и поясняет звонко дальше. — Здесь Вы лыжи не купите. Да и снега нет в автобусе. Ну и молодец же вы! Если хотите, я приглашаю Вас на свою горку! Это здесь. Недалеко. Возле нашего дома. Уже накатанная! А пока их у Вас нет, подержитесь за меня. Я побуду лыжной палкой.

Людмила Гришка

Людмила Гришка — поэт-прозаик. Разносторонняя натура; любит природу, музыку, живопись. Мастер корневой скульптуры-корнепластики и авторской куклы.

Участник Республиканского фестиваля поэзии, конкурсов, выставок. Печаталась в местных изданиях: газете «Листок», «Восход». газете партии «Родина». В сборниках «Созвучье слов живых», «Мультинские встречи», автор сборника стихов и рассказов «Подниму тихонечко завесу...»

Член Петровской академии наук и искусств.

Новая весна

*Когда прохладой в сумерках повеет,
Когда качнется первая звезда,
Под переливы соловьиной трели
Ворвется в сердце новая весна.*

*Резных вершин пихтовые узоры
Рисуют в небосводе кружева.
Тот человек, который стал так дорог,
Вдруг скажет мне заветные слова.*

*И воскресит, как в юности далекой
Черемуховой ветки аромат.
На долгий век, на путь не одинокий,
Две жизни, уходящие в закат.*

Счастливый случай

*В тебя я верю, господин Счастливый случай.
Ты, как всегда, случишься невзначай.
И снова для меня ты будешь лучший,
Когда воскликнешь: «Двери отворяй!»
Меня застанешь в ситцевом халате,
Средь серых будней, с грустью на лице.
А я солгу: «Нежданно, извиняйте,
Что не встречаю с хлебом на крыльце.
Конечно, я ждала, чуть-чуть лукавлю.
Вы тот, который, очень нужен мне!
И лишь для вас я маяком оставлю
Горящую свечу в моем окне».*

Чтоб родиться на свет, мы уже умирали,
Обрекая себя на бесценный урок.
Мы начало свое в небесах прописали.
Каждый сам для себя мы отмерили срок.
Породниться с землей, стать с ней целым единым,
Нет задачи главней хоть сто жизней живи.
Быть в согласье с душой, миру необходимым,
Раствориться в огромной Вселенской любви.
Верить в силы свои, по дорогам шагая,
Все обиды простить, человека любя.
Жить, как в детстве легко, беззаботно играя.
Знать, что Небо и Свет очень любят тебя.

На поляне одуванчик белый...

Вроде и недавно это было.
Улетали бабочки куда-то,
На поляне одуванчик белый
Розовыми пятками примятый.
Нотой "ля" под небеса взлетело,
Пронеслось над миром
Шумной вестью...
Это сказочное мое детство,
Прожитое яркой, звонкой песней.
Все это недавно было вроде.
Школьная пора, свиданья первые,
И друзья единственные верные.
Звон гитары под кустом сирени,
А мечты под звездами летели.
Платьев легких ситец невесомый,
До рассвета время — не уснулось!

Это моя радостная юность,
Чувства, так знакомые любому.
И не так давно все это было.
Облаком фаты прикрытый локон.
Под аккорды свадебного лета,
Льющегося из открытых окон,
Как венец любви одной на свете —
Радостно протягивают ручки,
Это счастье жизни моей — дети,
Милые загадки—почемучки.
Да, не зря все это, значит, было.
В памяти тропинка у калитки,
У виска серебряною ниткой
Отражение в зеркале застыло.
И в награду за печали — муки,
Чтобы время жило в "ля-мажоре"
Это гордость моей жизни — внуки!
Многократным эхом род повторен.
Хорошо, что есть сегодня это!
У порога крестное знамение —
Это видение жизни — зрелость.
Благодарность каждому мгновению!

Кот – курьер

Супруги Клинкины – Петр Иванович и Любовь Петровна прожили долгую совместную жизнь. Родили и вырастили троих детей: двух дочек и сыночка.

У дочек давно сложилась жизнь, обе замужем, да и дети у них уже взрослые, стало быть, внуки у бабушки с дедом. Только вот от сыночка своего младшенького внуков деды так и не дождались. Как ушел он служить в армию, так и не вернулся больше в родительский дом. Люди говорили, что остался жить где-то за границей. Причину, по которой сын не захотел вернуться в деревню, в отчий дом, никто не знал.

Петр Иванович сильно переживал потерю сына. На него он возлагал надежды на обеспеченную вниманием и заботой старость. Но сын как в воду канул. Ни строчки, ни звонка и ни письма. Родители долго искали его, писали, но потом с потерей смирились.

Любовь Петровна прятала свои слезы от мужа, а тот, в свою очередь, не показывал особой грусти жене. Только стала она замечать, что дед часто ходит «подшофе». Устроила ему блокаду со скандалом. Забрала все деньги, убрала из дома спиртное, в магазине продавщице Наде строго – на-строго наказала, чтобы не давала деду в долг ни водку, ни вино, ни пиво. В общем, обложили деда Петра вкруговую. Но все меры по отлучению Иваныча от зеленого змия были малоэффективными. Несмотря на то, что Любовь Петровна, уходя утром на ферму, закрывала деда на замок в доме, возвратившись домой, она заставляла его пьяного «в ноль».

Однажды на выходные к ним из города приехали в гости дочки с внучатами. Баба Люба хлопотала с угощением и полезла в подпол, где хранились закатанные в банках консервы: огурчики-помидорчики, варенье, овощные салаты и компоты. Она поочередно выставляла наверх банки, и тут дело дошло до компотов. Любовь Петровна остолбенела,

увидев пустые банки с дырочкой в крышке. А несколько банок, хорошо забродивших, стояли на полках, дожидаясь очередного визита в подпол деда Петра. Баба Люба с воплями и причетами выскочила из подпола и скрученным полотенцем стала охаживать мужа по спине, приговаривая: «Алкаш проклятый! Хоть бы одну баночку оставил детям!»

В общем, забродивший компот она вылила в канаву под жалостливый, прощальный взгляд Иваныча. Думала: «Ну все, теперь ему негде будет взять выпивку!», но вечером она опять заставляла мужа пьяным. И никак не могла понять, откуда в доме бутылки-шкалики из-под водки. С криком налетела на него: «Где взял, говори! Ведь под замком сидишь!». И тут соседский мальчишка-подросток рассказал бабе Любе, как другой их сосед, пьяница Васька, подходил к окну, и они с Иванычем о чем-то говорили. Затем Васька исчезал на время и приходил к дому Клинкиных с котом под мышкой и шкаликом в кармане. Он открывал бутылку, отпивал через горло по договоренности с соседом половину, а потом уже начиналась экзекуция с котом.

Васька доставал скотч из кармана и приматывал скотчем к хвосту кота ополовиненную бутылку. Бедный кот истошно орал, вырывался, царапая своего мучителя, но Васька матерился и, наконец, отпускал его в отдушину под полом. А дед в подполе поджидал заветного курьера, приманивая его лакомым кусочком.

Любовь Петровна от такого рассказа потеряла дар речи. Позвонила дочерям, они приехали, погрузили своего предприимчивого папашу и увезли в город, сдавать в лечебницу от алкоголизма.

А кот, избавившись от своей завидной миссии, залезал на крышу повыше, чтобы не достали, и нежился под солнышком, иногда вздрагивая, наверное, от увиденного во сне, пережитого кошмара, когда подневольнo ему в своей кошачьей жизни пришлось поработать курьером.

Единичный случай

Я не люблю учить людей, вторгаясь без надобности в их личное пространство, но, когда я вижу, что человек не может справиться сам, то не могу пройти мимо происходящего, не сделав тактичного замечания.

Прогуливаясь в парке в один из летних погожих деньков, я шла по аллее, по обе стороны которой росли величавые ели, перемежаясь с кудрявыми рябинами. Повсюду между деревьями стояли удобные лавочки для отдыха горожан. На одной из них сидела молодая мамочка с мальчиком, лет четырех. Мальчик ел мороженое-эскимо на палочке, а мама весело общалась с кем-то по телефону. Малыш уже доел свое лакомство, и в руке у него осталась только палочка. Он растерянно смотрел на нее, не зная, что делать. Он, тихонько похлопывая маму по колену, спросил: «Мам, куда?», — и показал палочку от эскимо. Мама, раздосадованная, что сын прерывает ее увлеченную беседу, резко ответила: «Хо, куда-куда? Да, вон, в траву выкинь!».

В этот момент я проходила мимо них и, наклонившись к маме, с улыбкой сказала: « Не в траву, мамочка, а в урну!». Тем более, что урна стояла рядом со скамейкой. В ответ я увидела разъяренный взгляд девушки и молча пошла дальше, но вслед мне потянулся шлейф отборной мужской брани. По спине у меня пробежал холодок, и я уже пожалела о том, что влезла со своим, таким простым замечанием. Продолжая путь, я направилась в магазин за продуктами и дальше, на остановку, так как добираться до дома мне предстояло около часа. Выйдя на своей остановке, я с тяжелыми сумками тащилась к своему своротку. Подойдя к нему, я увидела стоящий автомобиль. Он не вызывал особого интереса, так как это место находится на Чуйском тракте и на нем останавливается много машин. Кто-то, чтобы развернуться, другой — заблудится, перепутав дорогу, кому — в кустики сбегать

по нужде, а некоторым — перекусить дорожной едой. И постоянно после этих остановок на «пятак» остается куча разного мусора. А, раз по близости, я проживаю там одна, то и убирать все это приходится только мне.

И, вдруг, прямо передо мной, из окна машины, вылетает сначала пустая бутылка из-под минеральной воды, а за ней, как снежок, летит, бумагой набитый пакет. Поравнявшись с гостями, а это я поняла по автомобильному знаку, я, поздоровавшись, спросила: «Ребята, а вы откуда приехали?». Они ответили, и я спросила: «Пожалуйста, скажите мне, вы проделали такой длинный путь специально для того, чтобы выбросить у нас мусор, или у вас была другая цель?». Не дождавшись ответа, я прошла мимо и направилась к дому, ожидая, что вслед мне опять потянется подобный шлейф брани, или издевок. Но, пройдя несколько метров, я остановилась и оглянулась. Девушка вышла из машины, подобрала мусор и положила в багажник машины. Все так просто! Не на горбу ведь везти!

Они уехали, а на моем лице появилась добрая, благодарная улыбка. Мне было так приятно не от того, что я урезонила молодых людей, а от того, что они это услышали! Хотя, это был единичный случай. Обычно, на мои замечания многие, в лучшем случае, просто уезжали, ну, а один из наихудших, я получила сегодня в парке, от нерадивой мамы.

В одной из книг я прочитала мудрые слова, которые взяла для себя, как девиз. Не дословно они звучали так: «Оглянись на свой пройденный путь. Что ты там увидишь? Каждая брошенная банка, бутылка, пачка из-под сигарет, выброшенная на ходу из окна автомобиля, автобусный билет, бумажка от конфеты – весь этот мусор будет устилать твой жизненный путь. А захочет ли Госпожа Удача следовать за тобой по такой грязной дороге?».

Спроси себя об этом, когда намереваешься в очередной раз занести руку в броске.

Старьевщик

Время, в которое проходило мое детство, было радужным и благодарным. Это были шестидесятые – семидесятые годы прошлого столетия. Подумать только! Моему поколению посчастливилось жить в двух веках. Нынешний читатель, наверное, подумает: «Ничего себе, какая она древняя!» Но, хочу успокоить тебя, мой драгоценный друг, не такая уж я и древняя, если память моя достает из своих закромов сюжеты, происходившие со мной и моими друзьями ровно полвека тому назад.

Мы росли совсем не требовательными детьми. Довольствовались тем, что имели наши родители и жили ровно, один не хуже другого. Не было в нашем государстве в то время резких разграничений социального состояния граждан. Снабжение народа было своевременным. В городах, конечно, было поразнообразнее, но в деревнях и районах все похоже – один и тот же ассортимент. Голодными мы не были никогда. И, хотя наши родители обеспечивались не высокой зарплатой, многие, особенно на селе держали домашнее хозяйство – огромное подспорье в любой семье. И в каждом доме был свежий хлеб и варенье. В магазинах было все необходимое на то время. «Марсов» и «Сникерсов» мы тогда не знали, из деликатесов пробовали корень саранки — лесной лилии, колбу и цветки шалфея, с которого пчелы собирали нектар. Но, зато у нас был вкуснейший лимонад и настоящие вафли, да еще мармелад, разноцветный, ароматный, с белыми прослойками, посыпанный сахарным песком. На десять копеек можно было купить целых сто граммов конфет «Крыжовник» и за такую же цену можно было сходить в кино.

Время было послевоенное и надо было поднимать экономику страны, налаживать производства всеми, доступными способами и средствами. И одним из таких способов был сбор старого тряпья. Вещи, которые изнашивались и пришли

в негодность, можно было сдать старьевщику, который на лошади, запряженной в телегу, ездил по улицам. В телеге у него были весы, и он взвешивал на них тряпки, а взамен рассчитывался продуктами и всякими мелочами. Чего только не было у него; и лимонад, и вафли, и воздушные шарик, и рыболовные крючки.

Мы, ребята, естественно, ждали старьевщика, как Бога. Только услышим где-нибудь на другом конце улицы гудок, в который дед-старьевщик гудел, созывая людей, так сразу разбегаемся по своим дворам. И пошли шуршать по сараям, баням, чердакам. Где что не так лежит — все окажется в телеге у деда-старьевщика. Это было так здорово — за какую-нибудь драную фуфайку, получить целую бутылку лимонада!

Михеич, так звали старьевщика, был не очень старым мужчиной, но его все звали — дед. Это потому, что он носил кудрявую окладистую бороду. Голубые, улыбчивые глаза его по-доброму смотрели из-под пышных пшеничных бровей, на ораву бегущих к нему ребят. Он был очень добрым человеком. Знал всех нас по именам и всегда давал больше, чем было положено по весам. Он, например, вместо трех воздушных шариков мог дать четыре, приговаривая: «А это тебе за то, что ты сегодня красиво заплетена», — или, — а тебе еще один крючок для рыбалки дам, только, обязательно, поймай на него большую рыбу!» Ну, а тех, кто пытался его обдурить, подкладывая камни для веса в карманы старья, Михеич не миловал, говоря им: «Сегодня ты обманешь, а завтра тебя обманут».

Однажды мы с братом сдали ему все тряпки, которыми бабушка укрывала парники с помидорами и, чтобы нам не попало, два дня отсиживались на косогоре, в высоких зарослях полыни. Зато лимонаду вдоволь напились! Вез наказания, конечно, не обошлось. Брат всю неделю чистил сарай, где содержались животные, а я полола грядки под изнуряющими лучами солнца.

А наш соседский дружок Витка упер у своего деда его военный полушубок, хранимый, как память о былой военной

поре. Дед с костылем, хромая, бежал по улице и, размахивая им, гнал Витьку с криком: «Убью, гаденыша!» — но Витька бежал так, что пятки влипали в область мягкого места. Бежал туда же, в наше убежище, в заросли полыни, на косогор. Это было наше потаенное место, где мы часто собирались и вели разные споры-разговоры. Рассказывали страшилки, смешные истории. Натаскивали из дома разную еду, кто что. И нам было так вкусно поесть в кругу своих друзей, под сводами высоченных кустов полыни, лесом смыкавшимися желтоватыми цветущими метелками над нашими головами. Хлеб с вареньем и холодной водой, взятой из родника, приправленный горько-пряным ароматом полыни, был божественно вкусным. Думаю, не у меня одной, этот запах полыни и горячего, свежеиспеченного хлеба, остался в памяти на всю жизнь. Так пахло наше детство!

Здравствуй, Усатый!

Сентябрь заканчивался новолунием и в это время начались холодные, продолжительные дожди. В старину говорили: «Месяц молодой дождем умоется — весь месяц лить будет». Именно это он и делал, непрерывно стуча по крышам, радуясь наступившей для него поре. И ему было все равно, растет луна, или убывает. Передохнув короткое время, он опять принимался мочить еще не опавшую листву на деревьях и мутить местные речки грязными потоками.

Мать дождя — осень, позволяла своему любимцу некоторые вольности, давая ему время, вдоволь нарезать в своей стихии.

Деревья, окрашенные разноцветной листвой, блестели глянцем от обилия прозрачных капель, и было не понятно — радовались они этой мойке, или грустили от нее.

Одно было заметно — грустили от хмурой, мокрой погоды больше других, птицы. Попрытавшись кто в какие укрытия, они изредка взлетали на кусты рябины и жадно, наспех, насыщались сладкими ягодами, готовясь к долгому перелету в теплые края.

Ветер усердно трудился, гоня темные тучи за горизонт, очищая небо и давая возможность листьям отряхнуть лишнюю, тяжелую влагу, а птицам, хоть ненадолго, расправить намокшие крылья. Солнце, довольное работой ветра, протягивало теплые руки к земле. Оно мимолетно заглядывало в окна домов и приносило радость всему живому.

Я тоже восхищалась ослепительным светом, залившим мое окно, любуясь осенними пейзажами. Мгновенный сильный стук прервал мои лирические раздумья. На обратной стороне стекла прилип мелкий пух. Догадавшись, что это ударились птица, я быстро выбежала на улицу.

Там, на кресле открытой веранды, куда выходило большое окно, лежала лапками вверх моя пичуга. Она была жива. Тяжело дышала, медленно открывая и закрывая клюв, поднимая и опуская тяжелые веки. Птица была крупная и очень красивая, размером с кукушку. Взяв ее в руки, я узнала дрозда-рябинника. Соскучившийся по солнышку за прошедшую ненастную неделю, он принял картину, отразившуюся в окне, за действительность и, радостно летя навстречу теплу, со всего лету ударился о стекло.

Сидевший на перилах веранды кот, пользуясь случаем, грел спинку под горячими лучами. Спросонья, открыв глаза, он не сразу понял, что произошло, а когда понял, то птаха была уже у меня в руках. Он начал вертеться у моих ног, припихиваться, приподнимаясь на задних лапах и, с блеском в глазах, громко мяукать, давая понять, что эта добыча ему нужнее.

Держа потерпевшего дрозда в одной руке, я другой взяла возбужденного мурлыку и забросила его в дом, закрыв дверь.

Завернутая в теплый шарф птица, согрелась от тепла моих рук и совсем не думала улетать. Я держала ее, как ребенка, прижимая к груди и ждала, когда дрозд очнется от шока. Осторожно поглаживая больного по головке, я приговаривала ему, что все будет хорошо, что он поправится и обязательно полетит. Под ласковые уговоры мой нечаянный

гость уснул и, пока он спал, я с интересом разглядывала его красоту: крупный клюв, черно-белое оперенье, коричневая головка, перышки на которой были уложены так, что ему могли позавидовать самые модные парикмахеры-стилисты. И что меня особенно удивило – у основания клюва этой птицы были настоящие усы!

С умилением любуюсь этим красавцем, я осторожно дотронулась пальцем до его усиков.

Мой питомец, открыв глазки-смородинки, продолжал тихо лежать, теперь уже рассматривая меня.

Я положила его на кресло, укутав теплее, и ушла в дом. Через некоторое время, решив проведать моего больного «летчика», вышла на веранду. Он уже освободился от шарфа и крепко стоял на лапках, вертя головой в разные стороны.

«Что, Усатый, ожил?» – спросила я, и мне показалось, что мой пернатый друг улыбнулся, как бы это могла сделать птица. Он весело вспорхнул на рябину и принялся азартно клевать алые ягоды. Аппетит появился, значит, будем жить!

...И снова весна кружила стаями птиц, прилетевших к родному месту. Веселый щебет и чириканье смешались с шумом проснувшейся реки. Солнце купало их в лучах, все звенело, шумело и играло по нотам наступающей жизни. И вот в один из таких ярких дней я увидела птицу, разгуливающую по карнизу моего окна, любопытно заглядывая в него.

«Дрозд, ты вернулся! – узнала я своего друга. – Ну, здравствуй, Усатый! Спасибо тебе, что помнишь. Спасибо за то, что живешь!»

Сугроб

Весна потихоньку наступала «на хвост» зиме. Первые мартовские деньки выдались, на удивление, ласковыми и теплыми. Люди, уставшие от зимней стужи, радовались появлению солнца, капли и прибавляющемуся дню. Их лица светились улыбками, каждый стремился поскорее выйти из дома, встретиться с друзьями, любимыми, прохожими

и просто радоваться веселому приходу долгожданной красавицы.

Не разделял общего настроения только один большой Сугроб, который притулился у высокого забора и почернел от надвигающейся на него безысходности. От обилия солнечных лучей ему совершенно негде было спрятаться, так как забор, у которого он обосновался, был отлит из чугуна и имел ажурный рисунок, сквозь который горячие лучи грели бока Сугроба с утра до вечера. Бедный сугроб, потеряв своё былое снежно-белое величие, таял с каждой минутой. Он расплющился, обесформился, покрылся кружевной, ледяной корочкой, блестящей на солнце.

«Ну, вот и всё, — подумал Сугроб. — Жизнь кончилась. Как же быстро всё прошло!»

И он вспомнил своё золотое время, когда был высоким, упругим и белоснежным. Соседские ребяташки устроили из него горку, сколько радости было тогда у них! Куда всё ушло? Кто виноват? Он хотел было во всём обвинить Весну, но видя счастливые лица людей, подумал, что ничего, наверное, не бывает зря. Значит так и должно быть!

Старый Сугроб плакал. Его слёзы каплями стекали на тротуар, сливаясь в единый поток. Он грустно, исподлобья смотрел в след вытекающему из-под него ручейку. Добрый серый Сугроб и не знал, что растаяв, он не закончит своё существование. Что жизнь его продолжится в зеленой травинке, которая пробьётся к свету с наступлением тепла, в прекрасной ромашке, цветущей всё лето, чаруя своей красотой и в каплях росы на лесных полянах.

А солнце продолжало неистово поливать Сугроб потоком обжигающих лучей. Он с каждым днем становился всё меньше и меньше в своих размерах, тая и напитывая собой землю, чтобы жизнь на ней никогда не кончалась.

Николай Воробьев

Несколько слов об авторе

Николай Меркульевич родился в поселке Алтайском Алтайского края в 1947 году. Девять лет с родителями прожили в посёлке Тёплое, где и началось познание мира и литературы. В четвёртом классе продолжил учёбу в Маиже-роке, последнюю четверть шестого класса закончил в селе

Нижняя Каянча (родители переехали в Тавдушку). Очень полюбились маленькая деревушка, но дальше всё-таки решил учиться в родной школе, где и получил восьмилетнее образование в 1963 году. Два года учился в СПТУ поселка Алтайский. Работал трактористом в совхозе «Карымский». В армии служил на Дальнем Востоке, заочно окончил военковскую школу при армейской газете. С 1971 года работал в Шебалинской средней школе преподавателем машиноведения и НВП. Окончил заочно Барнаульский индустриально-педагогический техникум, а позднее филологический факультет Горно-Алтайского пединститута. С 1973 года и по сей день живет в Манжероке.

Николай Меркульевич более сорока лет работает в Манжерокской школе. В данный момент руководитель школьного музея. Под руководством Николая Меркульевича ребята собирают материалы по истории родного села, школы, об участниках Великой Отечественной войны. Его ученики занимают призовые места на различных краеведческих мероприятиях регионального и всероссийского уровня.

Николай Меркульевич имеет такие замечательные качества, как любовь к окружающему миру, к истории своего села, к поэзии и музыке. Это удивительно добрый, отзывчивый человек и талантливый писатель.

Николай Меркульевич — автор серии краеведческих публикаций в республиканской и районной прессе, соавтор книги «Знай и люби свой край», посвященной истории и современности села Манжерок. В 2011 году вышла книга Николая Меркульевича «Ах, как не вспомнить годы детства», посвященная 155-летию села Манжерок. Это стихотворения и рассказы о жителях села, воспоминания и посвящения близким сердцу людям.

В 2017 г. стал членом-корреспондентом Петровской академии наук и искусств.

*Методист Института повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования
Республики Алтай А.В. Гребеньщикова*

*Насколько жизнь наша быстротечна,
Что не успеешь глазом даже и моргнуть,
Как в круговерти хлопот бесконечных
Мелькнёт минута, чтоб рукой махнуть.
Махнуть на всё, что было и что будет,
Уже не в силах поглядеть назад, —
Одним мурашком куча не убудет,
Как можно дольше в ней пожить я рад...*

16.03.02.

*И если я помог кому-то в жизни,
Кого-то словом добрым ободрил,
Возможно лепту внёс в дело Отчизны,
И может я не зря на свете жил.*

31.01.02.

*Ах, как годы летят
И порой совсем зря
Всё тускнеет мой взгляд,
Умирают друзья.
Недоев, недопив,
В звоне ясного дня,
Обо всём позабыв,
В том числе про меня.
Двум смертям не бывать,-
Жизни тянется штрих..
Постараюсь сказать
За себя и за них...*

12.01.03.

*Два голоса кричат во мне наперебой:
Один взывает ближе к солнцу, к свету,
Другой твердит, смирись с своей судьбой,
Зима пройдет и снова будет лето...*

13.04.06.

*Тернист и труден жизни нашей путь,
В природе многое бывает обратимо,
Но почему не можем мы вернуть
Минут бесценных, пролетевших мимо...*

*Люблю в любое время года
Я ночь на полную луну,
Как заколдована природа,
Открыта взору моему.
Всё спит в безмолвии просторном,
Вокруг ни звука, ни души.
И кажется немного странным
Смотреть на мир в такой тиши...
В такую ночь, как можно спать,
Когда луна в полном расцвете,
Иголки в пору собирать
На свежем льду, как на паркете...*

*В мире всё не так друзя,
Иногда и сложно,
Жить порой совсем нельзя,
А прикинешь можно.
Стоит только захотеть
Стронуть с места душу,
Может даже попотеть,
Чтобы стало лучше.
Чувство радости труда,
Знаю, не наскучит.
Может, и поймёшь тогда –
Жизнь всему научит.*

*Как хорошо осенним вечером
Сидеть и думать ни о чём,
Не потому что делать нечего,
А сделать вид – всё нипочём...*

2015 г.

Явление времени

*Деревня, милая подруга!
Где твой размах, где твой полёт?
Один петух на всю округу
Осипшим голосом поёт.*

*Уж не мычат в хлевах коровы,
Не блеет старая овца.
Лишь серый пёс, как волк здоровый,
Хвостом виляет у крыльца.*

И он давно забыл про службу:
Не лаает, двор не сторожит,
С котами спит и водит дружбу,
При виде палки прочь бежит...

Вот распахнулася калитка,
Идёт навстречу старый дед,
Идёт походкою неприткой, —
Десятков восемь ему лет.

Куда гармошка подевалась?
Скамеек нет вдоль городьбы...
Увидеть хочется лишь малость —
Ватагу шумной детворы.

Но разговор дедок заводит:
«Во, молодёжь нынче пошла,
Спокойно мимо не проходит...
Какая раньше жизнь была!..»

И я с ним полностью согласен,
Хоть в возрасте разрыв большой,
Поднять народ и я не властен,
Хотя готов бы, всей душой!

Но не вернёшь всё то бывшее,
Одним ведь днём не встанет лес,
Хоть знаем нечто мы иное,
Всему вина — идёт прогресс.

«Зачем нам куры, гуси, свиньи?» —
с вопросом лезет вдруг сосед,
А сам с улыбкою невинной:
«Как хорошо, есть интернет!»

Мудрость жизни
(Притча)

Где-то здесь, не遠далеке,
В деревушке, не в селе,
Там, где лес стоял стеною,
Жили – были муж с женою.

В чём-то хуже, в чём-то лучше,
Суетились в людской гуще.
С годом радуясь прибавкам –
Деток семеро по лавкам.

Лишь соседям всем на диво
Была жёнушка ленива.
Ей ни шить, ни прясть, ни ткать,
На печи лишь бы лежать.

Лузгать семечки в кошёлку,
Да конфетки втихомолку
Леденцовые сосать.
Вот царицею бы стать!

Муж придёт домой, бранится,
Сам соседей сторонится.
Был рябой он и корявый,
И кафтан на нём дырявый.

Право делу, не до жиру,
Лишь бы дети были живы.
Жёнка тоже не стремится,
Чтобы как-то нарядиться,

Мужа приодеть на люди –
Будь что будет и как будет.
Позапутается пряжа,
А она на печку ляжет.

Поломает веретёшко –
Сядет тихо у окошка:
«Погляди сюда, мой милый,
Развалилось мотовило,

За дорогу в лес сходи,
Да сучков там наруби».
Муж, конечно, рад стараться,
Долго ли ему собраться!

Топор в руки, в лес пошёл,
Сосну старую нашёл.
Размахнулся – голос слышит.
Он чуть жив, почти не дышит.

«Ты окстись, мужик Вавила,
Сук не руби на мотовило,
А не то беда придёт –
У тебя жена помрёт».

Испугался, без оглядки
Бежал так — сверкали пятки.
Невдомёк, что там в лесу,
Кричала Марфонька ему.

Отряхнулся на крылечке,
В дом вошёл, жена на печке,
Будто с места не сходила.
(А она вперёд Вавилы,

Прямой дорожкой своей
Прибежала поскорей).
Зажалел её вдруг муж,
Взялся за семейный гуж,

Не сказать, чтоб потакать,
Во всём начал помогать.
Зауважал и залюбил,
Так, на сколько было сил.

И она-то изменилась,
Воле мужа покорилась.
И пошли дела у них!
То не сказка и не стих.

Было где-то в самом деле.
Я запомнил еле-еле,
Обработал эту быль,
Стряхнул плесень с неё, пыль,
Постарался рассказать,
Добрым людям наказать:
Век живите и учитесь,
Доброты не сторонитесь,
Лишь любовь и уваженье
Семейной жизни продолженье.

Необратимы, неутомимы,
Годы как птицы проносятся мимо,
Сбиваются в стаи десятками лет,
И трудно поверить, что ты уже дед.
Куда надеваться, коль так оно есть,
И дел незаконченных не перечесть,
То-то и то-то бы надо успеть,
Что-то оформить и что-нибудь спеть,
Что-то построить, кому-то помочь,
Не хочется воду в ступе толочь.
Стыдно порой обывателем быть,
Всю жизнь учусь я уменю жить!..

2014 г.

Месяц осени последний
Дунул тёплым ветерком,
Безвозвратно и бесследно
Покатился кувырком..

2013 г.

История тянется вечно

*Война мировая, вторая,
Уже отгремела давно.
И я о тех ужасах знаю
Не только из книг и кино.*

*Родившись поздней Дня Победы,
Среди ветеранов я рос,
Не раз с ними в поле обедал,
Когда начинался покос.*

*Выслушал много историй,
Событий их дел фронтовых,
Готов с кем угодно поспорить
В правдивости фактов былых.*

*Много годков пролетело,
И я уже в возрасте, дед,
Победы святейшее дело
Не сгинет под тяжестью лет.*

*Помню из жизни солдатской
Картины рассказов отца:
Сухарь разделивши по-братски,
Смертного ждали конца.*

*Ночью морозной их с другом
Овчарка в воронке нашла,
И санитаров сквозь вьюгу
На помощь она привела.*

*Сколько различных историй
Узнал я от бывших солдат,
И это чего-нибудь стоит,
Без меры я этому рад.*

*И буду стараться, конечно,
Что знаю – другим рассказать.
История тянется вечно,
Её надо помнить и знать.*

2015 г.

День весенний полон красок,
Яркий, тёплый, светлый день.
Сколько он развесил масок
На деревья и плетень.
Разноцветные повсюду –
Справа, слева и вокруг,
Сколь цветов на радость люду
Распустилось разом, вдруг.

2015 г.

Утро осеннее. Автостоянка.
Печка в машине гудит.
Жёлто-зелёной картиной полянка,
Под инеем ранним блестит.
Со многих деревьев листья опали,
Город проснулся. Горит светофор.
Бором сосновым закрытые дали
И неба бездонный простор...

17.10.2015.

Заячьей белой пушистою шубкой
Горы укутались, вдруг,
Зима опустилась к нам юной голубкой,
На жителей местных пустила испуг.
Зябко и холодно, и непривычно.
Хочется солнца, тепла.
Увы, в этот год к нам зима необычно,
Как-то, чуть раньше пришла...

25.10.2015.

День туризма

*Школьный турслёт на поляне Цыганской.
Дети гуськом по маршруту бегут.
Осень свои пораскинула краски,
И разноцветье футболочек тут.*

*Солнышко ласково греет пригорок.
Спуск и подъём – многолетний этап,
Мил уголок этот мне и так дорог,
Сосен ряды нестареющих лап.*

*Готов каждый день я сюда возвращаться,
А может быть даже не уходить,
Редким пейзажем сидеть наслаждаться,
Яркие краски картинок ловить!*

27.09.2013.

* * *

*Вчера ещё давила стужа
И ветер дул, сбивая с ног.
Сегодня всюду лужи, лужи...
На солнце вышли все, кто мог.
Последний зимний день уходит,
Весна красавица вот-вот,
Ещё на юге где-то бродит,
Но в руки власть уже возьмёт.*

28.02.2017.

* * *

Вот и осень пришла,
На дворе листопад,
Только я, как всегда,
Не особенно рад
Смене летних деньков,
На короткие дни,
Так-как ясно без слов –
Неуютны они.
Но с другой стороны, –
Солнца слепят лучи
И как тёплые сны,
Согревают они.
И не лета жара,
Как-то всё в самый раз –
Благодатна пора,
Хоть Сибирь не Кавказ...

02.10.2017.

* * *

Я не знаю как быть,
Что в раздумье сказать.
Не грустить, не скорбить,
Время лучшее ждать.
Хоть известно давно,
Жизнь не по лем идти,
Ищем мы все равно,
Где полегче пройти:
Речку вброд или вплавь,
Иль совсем не ходить,
Только лучшая явь –
По течению плыть...

16.10.2017.

Он похож на свою родину

К 75-летию В.М.Шукшина

*Больше правды нет,
Меньше правды нет,
Снова я приду
На сrostинский Пикет.*

Мария Образцова

Время неумолимо движется вперёд, отодвигая в историческое прошлое события и факты, происходящие на земле. Меняются народы, меняются их традиции и обычаи, но из людской гущи вдруг глядишь – и явится на свет на первый взгляд ничем не приметная личность и оставит в памяти поколений яркий, неповторимый образ, выраженный каким-либо присущим одному ему творчеством.

Всего 45 лет прожил Василий Макарович Шукшин (1929-1974 гг.), но как много он успел сделать, и, возможно, даже сейчас мы ещё не до конца оценили его заслуги перед Отечеством.

Вот как об этом сказал писатель-фронтовик Виктор Астафьев: «Пройдут годы, всё так же будут шуметь берёзы, всё так же будет катить воды Катунь, всё так же будут стоять Сrostки, по я уверен, что слава этого человека, облик его будет в годах всё более благороден и светел, и на эту гору с каждым годом будет всё больше народу приходить. Не обязательно по приглашению, а просто так, как ходят к Пушкину, потому что значение художника Шукшина нами еще до конца не осознано».

А вот что пишет о нём в своей книге «Наш сын и брат» писатель с Алтая Виктор Горн: «Весь творческий путь Шукшина, его достижения непосредственно связаны с любовью к Родине, к родной земле, к людям родного села. Деревня для Шукшина стала ощущением своего начала, своих истоков,

своей Родины, навсегда тем, что Александр Твардовский, называл основой основ поэтического постижения мира».

В памяти жителей Манжерока Василий Макарович остался как один из представителей творческой интеллигенции, его запомнили как кинорежиссёра, проводившего в здешних местах съёмки фильмов «Живет такой парень» летом 1964 года, а через год «Ваш сын и брат». Вот как сообщала 21 августа 1965 года газета «Алтайская правда» о съёмке второго фильма: «Весь Горно-Алтайск знает, Шукшин снимает новый фильм в Манжероке. База — в школе, а снимают в берёзовой роще, каждый житель покажет. Благодаря фильму «Живёт такой парень» Манжерок теперь известен и за пределами нашей страны. Вот так все узнали о Манжероке уже по одному, первому фильму, а после съёмок второго фильма, еще через год, здесь прошел фестиваль советско-монгольской дружбы с песней «Дружба — это Манжерок...»

В 2000-м году исполнилось 35 лет со дня съёмок фильма «Ваш сын и брат», а потому летом в наше село приезжали сотрудники Сростинского музея для записи воспоминаний участников съёмок. Ко мне, как к местному краеведу, обратились с просьбой оказать содействие в данном мероприятии. Немного позднее в наше село пришли по почте приглашения билеты на встречу, посвящённую неделе памяти теперь уже известного режиссёра и писателя Василия Макаровича с его земляками. Из нашего села по приглашению организованно ездили 18 человек.

Встретили нас очень хорошо. Перед собравшимися выступила директор музея Л.А. Чуднова, бывшая учительница В.М. Шукшина Л.А. Лобысевич, его сестра Наталья Макаровна Зиновьева, друг детства В.И. Рябчиков, первая жена, бывшая учительница из Маймы М.И. Шумская. Своими воспоминаниями о съёмках фильма поделились Т.И. Слостенина, В.А. Замятина (Тягунова, сейчас живёт в Майме), А.П. Егорова, Н.Г. Капустина и другие жители Манжерока.

Через 50 лет встретились в Сростках Т.И. Бочкарёва, бывшая заведующая сельской библиотекой нашего села и М.И.

Шумская. Когда-то они вместе работали в Сростках, одна — в клубе, а другая — в школе, дружили, делились последними новостями...

Активно принимала участие в съёмках второго фильма семья Сластениных, о чём стоит сказать отдельно. Тамара Иосифовна работала в то время бухгалтером в сельпо. Она рассказала: «В июле 1965 года я шла домой на обед. Жили мы на берегу Катунь. Прошел сильный град, и в огородах всё выбило. В ограде около школы толпились незнакомые люди. Вечером муж Юрий Сергеевич (ныне покойный, в то время учитель труда) сказал, что его приглашают поработать на съёмках. Был он тогда в отпуске. А ещё пояснил, что фильм будут снимать под руководством того самого Шукшина, что снимал в прошлом году фильм «Живёт такой парень».

На другой день с моего согласия Юра привел двух девочек — Аллу и Наташу пожить у нас. Через несколько дней приехал молодой актёр Виктор Шахов. Я даже пошутила по этому поводу, когда-нибудь скажу, что у нас квартировал артист и никто не поверит. Каждый вечер Юра рассказывал о ходе событий, а однажды пришёл позднее обычного и сказал: «Завтра будут снимать, Шукшин приехал!»

Я спросила, какой он из себя? «А ты знаешь, Тамара, — сказал Юра, — он простой мужик. Поздоровался со всеми за руку, расспросил о ходе подготовки».

Мне не терпелось самой увидеть его. Кажется, у всех жителей тогда разговоры были только о кино. Частенько муж задерживался, приходя домой, восхищался, как любит Шукшин старинные народные песни. Меня попросили сняться в небольшом эпизоде. Когда вечером уводили Степана, я должна была выйти навстречу из переулка. Позднее я с мужем участвовала в озвучивании фильма. Во время «гулянки», когда за столом пели собравшиеся гости, песни исполняли мы, местные жители, в основном учителя. В кадры вошли два брата мужа — Юрий Павлович Штерн и Альберт Васильевич Титоренко, работавшие тогда на пилораме. Попросили

снять и нашего трёхлетнего сына Сашу. Здесь я поближе разглядела Василия Макаровича. Выглядел он обычно, как кто-либо из наших сельских мужиков, даже, может, проще. На нём была рубашка в полоску с расстёгнутыми пуговицами, рукава закатаны, и что удивило – был босиком, брюки были тоже закатаны почти до колен. Шли пробные съёмки. Когда очередь дошла до Саши, его вдруг не оказалось дома, сёстры увели купаться. Его, конечно, нашли, но он упрямылся и отказывался играть, так как проголодался. Тогда Василий Макарович обошел всех сотрудников, собрал у кого что было, и накормил ребёнка...

Я замечала, как Шукшин подолгу и задумчиво смотрел на Катунь, с каким-то особым наслаждением и гордостью. Слышала, как в разговоре он называл её Катунь-матушка. Частенько оставался он ночевать на квартире у Харчевниковых, где жил актёр Ванин. Иногда вечерами приходил к нашему соседу Виктору Нечитаеву, заядлому рыбаку и охотнику. Они подолгу разговаривали, чаёвничали, выпивали, пели... Только теперь, через много лет, я до конца осмыслила сценарий фильма. Наше село, наши люди вошли в историю, как маленькая частица всей России того времени, с их нравами и характерами и в то же время с неутомимой энергией, жизнелюбием и настежь открытой душой. Это будет вечной памятью нашим детям и внукам...»

Своими воспоминаниями поделилась и Мария Юрьевна, старшая дочь Сластениных, а ныне наша поэтесса – Мария Образцова. «Когда снимали фильм, мне было девять лет. Однажды летом, о чём-то весело тараторя с подружками, я сидела на школьном крыльце. Подошли двое мужчин, тот, что помоложе, был обут в кирзовые сапоги, выглядел по-деревенски. «Ну-ка, кыш отсюда, дайте нам поговорить!» — пугнул он нас. От взрослых я узнала, что это были Шукшин и Санаев. В другой раз я увидела Василия Макаровича возле конторы мебельной фабрики. Инсценировали картину дождя, поливая из пожарной машины. Шукшин очень быстро перемещался по площадке и громким голосом подавал

команды участникам съёмок. Ребятишек попросили пробежать за «Волгой» на которой ехал актер Ванин. Но эти кадры почему-то не попали в фильм, видимо, их вырезали».

Спустя годы, когда Мария Образцова сама окунулась в литературное творчество, она поняла, что ей посчастливилось увидеть в работе одного из великих сынов России, Василия Макаровича Шукшина. В её сборнике стихов «Бабье лето» в главе «С поклоном» есть стихотворение, посвящённое В. Шукшину, которое она прочитала в Сростках на встрече с земляками Василия Макаровича, позднее оно было опубликовано в газете «Постскриптум» за 12 октября 2000 года в статье «Наш сын и брат»...

В годы съёмок фильмов я жил в другом селе и, конечно, не мог познакомиться с этим фактом поближе, правда, бывая в Манжероке, знал об этом, видел участников съёмок, купающихся в Катуні и на озере. Видел я также объявление — записаться всем желающим принять для участия в съёмках. Но как бы то ни было, оба фильма мне дороги тем, что в кадры навечно вошли многие сельчане, участники Гражданской и Отечественной войн, все строения и окрестности того времени. В кадры фильма «Живёт такой парень» попал мой двоюродный брат Ф.А. Огнёв, а в другом фильме мой дядя Р.Л. Боровиков.

Первые демонстрации этих фильмов в нашем кинотеатре не вызвали особого интереса у сельчан и только с годами, после глубокого переосмысления, после того как многие из участников съёмок ушли из жизни, сменился внешний облик деревенского быта, люди по достоинству оценили великий труд мастера. Часто фильмы «Живёт такой парень», «Ваш сын и брат», «Печки-лавочки», «Калина красная» привозили в село по заявкам. Сейчас многие сельчан хранят видеозаписи с образами своих родных и знакомых как дорогие реликвии. Важным вкладом в создании фильма «Ваш сын и брат» было участие местных жителей в его озвучивании. Для исполнения песни «Бежал бродяга с Сахалина» и частушек в спортивный зал школы пригласили самых голосистых. В

основном это были учителя. Многие приходили семейными парами, как, например, Агафоновы, Останины, Бучневые, Нечитаевы, Слостенины. Аккомпанировал на баяне музыкант из детского дома Иван Васильевич Шестернин. Кто пел в фильме, я раньше как-то не задумывался, и только после того, как в Сроствах нам прокрутили кадры этого кино, я чётко стал различать голоса своих земляков, которых помню с детства...

Трудно передать словами чувство любви к своей малой родине, чувство восхищения и гордости ею. Только тот, кто бывал в разлуке с родными местами, сможет понять и оценить это. С каким неописуемым восторгом и душевным трепетом, когда служили в армии на Дальнем Востоке уже по третьему году, смотрели мы с земляком Юрием Клеменковым фильм «Живет такой парень»! Так и хотелось закричать во весь голос перед тысячной аудиторией, перед зрителями со всех концов Советского Союза: «Это наше село, это наши места, это наших людей показывают!»... Именно эти чувства руководили Василием Шукшиным, когда он приезжал для съемок на Алтай. Ностальгия по родной деревне придавала ему огромные силы в творческой работе.

«Звезда Алтая» 22 и 24.07.2004.

Дворников камень

История эта произошла в те времена, когда не было еще Чуйского тракта, а берегом Катуня проходила лишь выючная тропа. Зимой люди руслом реки на санях ездили, а летом — вниз по течению лес плотами сплавляли. Не так-то просто было проплыть по горной стремительной реке, тем более пройти через несколько порогов. Больше всех славились своим мастерством и отвагой манжерокские плотогоны. От УзнезидоСросток сплавляли они лес, а порою и дальше. Неплохо платили им за это богатые подрядчики, а зажиточные степские мужики иногда за каждую лесину по несколько пудов зерна давали. Сколько буйных головушек навечно

успокоила Катунь-река, но только смельчаков не убавлялось, семьи-то кормить надо было.

В плотогоны шли дюжие да отчаянные, а в старшие на плоту, в лоцманы, брали самых опытных да сноровистых мужиков. Немного на реке таких было, в основном этим занимались мужчины из двух семей – Еlicheковых и Соколовых. Но было несколько молодых парней, что плавали старшими, в том числе и Никита Дворников — из Талды родом. Был он не только крепкого телосложения и красив лицом, но отличался остроумием да дерзостью своей. «Такому палец в рот не клади», — говаривали в народе.

Немало девушек из окрестных деревень по нему «сохли». Даже Варя Кобелева, по красоте которой равной во всей округе не было, не одну ночь вздыхала по нему, а потому три раза приезжих сватов из купеческих семей со своего двора выпроваживала. Оно бы все ладно было, да ведь девичья гордость в любом веке превыше всего. Так и в этот раз получилось: попробовал Никита Варе в любви объясниться, да не тут-то было. «Хоть завтра пойду за тебя, если сплaviшь плот до Бийска», — шутя намекнула девушка. «Годится!» — ответил Никита и отправился домой.

Утром не досчитались в Манжероке тринадцати лучших парней. Не поймут, куда девались. Спohватилась Варя, да поздно. Сразу догадалась она, что к чему, проклиная себя в душе за такую нелепость. «В Узнезю они уехали, плот гнать!»

Катунью в аккурат коренная вода шла, да так свирепо и страшно, как по рассказам старожиллов, лишь в тридцать лет раз бывает.

В такую пору не то, что лес сплавлять, свое бы добро спасти. Поскребли мужики затылки да, ничего не поделаешь, догонять поздно, а то, что Никита не отступит от своего слова, знали точно.

Всем селом вышли на берег. Мужики кто с трубкой, кто с самокруткой. Матери слезами уливаются, заранее оплаки-

вая своих сыновей. На руках у подружек повисла обессилившая Варя, как бы оправдываясь перед людьми: «Я же пошутила!»

А уж плот летел навстречу Манжерокским порогам, наиболее трудным и коварным из всех. Здесь и в малую-то воду, прочитав молитву для пущей верности, плотогоны поднимали весла и доверялись матушке-реке. Как она распорядится, так тому и быть: пронесет так пронесет, а нет – спасайся кто как может. Стараются мужики покрепче ухватиться за бревно или выскочить на камень, стоящий на пути, самый большой и опасный. Летит плот прямо на камень, как поплавок, то вынырнет, то волной накроется, так и кажется, что парни просто по воде стоя плывут. Вот-вот ударится связка о каменистый лоб и разлетится по бревнышку. На берегу многие уже и глаза закрыли. А те, что смотрели, после рассказывали: подняло вдруг плот, и скользнул он, как большая рыбина, через каменистый барьер.

Счастливая Варя бежала по берегу, махая косынкой. Кто знает, толи Никита каким словом владел, толи Любовь свою силу показала, да только кончилось всё благополучно, а камень с тех пор стали называть Дворниковым...

Скала любви

Немало былей и легенд сложено о нашей любимой реке Катунь. Она всегда была бурная и холодная, временами страшная и коварная, не терпящая шуток, тем более легкомыслия. Трудно представить, сколько буйных головушек успокоила она навечно за годы моей жизни на берегу, а течет она не десятки, не сотни, а тысячи лет. Отчаянные и смелые люди были всегда, есть и будут среди нас, особенно в молодом возрасте.

Сплавом леса по Катунь плотами занимались многие жители предгорных районов, неплохо зарабатывая этим рискованным ремеслом. Больше всех своей удалей и отвагой славились мужчины из Манжерока, возможно, потому, что

Манжерокские пороги самые большие и труднопроходимые в течении реки. Богатые подрядчики из степных селений знали, к кому обратиться по поводу сплава леса.

Шел 1895-й год. Катунь бушевала и свирепствовала. Лес, заготовленный по берегам вот-вот унесет, а убрать его невозможно. Купец из Бийска прислал своего управляющего с просьбой сплавить лес из Узнези за двойную плату.

И вот Мирон Еlicheков со своей командой плывут в сторону Маймы. Пройдя Манжерокские пороги, они обычно причаливали к берегу. Так было и на этот раз. Ночевали дома, немножко гуляли, расслабились, четверых ребят из тех, что помоложе, отпустили. Айские пороги их уже не пугали, но, как говорят, и на старуху бывает проруха. Неожиданно впереди показался большой, торчащий из воды камень. Вода вокруг него кипела и бурлила. «Бей влево!» — скомандовал Мирон, но было поздно, с основного русла уже ушли. «Держись!» — снова во все горло гаркнул он, а сам изо всех сил продолжал рулить задней гребью (веслом).

Плот удачно пролетел протокой, девятиметровая гребь, ударившись о камень, переломилась, выбросив вторым концом, как длинным рычагом, лоцмана на скалу. Он едва успел ухватиться за единственный сосновый пенек. Семеро парней с великим трудом причалили к берегу ниже Соузги. Но как спасти своего жожака?

Третьи сутки сустились товарищи у костра на берегу, кричали Мирону, махали руками. Вместе с ними сидели родные и молодая жена Дина, готовая в любую минуту броситься в бурлящий поток. К счастью, вода в реке держалась на одном уровне.

Под Мироном оставалась всего метровая площадка, где он, мокрый, голодный и холодный, сидел, поджав ноги. Сидел молча, чувствуя, что только он виноват во всем происходящем.

Несколько раз пытались подплыть к нему, но ничего не получалось. Двенадцатиместная лодка со смельчаками, как с огромного трамплина, ныряла в водоворот на большой ско-

рости, пролетая мимо скалы на расстоянии нескольких саженей. Уму не постижимо, как ее не накрывало волной.

И тут кто-то вспомнил про Ивана Шарабарина. Жил такой пастух в деревне. Хоть и левша был, но камень через Катунь в любом месте перебрасывал, на самого строптивного жеребчика в табуне аркан за полсотни метров накидывал.

Кое-как разыскали Ивана на дальней заимке, а добудиться не могут, спал он в амбаре как убитый, всю ночь на барсуков в горах охотился. Когда сообразил, что к чему, быстро очухался. Прискакали к берегу уже в потемках. На десятый раз удалось Ивану накинуть петлю аркана на пень. Второй конец закрепили к дереву на берегу, но Мирон обессилил и вряд ли сумел бы удержаться на руках. Тогда для страховки по натянутому с уклоном канату толкнули железный обруч со второй веревкой.

Остальное можно и не рассказывать, жаль, что нас не было на берегу во время встречи с друзьями и родными. Только упала Дина со слезами мужу на грудь: «Выбирай, Катунь или я!» Так и пришлось ему в кузнецы податься. И этим ремеслом он тоже прославился на всю округу...

Много воды утекло с тех пор, несколько поколений жителей сменилось в нашем селе. Сохранились три-пять избышек да пара домиков из тех, что поставили предки по берегу реки сотню лет назад. Мне довелось общаться и разговаривать с мастерами и участниками сплава леса, после чего я сумел записать кое-что из их воспоминаний. Из первых уст услышал я и эту легенду. Хочу, чтобы и другие знали, почему островок ниже турбазы «Юность», тот, где располагается теперь база «Киви-Лодж», называют «Скалой любви».

Нефёдкин камень

Было это в наших местах лет восемьдесят назад, возможно чуть раньше, а может, и немного позднее. Машины тогда еще только начали появляться и лес сплавливали по Катунь плотами.

Смелые и отважные парни занимались сплавом, тем более не каждый из них мог возглавить команду на плоту. В основном это были мужчины из двух семей – Еличековых и Соколовых. Трудным и опасным было ремесло плотогонов, дорогой ценой (рискуя здоровьем, а порою и жизнью) добывали они свой хлеб.

Сколько порогов и отдельных камней нужно было пройти от Чемала до Маймы! Каждая преграда грозила неожиданной трагедией! Все камни отличались друг от друга формой, размером, расположением, своим нравом, своей историей, а потому и получали определенные названия: «Топоренок», «Попугай», «Копна», «Палатка», «Пыхтуля»...

В километре выше Манжерока, посредине Катуня, есть большая скала. Не всякий знает, что называется она «Нефёдкин камень», или «Самовар», и вот почему.

Плавал когда-то в команде Мирона Еличекова мужичок, один из приезжих. Ростом не большой, но кряжистый, любитель был чаи погонять, а потому всегда с собой самовар возил. Звали его Нефёд, но чаще всего просто Нефёдка, а вот фамилию его никто из старожилов не смог вспомнить.

Однажды в половодье в сумерках налетели на скалу. Плот разбило, но мужики успели выбраться на сушу. Развели костер, напились чаю, да и ночевали на островке.

Утром рабочие артели привезли на машине большую лодку и переправили «робинзонов» на берег. Лишь только дома спохватились, что забыли самовар.

Так и плавали потом все лето на плотях мимо – причалить к скале было невозможно, а везти снова лодку – пустая трата времени.

С наступлением зимы, когда река замерзла, самовар забрали. Правда Нефёд к тому времени уехал из Манжерока, но осталась легенда, которая жива до сих пор. Я как мог, постарался передать её тем, кто о ней ничего не слышал.

Булка

Большую часть своей жизни прожил я на берегу красавицы Катунь. Мне довелось быть свидетелем сплава леса по ней плотами, приходилось самому плавать на лодках, на самодельных плотках и, конечно же, на руках. Не понаслышке знаю я о ее непредсказуемых действиях на всякие капризы природы. Немало различных событий, в том и числе трагических, произошло за время моей жизни на берегу реки. Встречался я и общался со многими мастерами сплава и со старожилами села. Добрый десяток легенд о Катунь довелось услышать мне в начале 90-х годов прошлого столетия из уст восьмидесятилетнего краеведа из Барнаула, уроженца наших мест, Григория Михайловича Кузнецова. Именно благодаря его рассказам, я написал легенды «Дворников камень» и «Скала любви». Теперь хочу предложить еще одну.

В начале прошлого столетия приехали в Манжерок Ванчуговы и поселились на высоком берегу Катунь. Семья была большая, но дружная и трудолюбивая. Построили добротный дом, развели хозяйство: лошадей, коров, пасеку. Не отказывал глава семейства никому из местных жителей и в бытовых услугах: был он хороший портной, сапожник, владел плотницким и столярным инструментом, мог при необходимости сложить печь и выделывать шкуры.

В 1918-м году после 11 лет службы на Тихоокеанском флоте пришел домой сын Семен. Время в ту пору было смутное, беспокойное. Семен вернулся большевиком, а семья его считалась зажиточной, вот и пошел он вразлад с родителями. Женился и поселился в маленькой избёнке на окраине села. Быстро включился в работу партийной ячейки и принялся с местными активистами устанавливать Советскую власть. Тайком от отца, как могла, старалась помочь сыну мать – то денег даст, то коврижку хлеба занесет, то кринку молока.

Но вот в Манжерок вошли колчаковцы, отступавшие в Монголию. Вечером на крыльце появилась заплаканная мать.

«Нельзя тебе, сынок, в селе оставаться. Завтра будут сход собирать, коммунистам в первую очередь достанется. Беги за Катунь, я потайной ход знаю. А невестка с ребенком пусть у кумы ночуют. Утром они рано в Бийск едут и увезут ее к родным».

Так оказался Семен в партизанском отряде у красных, а мать каждый вечер приносила ему буханку свежего домашнего хлеба и клала на камень у заросшего и незаметного постороннему глазу подземного хода.

Только вдруг однажды вздрогнуло сердце матери, почувствовала она неладное. Кое-как дождалась сумерек и — скорее к заветной скале. Хлеб лежал нетронутым, а через несколько дней привезли изуродованное тело Семена. Оказалось, что он попал в плен к белогвардейцам, и те жестоко расправились с ним.

Родителей Семёна во время коллективизации сослали, дом и имущество конфисковали, а ему в год пятидесятилетия Советской власти благодарные земляки установили на могиле памятник. Место на берегу Катунь, где жила семья, называют теперь Ванчугов камень, а скалу, ниже порогов, под которой был когда-то едва заметный подземный ход, ту, куда мать приносила и оставляла сыну хлеб, называют Булкой.

Из юности

На высоком берегу скалистом,
У Катуня – матушки с утра,
Задыхаясь запахом смолистым,
С рыбаками греюсь у костра.

Медленно идет у них беседа:
Что и где, и как стряслось опять.
Я готов был слушать до обеда,
Чтоб запомнить что-то и понять.

Начинают тему о рыбалке,
О тайменях, о больших лещах,
Кто метрового несет на палке,
Кто идет со связкой на плечах.

Вспомнят про кино, про жизнь, про семью
И про пашню — скоро на покос...
Мне казалось, я тогда со всеми
Жил на равных и, конечно, рос.

Только пароходною сиреной
Раздавался с фабрики гудок.
И пустел пригорочек мгновенно,
На работу все спешили в срок.

Село моё

Село моё, село родное,
С ним очень прочно связан я,
Где зону вечного покоя
Приобрела моя родня.

Здесь похоронены две тётки
И дяди два, отец и мать...
Местечко лучше не найдете:
Сосновый бор, тишь, благодать.

Провел ночей много бессонных,
Рассветы часто я встречал...
Людей, в дела свои влюбленных,
Немало здесь нашли причал.

Общался с ними, веселился,
Порою в душу им глядел,
На них похожим быть стремился
И, может, в чем-нибудь сумел.

Всего, конечно, не опишешь,
Ведь взглядом всё не охватить.
То, чем всегда живешь и дышишь,
Готов, как зеркало хранить.

Катунь-красавица, как можно
Её дыхание забыть,
Её умение осторожно,
Но постоянно в скалы бить.

Хотя порою диким зверем,
Рвёт в пене гнева берега
И, в силы вдруг в свои поверив,
Из гор пускается в бега.

Село моё, село родное,
С названием кратким «Манжерок»,
Судьбой его обеспокоен,
Любил всегда, жалел, как мог...

Катунь река родная

*Катунь, Катунь, река родная,
Среди друзей своих, парней,
Порою летнею, до дна я
Нырял, бывало, меж камней.*

*Со скал высоких прыгал в воду,
В течение бурное реки,
И, вынырнув, врубался с ходу,
В пучину волн ребром руки.*

*На остров плыл вместе с друзьями.
На зависть местным мужикам,
Мы чебачков в прибрежной яме
Таскали удочками там.*

*Прошло здесь детство, юность тоже,
Не потому ли, на весь век,
Катунь и ближе и дороже,
Из всех больших и малых рек.*

*С годами сменятся все люди,
В течение многих тысяч дней.
И лишь Катунь всё также будет
Кому-то ближе и родней.*

Георгий Черных

Георгий Черных родился в 1975 г. в г. Красноярске. Стихи начал писать с 9 лет, долгое время не придавая этому серьезного значения.

И в один прекрасный момент ему открылись ворота поэтического мира, ключи к которому он подобрал своими стихами.

2001 г. – начало публикаций в газете «Постскриптум» и 5-е место в первом литературном конкурсе, организованном этой газетой.

2006 г. – третье место в конкурсе «78 слов о Горно-Алтайске» (газета «Вестник Горно-Алтайска»)

2007 г. – Георгий становится победителем районного фестиваля «Вместе мы сможем больше» в номинациях «Литературная» и «Видеоматериалы», а затем на подобном республиканском фестивале жюри присвоило ему вторую

премию в номинации «Поэтическое творчество». Посещение литературного клуба при газете «Вестник Горно-Алтайска», строгие и справедливые замечания «братьев по перу» и особенно школа Сергея Решетнева, способствовали дальнейшему росту Георгия, как поэта. И вот он уже один из авторов сборника «Я сердцем чувствую стихи».

2008 г. – создание литературного клуба «Повозочка» в Майме, и он вступает в его ряды. Его стихи начинают выходить наряду с представителями клуба в сборниках: «Параллельные миры», «Повозочка», «Пусть откроется жизни страница», «Снова память распахнута настежь», «Майма литературная», «Отражение веков», «Среди однотипных коралловых будней» и, наконец, первый авторский сборник – «Времена жизни».

Георгий участник Международного поэтического конкурса 2009 г. «Золотая строфа». Его стихи вошли в 3 альманаха, выпущенные по результатам конкурса.

*Небо звёздное в утро раннее
Тае́т гроздьями, став хрустальнее.
Скрыты инеем, что мерещатся,
Тра́вы синие в свете месяца.
Утро каждое, словно кружево,
Сонно-влажное, не разбужено,
Не воспето. Но в небе палевом
Зарождается солнца зарево.
Утро. Падают листья на́ берег,
По воде скользя, будто оберег.
В них исчезнет тень ночи каторжной,
И наступит день снова радужный.
Утро всякое, как последнее,
Встреть с отвагою, встань в переднюю.
И, молясь, скажи слово бодрое:
"С добрым утром вам!" — в утро доброе.*

*В тот день стояла ясная погода.
Весь мир купался в красках сентября.
Пошли опята, за рекой у брода.
Манили горы, листьями пестря.*

*Ещё казался мир родным и летним,
И осени не чувствовался взгляд.
Всем этот день казался не последним,
Их будет ещё множество подряд.*

*В тот день никто не знал и не старался
Узнать. Но ведь так было с века в век:
Тот человек у девушки остался
И – появилась ты на этот свет!*

*Они с улыбкой нежно расставались
До завтра, не мечтая о тебе.
Они, ещё влюблённые, не знали,
Что ты уже шагаешь по Земле.*

*Они ещё не ведали дороги,
Которая сведёт их, наконец,
Где папа встретит маму на пороге
И уведёт, волнуясь, под венец.*

*А ты жила, а ты уже дышала,
Под сердцем материнским замерев,
Чтоб из начала перейти в начало,
Собою этот мир запечатлев.*

*И миг настал! В чудесный день весенний
Явилась ты, вселяя мир в сердца!
Для сущих и грядущих поколений
Горит звезда в созвездии Тельца!*

*Твои слова из электронного письма
В мой мир влетели ярким сгустком света,
Когда, что в песне из прекрасного псалма,
Закат весны пришёл к восходу лета.*

*Ворвались в сердце и в сознание шторма
Любви, надежды, веры для ответа.
И я, казалось мне, почти сошёл с ума!
Не это ли безумство для поэта?*

*Слова твои искрились лаской нежной,
Окатывая радостью безбрежной,
Что без следа исчезла боль душевных ран.*

*В постскриптуме, сияя, словно стразы,
Была одна единственная фраза:
"На нашем месте, под ольхою, где фонтан".*

*Вчера со мной случился срыв:
Прошёл затишья перерыв –
Мотив эмоций, чувств порыв
Всю душу рифмами изрыв*

*Излился, вылился в стихи.
Пусть неуклюжи, пусть плохи
И из словесной чепухи,
Но, словно в небе всполохи,*

*Осветят снова дольний путь.
Они неслышно, по чуть-чуть,
Слагая в строфы смысла суть,
Дадут по-новому взглянуть*

*На мир, что стал другим с утра.
В душе исчезла мишура.
В ней расцветает сакура!
И радуга, и аура!*

Я споткнулся о порог твой новый,
Рассыпая по полу букет.
За порогом лаял пёс дворовый.
А в глазах твоих читалось "нет".

И вот так лежать цветы остались.
И остались мы стоять вот так.
Стали небеса чернее стали,
Превратив закат в безлунный мрак.

Всё в природе мрачно и безмолвно
В этот час комком из скорбных слёз:
Между нами было всё условно,
Что должно надолго стать всерьёз.

Так понятна, но невыносима
Мысль, кровоточащая в груди:
"Между нами что-то всё же было,
И сияло счастьем впереди.

Ведь нельзя так с чувством неучтиво".
А в ответ – досадливый твой вздох.
За окном неспешно и дождливо
Расцветал в ночи чертополох.

Вот и всё. Исчезнет с белой птицей
Белый дым по утренней реке.
И когда-нибудь вдруг да приснится
На полу рассыпанный букет.

Во мне идёт война добра и зла.
Идут бои, и нет, им нет числа.
У каждой из сторон есть перевес.
И нет конца войне, в ней нет чудес.

Они один замес: добро и зло.
Войска отлично знают ремесло.
Вот потому и фронт в душе моей
Один для всех без боевых полей.

Но как тут быть? Она одна, война,
Сполна метаморфозами полна,
Где другом может стать заклятый враг,
А раем и дворцом гнилой овраг.

И как узнать, кто занял высоту?
И как не преступить мне ту черту,
Когда ведёт добро дорогой в ад,
А зло во благо лучше во сто крат?

Но кто б из них не занял рубежи
Моей, войной истерзанной души,
Мне, как и всем, нет, не преодолеть
И доброты, и зла стальную плеть.

Где заканчиваются Вселенные,
Безразмерные и многомерные,
Где безмолвно, бездонно, безлико,
Там Ничто в Ничего превращается.
В этом Нечто и бездна – красавица.
И над этим всем Время – владыка.

За такими мирами-скитальцами
Время молча склонилось над пальцами,
Вышивая сюжет свой не первый,
В духе времени, нитка за ниткою:
Гладью, строчкой, крестом, паутинкою –
Создаёт мировые шедевры.

Ткань пространства со всей скрупулёзностью
Заполняется Временем полностью,
Оживая узором и светом.
Но у Времени просто нет времени
Эту ткань укрыть оранжереями:
Рвётся будущее сразу следом.

Время счёт ведёт времени вовремя,
Отбивая часы, и в веках зремя –
Не во имя, не для и не ради,
От мгновения до целой вечности,
От сверхскорости и до инертности, –
Заплетаёт скоплениям пряди.

Вот с таким созидющим пламенем
Время с верным идёт осознанием,
Что не временной будет дорога.
Время – тайна, и время – явление.
Время – искра, и время – творение.
Свойство, признак и качество Бога.

*В поэзии запретов нет.
Есть в ней и нечет, есть и чет.
Но вместо фишек слов тесьма.
И слов игра. Игра ума.
Кто будешь ты за тем столом,
Обитым дорогим сукном?
Ты здесь игрок, судья, крупье?
Здесь вправе выбирать тебе.*

*В поэзии один запрет:
На графоманский чёрный бред,
Провозглашающий всегда,
Что всё на свете есть беда.
Коряво выстроенный миф
Из пальца высосанных рифм,
Где загнана под ритм строфа.
То не поэзия – дрова.*

*Но есть в поэзии секрет.
Он – радужный нетленный свет!
В нём каждая строка чиста:
Про жизнь, про счастье, про Христа!
Секрет поэзии не в том,
Что хочешь ты сказать стихом,
А в том, что тайна есть сия
Она – сама поэзия!*

Приятие

I

*Порой, любясь восходящею луной
На звёздном небе, и на свежие сугробы,
Я понимаю – жизнь проходит стороной
От лона матери до гробовой утробы.*

*Не оттого ли я, встречая каждый день,
Спешу постичь весь мир от действия до слога
И никогда не тороплю дневную тень?
Не потому ли не стремлюсь стать частью Бога?*

*Но зная, что кто я ему и кто он мне,
И на распятии, конечно, не воскресну,
Что человек я и, как все, горю в огне, –
Осознаю, что это мне давно известно.*

*Не значит оное, что всё перечеркну,
Что растеряю в серебре и пошлом быте,
И разорву, им, Богом данную, струну
Мгновений лет бесценных от бесцельной прити.*

*Не значит это – жизнь проходит стороной
И так похожа на бездумную потерю.
Нет. Я люблюсь восходящею луной.
А это значит, что я верую и верю!*

II

*Не вспоминая об ушедшем, о своём,
Собрав в едино все желания и мысли,
Я, зачерпнув из сердца кистью, краски жизни
На лист бумаги вылью радужным дождём.*

*Нет! Расплещу! А брызги радуги раздам,
Пусть хоть по капельке, но будет в каждой чашке:
Восторгом брызг росы, опавших на ромашки,
Слезами счастья всех влюблённых – пополам!*

*Всё, что останется — во мне, и от меня, —
Я, в унисон с приятным тёплым пряным ветром,
С небесным куполом и с вечным горным кедром
Раскрашу жизнь, ручьём плескаясь и звеня!*

*Украшу светлым все оттенки бытия,
Смешав эмоции и мысли на палитре.
И опишу всего себя, без скобок в титре,
Судьбе вверяясь, в Бога веря и любя.*

*И тут же сразу, и в душе, и вдалеке
Зажжётся яркий огонёк свечи прощённой.
И засияет лунный свет в ночи бездонной.
И звёзды в небе, словно жемчуг на песке.*

III

*Гляжу в глаза, из зеркала смотрящие.
В них вижу непростое настоящее.
И искры будущего, и бывшего всплески.
И изнутри деяния палящие.*

*Не вижу главного, ответа на вопрос,
Как разрешить неразрешимый парадокс:
Зачем, имея, не храним и не жалеем,
А потерявши — до кровавых плачем слёз?*

*Зачем пытаемся спустить стальной курок,
Избрав свой путь в тупик как есть из всех дорог?
А, оказавшись в нём, не видим то, что выход -
Порог, который перейти искус помог.*

*Вернись к черте. Поверь в себя. В твоей груди
Нет места гневу: всех и всем за всё прости.
И помни то, что человеком Бог стал, чтобы
Всем людям мира стало с Богом по пути.*

*Иди! Смотри — в душе закончена война.
Любуйся красотой — с глаз спала пелена.
Твори добро, его подбрасывая к звёздам,
Туда, где в небе лучезарная луна.*

Тюбовь Семенцова

Семенцова Любовь Федоровна родилась весной 1955 года в селе Курай, Кош-Агачского района. В с. Майма проживает с 1993 года.

Самое дорогое у неё — это муж, трое детей, двое внучек, две милые снохи и зять. Стала соавтором объемного видеофильма, который назвала «Фильм-песня». Туда вошло около 250 песен различных авторов двадцатого века — это примерно 15 часов непрерывного звучания.

Считает, что её стихи — лишь проба пера. И просит не судить строго.

Повезло

*Стало утром светло. На пороге апрель.
«Повезло, повезло», — мне звенела капель.
«Повезло, повезло, — мне кивали кусты, —
что сжигать не пришлось за собою мосты».*

*Перевалка в горах — наш надежный приют.
Люди в ней отдыхают и песни поют.
Всё обычно, всё просто и смех, как всегда,
Но с ладошки твоей улетает звезда.*

*«Повезло!» — ликовала на склонах метель,
А в окошко заглядывал месяц апрель.
Или это заветной горы ворожба,
Или нам в этот день улыбнулась судьба?*

Светлая ночь

*Светлая ночь, ночь полнолуния -
Можно подольше не спать.
Песню твою — чудо чудное
Буду всю ночь напевать.*

*Воспоминанья, как листья закружатся
С дивной мелодией в лад.
К осени той в разноцветное кружево
Мысли мои улетят.*

*В памяти речки неспешной течение,
Туч морсящих слои.
Милой улыбки и взглядов томление,
Жаркие руки твои.*

*И оторваться от музыки осени
Просто невмочь.
Небо раскрасили лунные проседи.
Светлая ночь...*

О сущности истории

*Чередой измен и преступлений
Нам в глаза История глядит.
Время – мудрый и всесильный гений
Никого из нас не пощадит.*

*Только будут вновь рождаться дети,
В марте будут глотку рвать коты.
Самые огромные на свете
Поплывут искать подруг киты.*

*Будут каркать вороны извечные,
Будет литься на Планете кровь.
Но в стихах и песнях не развенчана,
На Земле пусть царствует Любовь!*

*Чередой любви и восхищенья
Нам в глаза История глядит.
Время – мудрый и бессильный гений
Никого из нас не пощадит!*

Житейская история, или песенка обиженной женщины

*Когда-нибудь я не накрашу глаз,
И ты меня в толпе не различишь.
А почему? Зачем? Спроси сейчас.
Но ты молчишь...*

*И растворюсь я в шорохе ресниц,
В чужих веснушках, в золоте волос.
Исчезну вдруг с альбомных всех страниц
И просигналю «SOS».*

*Тогда скорее разводи костер.
Быть может, на его дымок тотчас
Вернется женщина, которая позволит
Себе однажды не накрашивать глаз.*

Борис Семенов

Родился: г. Горно-Алтайск, 1949 г.

Учеба: средняя школа № 12 (г. Горно-Алтайск, 1956-1966 гг.),
музыкальная школа, геологический факультет Иркутского Государственного Университета им. А.А. Жданова (1966-1971 гг.).

Работа: геолог на геологической съемке и поисках месторождений полезных ископаемых в Забайкалье, Северном Прибайкалье, Центральной и Западной Монголии, Горном и Монгольском Алтае. В том числе, на крупнейших месторождениях: Каракульском — кобальта, Калгутинском — медно-порфировом, Асхатингольском — серебра, Любушкинском — ювелирного кордиерита в период 1971-2001 г. Автор свыше 200 отчетов по инженерно-геологическим изысканиям для строительства новых зданий и сооружений в РА, Алтайском крае, Кемеровской области в период 2003-2011 гг.

Награды: «Победитель соцсоревнования 1977 года», «40 лет геологической службы Монголии», «Отличный геолог».

Творчество: автор изданных трудов «Крупнейшие месторождения Горного и Монгольского Алтая» (2011 г.), «Истории Чайного Клуба» (2014 г.), «Геология Алтая» (специальные и нравственные аспекты) (2017 г.), диски гитарных песен «Калгутинское лето» (2014 г.) и «Пролетают снега» (2016 г.). Несколько небольших статей геологического содержания было опубликовано в бюллетене «Природные ресурсы Горного Алтая» периода 2004-2010 гг.

Семья = 40 лет: жена, трое детей, проживающих и работающих в Москве, Томске, Бийске.

Из альбома «Калгутинское лето»

1

В 1999-2001 г.г. мне пришлось постоянно-круглогодично работать в 100 км от своего дома. Рабочее зимнее время я старался заполнить некими геологическими этюдами, которые могли в дальнейшем помочь мне при проведении маршрутных работ. Но нельзя же работать все 16 или 18 часов, которые человек способен провести без сна в течение суток, поэтому иногда в голову приходили слова и строки, которые мне хотелось донести до любимой девчонки в виде песни. Изю всех попыток более всего полюбились мне слова «Я скучаю по тебе». В ритме этой песни теряется кажущаяся скука слов... возникает некая, как мне кажется, дерзость, утверждающая мою любовь к тебе.

*Я скучаю по тебе.
Не пою, а просто вою.
Я скучаю по тебе
Дней унылых чередую.
Пролетит последний снег,
И придет весна шальная.
Я скучаю по тебе –
Ты сама об этом знаешь!*

Я скучаю по тебе.
Времени не замечаю.
Я скучаю по тебе.
Не пою, а все скучаю.
Паутинкою слеза
Набежала – не обманешь.
Я люблю тебя всегда –
Ты сама об этом знаешь!

Пролетают облака
Над Планетой легкой тенью.
Тают дни, часы, века.
Ты – мое отображение.
Я тоскую по тебе,
И Земля еще живая.
Я тоскую по тебе –
Ты сама об этом знаешь!

Январь 2001 года. с. Малоенисейское

Из альбома «Калгутинское лето»

2

Вероятно, гитары большей частью повествуют о людях или же о морали тех поколений, к которым принадлежит тот или иной гитарист. Я, естественно, сочиняю и пою песни о людях моего, советского, поколения – живущих и умерших. По-разному проходит жизнь человеческая, по-разному же она и заканчивается. Песня «Мы не становимся красивее» была сочинена мною в память о моих друзьях, вместе с которыми я разделил свою геологическую и человеческую жизнь в маршрутах Забайкалья и Прибайкалья, Гоби и Хангая, Монгольского и Горного Алтая. Слова и мелодия этой песни образовались у меня весной 2013 г. во время пребывания в

НИИ кардиологии города Томска. Костер, гитара и знакомые улыбки круга товарищей представились мне вновь. В интернете эта песня, исполненная нами с Любой, набрала свыше 3000 просмотров.

*Опять, как прежде, манит дым костра.
Собраться вместе нам пришла пора.
На свете этом уж в который раз
В глаза друг другу мы глядим сейчас.*

*Мы не становимся красивее
С годами, рано пролетевшими.
Над нами купол цвета синего
И в небесах дожди прошедшие.*

*Мы не стесняемся высоких слов.
Звездой манящей нам была любовь,
Круг верной дружбы, свет любимых глаз.
Тайга, палатки в памяти сейчас.*

*Над нами купол цвета синего
И в небесах дожди прошедшие.
Мы не становимся красивее
С годами, рано пролетевшими.*

*Мои товарищи, пришла пора
Нам растворяться в угольках костра.
Придут иные и заменят нас,
В небесной выси наш увидят взгляд.*

*Опять весна готовит синее,
И в небесах дожди прошедшие.
Мы не становимся красивее
С годами, рано пролетевшими.*

26.05. - 02.06.2013 г. Томск – с. Майма

Из альбома «Калгутинское лето»

3

В жизни, наверное, каждого человека существуют отрезки времени, которые потом он помнит всю жизнь. Эти отрезки, составляющие основу памяти, должны выделяться любовью или ненавистью, страхом или восхищением из бесконечной повседневности будней. Вглядитесь, слушая мелодию и слова «36-и часов колдовства», в свою память... Может и Вам удастся воскресить в своей памяти чудо любви!

*У листвы, пожелтевшей едва,
Все пытаюсь тебя найти.*

*36 часов колдовства –
Не приснились ли мне они?
36 часов колдовства
Расплескались в осенней Оби.
36 часов колдовства
Не приснились ли мне они?*

*Ты по-прежнему так легка
На тропиночке у ракит.
И дрожит на руках листва –
Время осени нашей любви.
36 часов колдовства
Расплескались в осенней Оби.
36 часов колдовства
Утонули в дорожной пыли.*

*Ты, как алый цветок, ярка,
Средь лимонного блеска листвы,
И полны ароматом трав
Твои губы – уста любви.
36 часов колдовства
Расплескались в осенней Оби.
36 часов колдовства
Не забыть мне вовек, не забыть.*

2013 г, с. Майма

Из альбома «Калгутинское лето».

4

Мне давно хотелось сочинить песню, отражающую историю жизни простого советского парня – одного из 250-и миллионов, покинувшего отчий дом для творения добра и радости на Земле не для того, чтобы «просто жить», как определяют цель жизни современные школьники, напичканные СМИ-славославиями в честь «успешных» и «состоявшихся» бизнесов-мэнов и бизнесов-вумэнов.

Как и многие молодые люди Советского Союза, я стремился к творению добра на Земле. Родители проводили меня в этот непростой путь, именуемый «жизнь», для поисков счастья, для строительства новых мирных городов. Не так-то просто творение добра и радости на Земле: это искусство невозможно без верных товарищей (снова подчеркну – не «волонтеров», не «дорогих друзей») и любимой девчонки, без детей и более дальних потомков. Творение добра невозможно без вхождения в круг любви (не в клуб однополого секса). Может быть, подобные мне найдутся среди слушателей песни «Время. Жизнь».

*На рассвете с зарей уходил я из дома к вокзалу.
Проводили меня до ворот дорогие сердца.
Уезжал навсегда – что меня на Земле ожидало?
Ожидали костры и дороги, любовь и мечта!
Время встреч и разлук. Время поисков, время открытий.
Рельсы дальних дорог и друзей молодых череда.
Было весело нам в суете этих ярких событий,
И казалось, что юность от нас не уйдет никуда!
На одной из дорог мне девчонка в пути повстречалась,
Словно вышла из сказки и за руки нежно взяла.
И, присев у костра, чтобы долгим наш путь оказался,
Мы впервые взглянули друг другу в родные глаза.
И, наполнена светом любви, наша жизнь покатилась,
Словно не было в мире живущих счастливее нас.*

*Золотые глаза мне пути и костры освятили.
Оказалось: на счастье, что это любовь и мечта!
Вот и осень пришла. Как-то враз накатилась усталость.
Только рядом со мною твои золотые глаза.
Пролетели года – что же нам на Планете осталось?
А остались костры и дороги, любовь и мечта!*

2013 г. с. Майма

5

Конечно, «Калиточка» — это песня не про архитектурные «излишества» типа забора, плетня, изгороди или частокола — неперенных атрибутов сельского дома, а песня о любви. Надеюсь, каждый из присутствующих помнит о моменте встречи с девушкой или парнем «своей мечты»... Мне-то проще: я давненько уже сосуществую (естественно, вполне счастливо) с девушкой моей мечты... Некоторым из присутствующих, возможно, еще предстоит подобное мирное сосуществование... И сама калиточка в моей истории любви оказалась подобна Калиткам любви из русских романсов... Волшебным образом обычная (ли ?) Калиточка изменила жизнь парня и девушки, повстречавшихся впервые в жизни у этой самой ка-ли-точ-ки. Слова и мелодия «Калиточки» каким-то образом появились у меня вечером в январе 2014 г. среди обыкновенных забот в столь же обычном сельском доме.

*С неба падают, падают, падают снежные ниточки.
Повстречался с тобой у скрипучей да старой калиточки.
Не успел окунуться я в глаз твоих темное марево –
Обернулась, ушла, только сердце свое мне оставила.
Пролетят-проплывут облака журавлиными криками.
Как же вновь я хочу оказаться у милой калиточки,
Где сердечко твое я унес мимоходом-нечаянно,
Где еще о любви ничего нами не было сказано.
Зашумели ручьи и ветра, да и зиму припрятали.
Белым цветом оделись и горы, и сливы и яблони.
Лишь калитка скрипит на ветру, чуть открытая,
Напевает слова о любви позабытые.*

*С неба сыпятся, сыпятся, сыпятся летние дожди.
По тропинкам куда-то бегут разноцветные ежики.
Лишь калитка скрипит на ветру, до утра позабытая –
Как же мне все слова, все слова про любовь свою высказать?
Пролетели года, шелестя пожелтевшими листьями.
Возвратился опять я к знакомой, скрипучей калиточке.
И встречает – легка, а глазищи, как омуты темные.
Дорогая моя. Здравствуй, милая, счастье бездонное!
Пролетают-плывут облака журавлиными криками.
Как же вновь я хочу оказаться у милой калиточки,
Где сердечко твое я унес мимоходом-нечаянно,
Где еще о любви ничего нами не было сказано.*

2014 г., с. Майма

6

Было, кажется, 12 февраля 2014 года. Идеи о красоте падающего снега и совершающихся, параллельно с падением снега, перемен в человеческой и общепланетарной жизни за последние примерно 50 лет были неоднократно воспеты или пропеты как минимум в трех вариантах. Это, конечно же, Шарль Азнавур с его прелестной «Тумбэ лянежей» (падающим снегом и несчастной любовью). Это, конечно же, «Самоцветный» «снег кружится, летает, летает» и надеждой на любовь. Это, конечно же, «снег-снежок, белая метелица»..... и визборовское «сколько снега выпало» с их безнадежной любовью, засыпанной снегом.

Идею о красоте падающего снега я попытался реализовать в песне «Снежная песня» словами припева: «снег укрывает белым Землю, укрывает»... Слова же куплетов были собраны мною из разновозрастных воспоминаний о красоте окружающего мира. Естественно, эти воспоминания не могли обойти мое постоянное восхищение красотой женщины.

*В ночной тиши заря вечерняя растает.
Приходят звуки, исчезающие днём.
Неслышно время над землёю пролетает,
И ты плывёшь над миром в небе голубом.*

*Лукавая улыбка поздней осени
Затаена и чуточку легка.
Остатки лета на палитру просятся
Ведь зимний сон не тронул их пока.*

*И, ослеплённый лучиком искристым,
Стою в морозный день среди села.
Ты мною соткана сейчас из снега чистого,
Из старой сказки, солнца и тепла!*

*Снег укрывает белым землю, укрывает
И возвращает мир в светящийся покой.
Снег укрывает белым землю, укрывает,
Украсив светлый лист пути перед тобой.*

2014 г., с. Майма

7

17.10.2014 года у меня возникли слова и мелодия песни «Бродит осень», как естественная реакция человека, прожившего свою жизнь без войн, на войну, стоящую у границ моей страны, на убийство людей. Равнодушие, более того, ненависть, убийц-нелюдей к своим жертвам потрясли меня: эти равнодушие и ненависть – суть производные смерти, ненавидящей жизнь и равнодушно взирающей на людское горе. Осенне-дождливое время, расцениваемое классиками русской литературы, как период увядания жизни в Природе, своей грустью, как мне кажется, лишь подчеркивает неизбежность заката человеческой жизни. Все же моя натура считает возможным надеяться на весеннее возрождение Природы и жизни на нашей Планете.

*Бродит осень, бродит осень,
Разметая листву под ногами.
Бродит осень, бродит осень,
И глаза ее скрыты дождями.*

*И, привычно-уверенной поступью,
Облаками укутавши просины,
Бродит осень, бродит осень
Над войною, над миром, над пропастью.*

*В тротуарах и лужах растоптана —
По промозглым равнинам и весям
Бродит осень, бродит осень
Над мечтами, слезами и песнями.*

*Бродит осень, бродит осень,
Уходя предзакатной тропой.
Бродит осень, бродит осень,
А глаза ее пахнут весною.*

Из альбома «Пролетают снега»

Элементы природы, окружающие нас, кажется, можно разделить на неподвижные и переменчивые. Вечные – это наши Земля и Солнце, звездный небосклон, контуры снегов и вершин Актру... Переменчивые, как и человеческая жизнь, — это огонь костра или пожара, таяние снегов и течение воды...

Мы рождаемся на одной Планете... Некоторое время живем вместе с нею... Изменяемся мы — изменяется и Планета: ее климат, цвет речных вод, ... с течением времени все меньше знакомых лиц остается вокруг... изменяются и люди, окружающие нас ... Мы умираем уже на иной, изменившейся, Планете, в приметах которой трудно, может быть, невозможно, узнать Планету, радостно встречавшую тебя при рождении... вопль новорожденного и стон умирающего — это реалии человеческой жизни, которые мы видим воочию.

В один из зимних дней 2015 года, кажется, мы с Любой оказались внутри необычного полого снежного кристалла, внутри которого, переплетаясь в самых различных направлениях, расположились тонкие снежные черточки, линии, плоскости, закрывающие весь окружающий мир, Куда не кинь взгляд — всюду он натыкался на снежные рисунки. Внутри ближайших из них можно было просунуть свое лицо и восхититься новыми рисунками снежных линий, встающих на линии взгляда.

К весне количество снегов, выпавших в предгорьях Алтая, кажется, превысило все мыслимые величины и перешло в нечто подобное большим числам. Не исключено, что эти два аномальных явления разбудили во мне слова: «Пролетают снега, заполняя собою пространство...» — чуть позже превратившиеся в размышления о прожитом и будущем. «Пролетают снега» — это и название песни.

*За окошком снега хороводом кружат неустанно.
За окошком опять бесконечные выжат снега.
Пролетают снега, заполняя собою пространство.
Пролетают года, унося нас с тобой навсегда.*

*Синевою небес расцвело за окошками лето.
Яркой россыпью звезд освещен небосвод над Землей.
Пролетают года над моею родною планетой.
Пролетают года, унося навсегда нас с тобой.*

*Разноцветье листвы окружило озера и реки —
Это осень пришла и напомнила нам о былом.
И, пока мы живем на огромной и доброй Планете,
Согреваем ее человеческим вечным теплом.*

2

В школе (советский вариант обучения) нам рассказывали, что периодическая система элементов приснилась некоему химику Менделееву во сне еще в 19-ом веке. Проснувшись, Дмитрий Менделеев записал на бумаге приснившуюся ему периодическую систему элементов... Каким образом он выполнил это действо практически — о том учитель химии не рассказал. С некоторым скептицизмом слушал я повествование учителя химии о столь славном событии. Мне неизвестно — преподают ли ныне в школах факт открытия периодической системы элементов, выполненного Менделеевым во сне, или же ограничиваются простым указанием на «периодичность» в поведении химических элементов в природе.

Прошли годы после окончания мною школы. Наверное, поболее 30-и лет. Жарким летним днем 2015 года меня сморил

послеобеденный сон. Сон — двойственное или двусмысленное явление, находясь «во сне» (в состоянии сна), ты можешь видеть или же не видеть собственно сны (или сновидения). В тот день я проснулся от зазвучавшей во сне мелодии, сопровождаемой словами: «Я ловлю взглядом в поле фигурочку тонкую, что идет среди трав в придорожной пыли. Оглянись на мгновенье, еще незнакомая. Задержись на мгновенье, а, может, на жизнь». Слова эти произвели на меня некое волшебное действие... хотелось найти отправную точку и продолжение слов... увы — феи снов умолкли, не подсказав ни продолжения мелодии, ни продолжения слов...

С давних пор мне кажется важным относиться серьезно к источникам, прерывающим сон или сновидение. Возможно, они — источники — связывают отдельные этапы нашей жизни в единое целое или подсказывают направление твоей дальнейшей жизни. Я включил на мобильном телефоне видеозапись (видеокамеру), взял гитару и напел приснившуюся мелодию: вначале — без слов, чуть позже на рядах мелодии удачно расположились и слова. Мне показалось, что приснившиеся мне мелодия и слова, прекрасно составят припев будущей песни.

Какими же должны были быть слова куплетов (как минимум трех) новой песни? Наверное, они могут отражать историю жизни, историю взаимной любви парня и девушки. Может быть, подобную истории моей любви = моей жизни. История эта должна, как мне кажется, начаться с некоего события (в данном случае — восхищенного взгляда юноши), которое — и только оно одно — может дать импульс дальнейшему развитию взаимной любви. Завершением песни, наверное, может быть сожаление о невозможности возвращения назад в пору юности и любви — а так хочется иной раз вдруг очутиться в прошлом хоть на мгновенье прикоснуться к истокам своей жизни. Не исправляя в своем прошлом ничего..., лишь прикоснуться к ощущениям той прелестной поры — из зрелой современности... Так появились слова песни «В той ночи».

В той ночи....

В той ночи расцвела под окошком черемуха,
Серебром осветив синий бархат листвы.
В той ночи пряным запахом вереска жженого
Занесло в мое сердце частицу любви.

Я ловлю взглядом в поле фигурочку тонкую,
Что идет среди трав в придорожной пыли- а-а-а.
Оглянись на мгновенье, еще незнакомая.
Задержись на мгновенье, а, может, на жизнь.

Рассвело...

Рассвело. По траве привела к ней дороженька.
Заглянул в бездну глаз, опаленных огнем.
Здравствуй, милая, нежная. Здравствуй, хорошая.
Может быть, мы пойдем по тропинке вдвоем.

Пронеслись....

Пронеслись-пролетели года быстрокрылые.
Утекло много вод по долине реки.
Повстречал на дороге девчонку любимую.
На тропе отыскал половинку любви.

Ах, верну....

Ах, вернуться б назад на закаты остылые,
Где живут ароматы уснувших цветов.
Закружить на руках эту девушку милую,
Надышаться полынною свежестью снов...

Я ловлю взглядом в поле фигурочку тонкую,
Что идет среди трав в придорожной пыли- а-а-а.
Оглянись на мгновенье, еще незнакомая.
Задержись на мгновенье, а, может, на жизнь.

Любовь к противоположному полу – и только это чувство я осмелюсь именовать любовью – возникает у индивидов в различное время его присутствия на Планете: в 12-15 лет, в 20-30 лет, в 45-80 лет; может быть, существуют и любовные долгожители... В свое время я имел смелость определить эти временные периоды влюбленности в ранге трех кругов любви.

В 12-15 лет для парня существует лишь одна девчонка: никакие там «мисс чего-то» не могут с ней конкурировать. Все прекрасно в твоей избраннице: голос, взгляд, стать. Вероятно также, что одна-единственная, скорее всего, из круга твоих ближайших знакомых, в том числе, школьных. Я полагаю этот возраст в ранге первого круга любви. Увы, лишь немногие знакомые мне семейные пары считают время своего счастья со школьной скамьи.

В более зрелом (?) – 20-30 лет возрасте на Олимпе любви появляются претендентки: их звенящими голосами заполнено все пространство вокруг. Блондинки, брюнетки, рыжие, высокие и маленькие, полные и тростиночно-тоненькие – какая из них остановит свой благосклонный взор на тебе, подойдет и коснется рукой? На какой из них остановится в счастливом удивлении твой взгляд? Я полагаю этот возраст в ранге второго круга любви. Вероятно также, что именно в это время заключается большинство счастливых браков. Во всяком случае, большинство моих друзей продолжили историю своей любви в семейной ипостаси именно в этом возрасте. Я – тоже.

После 45-и лет на Олимпе любви не протолкнуться от обилия красивейших женщин. Можно раствориться в бесконечной синеве их глаз, утонуть в омуты темных глаз любой из них. Мне знакомы герои, прошедшие третий круг любви!

С каждым прожитым днем все далее мы уходим от времени нашей с тобою встречи, милая моя. Все чаще – поэтому (ли?) – в памяти возникают прекрасные моменты счастья, пережитого в различные периоды жизни. Вероятно, что неосознанная память прекрасного постоянно живет вместе

с нами, питая удивительное состояние, именуемое любовью. Почему же иногда хочется просто постоять рядом с тобою? Молча. Что: нет слов и все уже сказано между нами в этой жизни? Чёрта с два! Бесконечно много хочется сказать тебе – боюсь, времени маловато, не успею... «Подойди ко мне ближе, хорошая» — эти слова и станут названием очередной песни о красоте жизни.

*Подойди ко мне ближе, хорошая.
Постоим, помолчим у окна.
Видишь: в поле, укрытом порошею
Появилась проталина.*

*Подойди ко мне ближе, хорошая.
У подножия вечных снегов.
Помнишь, там начиналась дороженькой
Наша новая жизнь и любовь.*

*Подойди ко мне ближе, хорошая.
На ветру среди хангайских пустынь
Пахло чистой водою колодезной
Твое тело в объятьях моих.*

*Подойди ко мне ближе, хорошая,
И у низкой кровати склонись.
Здесь росли наши дети пригожие,
Голосами ушедшие в жизнь.*

*Ах, девчоночка, тонкая, гордая,
Утону в омутax твоих глаз.
Вновь полынною прелестью горькою
Напою свои губы сейчас.*

*Видишь, в поле, укрытом порошею,
Наша жизнь пролетает – пора.
Подойди ко мне ближе, хорошая.
Постоим, помолчим у окна.*

Стихи разного времени

Глаза мои любимые

С утра – холодной синью
Глядят, покрыты инеем.
Иль в сторону – не на меня
Бесцелен взор стремят.
И – мимо ждущих глаз моих –
Глядят на лица лиц иных.
Иль вдруг насквозь меня пронзит
Их безразличья серый вид.

С утра – лучами синими
Глядят они – счастливые!
Не в сторону, а на меня,
Своей любовью даря.

Их ласковость и синий свет –
Всё растворяется во мне.
И приглашающе манит
Смешинки маленькой магнит.

Такие разные глаза –
Судьбы моей два образа.
В веселье или в инее
Глаза мои любимые.

Рубай № 1

Десятки тысяч звезд в ночной степи
Дороги путнику не смогут осветить...
Овал лица и вздернутые губы.
В глазах – десятки тысяч лет моей любви.

САМАЯ КРАСИВАЯ, ИЛИ БОЧКА ЛЮ

Прошелестели шаги, почти неслышные в аккордах дневной суеты. Затихли. Я открыл глаза. На небольшом стульчике сидела Самая Красивая, сложив ладони рук на коленях.

— Привет, — сказала она.

— Как быстро. Ты прилетела?

— Прилетела.

Она перевела дыхание.

— Как там погода?

— Тепло и скользко.

Я осторожно протянул руку. Ладони ее рук были горячи.

— Выпей глоток газировки. Бутылка стоит за тумбочкой.

Самая Красивая снова уселась на стул, стоящий около больничной кровати. Уютненько так устроилась – не на минутку-другую. Внутренне я в миллионный, наверное, раз восхитился ее умением занимать минимум места в пространстве, образуя восхитительные формы симметрии: прямая спина, сомкнутые колени с уложенными на них руками – обведенные изящным, до сих пор девичьим, контуром бедер. Уютненько так устроилась, уютненько. Как уютно устраивается спать на небольшом клочке материи укладистый рыжий кот британского роду-племени. Я закрыл глаза, пытаюсь сохранить в памяти классический контур ее тела.

— Тебе плохо?

— С тобою – уже нет.

Я вновь открыл глаза....

— Ты была занята?

— У меня были гости...пришел новый каталог садово-огородных культур... Ника принесла вкуснейший торт....

С каждым произнесенным ею словом окружающее меня пространство все более и более приобретало черты надежности. Куда-то в бездну проваливались все мои страхи, исчезали

боли. Стены больничной палаты — и те, казалось, превратились в трех китов или котов, держащих на себе Землю. Вселенная, возможно, насытилась любовью лучиков ее глаз и на какое-то время сказала квазарам и черным дырам: «Перестаньте!».

2

Привычным движением Самая Красивая положила ногу на ногу, перепутав в моем восприятии правое с левым. Впрочем (почему – впрочем?) я не стал вдаваться в размышления о причинах правого и левого (наверное, правостороннего и левостороннего) спина элементарных частиц в квантовой физике, а вновь устроил свою ладонь на ее коленке. Сверху улеглись две еще горячих ладони. Самая Красивая повела – справа налево или слева направо? – довольными лучиками своих глаз и снова слегка дернула головой, приведя в движение восхищающий меня хвостик волос.

— Помнишь четыре березы на краю леса?

— Еще бы! Ведь только они одни и остались от некогда большой березовой рощи.

— Сегодня на каждой из их вершин сидело по одной сороке... Деловые и смотрят в одну сторону – на юг.

— Что же – хвостами все на север?

Я засмеялся, представив себе всех четырех чернофранных «дирижеров», отбивающих такт своими хвостами.

Появились двое в белых халатах.... Деловито осмотрели шкалу автоматического тонометра... проверили скорость падения капель раствора в капельнице.

— Как Ваше самочувствие?

— Спасибо. Уже хорошо после Ваших стараний.

Мои слова, видимо, не произвели на них успокоительно-го эффекта, поэтому они привели в действие портативный кардиограф.... Наготове были и шприцы с некоей жидкой субстанцией. Самая Красивая несколько напряженным взглядом наблюдала за их манипуляциями. Завершив исследование моего организма, медики вышли из палаты.

— Я пойду, пожалуй.

— Иди, Бочка Лю. А я постараюсь увеличить энтропию нашей Вселенной бессмысленным дрыганьем рук и ног.

Резко наклонившись, Самая Красивая прижалась ко мне своими губами... долго-долго не хотела оторваться. Потом распрямилась и ушла – без меня – в мир жизни, мир людей. Без меня. Я прислушался. Ее шаги прошелестели по кафельным плиткам коридора, прозвучали гулким эхом по переплетениям лестничных маршей и площадок, затихли где-то внизу.

Без меня! Сердце заколотилось от бессилия. Как же хотелось мне столь же легко спускаться по ступенькам, видя перед собой победоносно развевающийся туда-сюда невесомый хвостик ее темно-русых волос.

Иди-иди, Самая Красивая... Надеюсь, что – как и тысячелетием раньше – я скоро смогу пойти рядом с тобой среди человеческих забот привычного уже мира.

Раннее солнечное утро жаркого лета...-ого года. Тишина. В которой слышно отраженное от стен многоэтажек негромкое постукивание каблучков моих туфель об асфальт тротуара. Фигуры ночных проституток уже покинули белый свет улиц, а автомашины еще не заполнили своим ревом окружающее пространство. Нечасто встречаются подобные минуточки в переплетении домов и асфальта улиц...

Я неторопливо шел наслаждаясь окружившей меня тишиной....

Неожиданно до моего слуха донесся стук некоего предмета об асфальт тротуара... несомненным было одно – это был стук женских каблучков.... Жаль, производители обуви не умудрились снабдить женские туфли и сапоги встроенными колокольчиками... сколь заманчив был бы сейчас мелодичный – в такт шагам – звон колокольчиков...

Я прислушался: это был не частый перестук спешащей молодой девушки или девчонки... нет-нет. Стук каблуков был итогом передвижения уверенной в себе женщины, идущей к определенной цели Постой-ка – я остановился от удивления... только одна женщина в мире могла создать победно-маршевый ритм каблуков Самая Красивая...

Она вынырнула из-за строений домов..... плывя над асфальтовым тротуаром... летящая тоненькая фигурка с небольшим хвостиком волос, слегка раскачивающимся в так ее шагов, ...нечто похожее исполнила моя любимая киноактриса Евгения Симонова, спешащая на свидание с киногероем Афоней...

Идти под руку с ней было приятно и немного тревожно. Пространство, между тем, наполнилось людьми и ревом множества легковых машин – до начала рабочего дня оставалось полчаса. Центральная площадь была похожа на муравейник из-за множества людей, идущих в различных направлениях. В этом множестве молодые женщины составляли несомненное большинство. Удивительным было то, что обувь этих женщин не издавала никаких звуков; лишь иногда слышалось пошаркивание их подошв по «кирпичикам», из которых было сложено покрытие, да робкое постукивание массивных каблуков. В мире, полном проходящих мимо нас женщин, я слышал только стук каблуков Самой Красивой...

Воздух центральной площади был наполнен смрадом... я огляделся, пытаюсь отыскать источник зловония... около банкомата стояла бронированная инкассаторская машина... пополняют банкоматы наличностью... а еще говорят, что деньги не пахнут... Может быть, и не пахнут, но воня-а-ют ужасно.

— Привет -

Неуверенный голос Самой Красивой чуть слышно донесся до меня из темноты.

Сердце бешено заколотилось от ужаса непоправимого.

— Где ты?

Еще не услышав ответа, я уже стремительно передвигался в пространстве-времени. Дымящиеся развалины каких-то городов... уродливые или мертвые безлиственные леса... скопища полуобезьян у костров... порталы времени, открывающиеся передо мною с металлическим скрежетом – все это проносилось в моем сознании с ужасающей быстротой.

Не было лишь знакомого лица Самой Красивой. Не было слышно и ее привычно-насмешливого голоса. Ужас все более охватывал меня, сковывал мозг и обездвиживал тело. Ни огонька вокруг...

— Где ты?

Звуки моего голоса, казалось, увязли в окружающем пространстве. Тишина – ни эха, ни ответа.

Я проснулся, мокрый от пота. Сердце – в такт каждому своему биению – пронзало мое тело ножевыми ударами боли. Мир вокруг меня начал обретать привычные земные черты. Пятиэтажное здание санатория. Кровать, на которой я лежу. Ночная темнота небольшой комнатки...

— Уф-ф-ф...

Ужас непоправимого исчезновения Самой Красивой сменился реалиями жизни, и лишь где-то в самом дальнем уголке сознания еще таилась тревога.

Истошно завопил мобильник

— Привет -

Звонкий голос Самой Красивой заполнил все пространство вокруг. Широкая улыбка уютно разместилась на моем лице – мир вновь прочно обосновался на трех китах...

4

Ясным и теплым зимним днем я неторопливо шел по тропинке....

Вскоре среди черных стволов берез замелькала знакомая

фигурка. Через пару минут мы остановились друг против друга посреди прямого отрезка лесной тропинки. Легко пробежав несколько шагов, Самая Красивая весело сверкнула лучиками своих глаз и, радостно выдохнув: «Наконец-то дождалась», — обхватила мою шею столь желанным объятием.

Из книги «Полиморфизм»

Рыночное счастье

Современная идеология и технология рыночного счастья

(Варианты общечеловеческого счастья, предложенные «липучками» от сладкого, развешенными-развешанными-развешонными на стенках холодильника)

Большинству персоналий рыночного «пиара» неведомо понятие «счастье». Они оперируют терминами «состоявшиеся», «успешные»...

Съемная квартира, в которой проживают молодые (по 20-25 лет) люди. Мое внимание привлекает стенка холодильника, на которой наклеены «липучки»-квадратики размерами 5 x 5 см с цветными картинками: на них изображены беззаботно-улыбающиеся лица юноши и девушки, рядом с которыми помещены надписи, отвечающие на вопрос: «Что такое счастье?»

Я списал с «липучек-квадратиков» тринадцать определений двадцатипятикватрнатсантиметрового «рыночного счастья» – вот они:

- это аромат летнего утра,
- это слушать море и никуда не спешить,
- это неожиданно попасть под теплый летний дождь,
- это мчаться навстречу приключениям на полной скорости,
- это шалить, играть и веселиться, как дети,
- это музыка дождя за окном,

- это путешествовать вместе,
- это смотреть на небо и придумывать, на что похожи облака,
- это первый снег на ладошке,
- это сбегать из города,
- это смотреть на небо, усеянное миллиардами звезд,
- это не отказывать себе в маленьких удовольствиях,
- это радоваться каждой встрече.

Перед Вами все 13 определений счастья. А счастья ли? Как мне кажется, в 13-и фразах отражена идеология и технология, посредством которой политические идеологи и политические технологи «рыночной экономики» («рынка») пытаются внедрить в сознание людей слоган «рыночного счастья», как идеал общества потребления.

2

Можно составить «суточный ритм (рацион) рекламного счастья», начинающегося с «аромата раннего утра», продолжающегося «теплым летним дождем» и «мчанием на полной скорости навстречу приключениям» со «сбеганием за город», где можно «шалить и веселиться, как дети», а ночами «смотреть на небо, усеянное миллиардами звезд».

В этом предлагаемом для молодежи рекламном суточном ритме «счастья» или суточном рационе «счастья» лично я не вижу счастья труда, счастья забот о любимой девчонке, маленьких детях и престарелых родителях.

Мне представляется, что все 13 определений счастья – это 13 пунктов личного удовольствия, которые хотят навязать потребителям (не людям) рекламодатели (властьпредержащие через рекламодателей) в ранге счастья. Им, властьпредержащим и их хозяевам-миллиардерам, не нужны думающие люди, человеки. Потребители – вот идеал властьпредержащих, как итог навязываемого ими общества потребления. 13 пунктов рекламного «счастья» – это идеалы общества потребления, не общества людей.

Человечество – в моем понимании – это общество созидания, не потребления. Только идеалы созидания могут быть счастьем.

Лирическое отступление о звездах и миллиардах – на звездном небе.

Реклама призывает нас любоваться не звездным небом, а МИЛЛИАРДАМИ (не мириадами) звезд. Слово «миллиарды» при этом аппроксимируется в мозгу (?) в ранге приоритета, а слово «звезды» — ненужным прилагательным. Звезды на небе – силами ТВ-шников – заменены «звездами» всяческих «фабрик», «голосов», кино и прочего «арта». Вполне вероятно, что именно так слово звезды воспринимаются молодежью, которая стремится стать «звездой спорта» и «звездой мерчайдаизинга»... СМИТчиками уже объявлены «звездами» и «гениями» индивиды, сумевшие нажить миллиарды на людском горе...

После миллиардной рекламы счастья в голове индивида (не человека, но потребителя) складывается равенство между миллиардером и счастьем (миллиард = миллиардер = счастье). В итоге добыча миллиарда становится целью жизни потребителя. Неважны пути этой добычи: убийства, грабеж, насилие. Главное — это миллиард, как эквивалент «простого рыночного общечеловеческого счастья», в твоём кармане.

Да и само слово – счастье – исчезает из СМИ-обихода, заменяясь слоганами «успешный», «преуспевающий», «состоявшийся», применяемыми для характеристики рыночно-потребительских индивидов (так и хочется назвать их идиомами).

Очень похоже на подмену понятий, когда властьпредержащие объявляют «счастьем» исключительно бездельный или бездеятельно-потребительский образ жизни. Они насаждают образ этакого прожигателя «жизни», у которого нет проблем с зарабатыванием денег для трат на все «удоволь-

ствия» или на всё «счастье», которое предлагается властьпредержащими для всемирного потребителя. Во: удовольствие теперь именуется «счастьем». Личное удовольствие. Частное. Приватное.

Рекламное «счастье» (Felicita), оказывается, доступно всем: в том числе убийцам, проституткам, бандитам – все они ни за что не откажутся «счастливо сбежать из города» и там, за городом, «не отказывать себе в маленьких удовольствиях» (типа выпить пару коньяка за 12 000 баксов или 0,7 литровый пузырь французского коньяка же за 1,5 миллиона баксов). Вот оно – «общечеловеческое счастье» — для убийц, насильников, грабителей и прочего криминала, включая и «арт». Все эти удовольствия или рыночное счастье потребители будут получать за мой счет, естественно, потому что «своих» денег у них никогда не было, нет и не будет. Будет только награбленное – у меня же.

3

Индивиды общества потребления, начитавшиеся подобных определений счастья, способны – столкнувшись с реалиями жизни – лишь убивать, грабить и насиловать физически более слабых людей на улицах и в школах (где их сейчас учат вышеназванному «общечеловеческому счастью»).

Поэтому и к преподавателям школ и ВУЗов – носителям грабительской морали – у меня нет никакого уважения. В реальности – это не учителя, по преподаватели (что хорошо видно из анекдотов и бытовой речи, в которых фигурируют исключительно «преподы»). Их так и именуют ныне: преподаватель русского языка и литературы (ныне модно баить: «преподаватель русской словесности»), преподаватель химии и дыр. Они не учат – чему учить-то? Грабежу и насилию? – они преподают... Песенную путану тоже «как воблу к пиву на блюде пре-подают»...и эти...подают... Они преподают детям криминальную мораль властьпредержащих, криминальную мораль грабителей-миллиардеров – истин-

ных властителей рыночного общества потребления – не властителей Земли.

Во времена моих школьных лет «преподов» не было... в худшем случае была «училка»... они учили нас жизни, а учить и преподавать – это совсем не одно и то же, как мне кажется... Мы наслаждались палитрой окружающего мира, а не количеством выпитых поллитровок... восхищались красотой наших девчонок – не обилием долларов в своем кармане.... Может, кто и задумается...

Надежда Кетрарь

Родилась 24.01.87 г. в с. Кызыл-Озёк. Окончила среднюю школу в 2005 г. С 2005 по 2010 гг. училась в ГАГУ на биолого-химическом факультете. Мама четырёх детей. Писать стихи и рассказы начала сравнительно недавно, в 2015 г.

Камлал шаман

*Камлал шаман под светом звезд беспечных,
Посеребрённых отблеском снегов.
Под звуки бубна космос бесконечный
Внимал мольбе ему понятных слов.*

*Плясал шаман по колдовскому кругу.
Взметнулся ярким пламенем костер,
Волшебным светом озарив округу,
Под воющих волков нескладный хор.*

*Кричал шаман, взывая к древним духам.
Казалось, что в него вселился бес.
И пепел от костра ложился пухом
На замерший в молчании зимний лес.*

*Стонал шаман, прося у духов мира,
Заканчивая тайный ритуал.
Природа с ним об этом же молила.
С рассветом он без чувств на снег упал.*

Прощенью жизнь меня учила

*Прощенью жизнь меня учила:
«Хоть тяжело, а ты сумей»,
Но гордость громко волком выла,
Кричала, корчилась: «Не смей!».*

*Обида крепко обнимала.
Сжимала с силой больно грудь.
С ней воздуха казалось мало -
Не выдохнуть и не вдохнуть.*

*Вулканом злость во мне кипела.
Любовь шептала: «Всё забудь!».
Её послушала. Сумела:
«И ты прости. Не обессудь».*

*Прощенью жизнь меня учила
И в этот не последний раз...*

Степные камни Хан-Алтая

*В степи спят воины в курганах,
укрытые землей.
И коршун криком не нарушит
извечный их покой.
Где были битвы, только камни
безмолвные стоят
В степи глухой. И в даль седую
задумчиво глядят.
Все помнят эти старожилы,
и на крутых боках
Запечатлело время войны,
прошедшие в веках.
И кровью эти истуканы
не раз обагрены-
Свидетели боев неравных
и не одной войны.
Вглядишься и ты, усталый странник,
услышишь стук копыт.
Очам твоим герой предстанет,
что был людьми забыт.
Услышишь ты звук сабель звонких
и тихий свист стрелы.
Отряды воинов бесшумно
встают из вечной мглы.
В боях лихих немало жизней
оборвалось, как жаут.
Степные камни Хан-Алтая
покой их стерегут.*

Мама, знаешь...

*Мама, знаешь, ты мне часто снишься.
Не хватает теплых твоих слов.
Будто в дверь усталая стучишься
В праздник светлый — на святой Покров.*

*В дом проходишь, обнимаешь нежно,
Словно в детстве — крепко и любя.
Тихо спросишь: «Как дела, Надежда?»
Лишь скажу: «Я так ждала тебя!».*

*На лице твоём блестят слезинки:
«Я замерзла. Ставь-ка самовар».
Кружат в танце первые снежинки,
И клубится в чайных кружках пар.*

*Похохочем. Выпьем снова чаю.
Включим дома музыку зазря...
Мама, знаешь, очень я скучаю.
Жаль, что нам увидеться нельзя.*

Украденное детство

Этот День защиты детей выдался на радость солнечным. За всю затянувшуюся холодную весну, сегодня солнышко наконец-то пробилось сквозь так надоевшую хмурую пелену туч. Оно светило совсем уже по-летнему: так же ярко, несмотря на стайки небольших кучевых облачков, игриво проплывающих по небесной сини. Настроение нисколько не портил прохладный ветерок.

Я и мальчишки, празднично разодевшись, отправились на долгожданный детский праздник. В этом году сменившееся руководство нашего небольшого населенного пункта впервые за долгое время решило провести праздник для детей на площади, возле местной библиотеки. Организовали батут, сладкую вату, воздушные шары: одно из составляющих простого детского счастья; наняли художника, рисующего на радостных детских личиках веселые звериные мордашки; провели несколько конкурсов для ребятни со скромными, но не менее желанными призами — детской радости не было предела; договорились с аниматорами, демонстрирующими детворе шоу мыльных пузырей.

Мои мальчишки дружно влились в общую веселящуюся детскую массу. Пузырики громко лопались в воздухе, разлетаясь многочисленными радужными капельками на визжащую радостную толпу. Взрослые тоже зачарованно смотрели на пузырьковую феерию, и, вместе с взлетающими ввысь мыльными пузырями, мысленно переносились в свое беззаботное и такое далекое детство...

В стороне, недалеко от машины, стоял крупный мужчина. Он, улыбаясь, держал на руках худенького бледного мальчика. Мальцу с виду было лет семь-восемь. Его руки, согнутые в суставах тяжелой болезнью, неподвижно лежали на груди, а тощие ноги бессильно свисали плетью. Каштановые волосы ребенка ерошил озорной ветерок. Несмотря на небольшую,

приносимую ветром, прохладу, он был в одном подгузнике. Мальчик смотрел на веселящуюся юную толпу, и на его лице была светлая улыбка.

Мужчина с сыном на руках подошел ближе к летящим пузырькам. Большой мыльный пузырь, коснувшись щеки мальчика, громко лопнул. Парнишка задорно рассмеялся, засмеялись и окружающие его дети. Но это был совсем не злорадный смех, с тыканьем в не такого как все, а смех заразительный, дарящий и другим частичку своей радости. И глядя на этого мальчика, с украденным тяжелым недугом детством (да что там детством — всей жизнью), понимаешь, как же все-таки мало нужно маленькому человеку, лишенному простых детских радостей, для того, чтобы хоть ненадолго стать счастливым: всего лишь ясный денек и большой радужный мыльный пузырь.

Максимкина обида

Небольшой ветерок, потревожив покой задремавших пичужек, пронесся по вершинам таежных деревьев. Над горами, возвышающимися за тайгой, быстро заходило солнце, оставляя за собой широкую красную полосу заката с большой стаей облаков над ней, словно припудренных свинцовой пылью. «Может, завтра ведра будут», — подумал шестилетний Максимка, надевая прихваченную из дому куртейку. Опасался он больше не комариной братии, последнее время сильно поредевшей, а прохлады уже не теплых августовских ночей.

Прошло несколько часов с момента их ссоры с матерью, а обида, давящая грудь, все никак не проходила. Хотелось ему, юному совсем Максимке, сходить с ребятами на речку, а мать же просила его почистить в коровьем хлеву. Не осознавал он еще тогда, что кроме него, да старого отца матери — деда Пантелея, других помощников в их семье не было. Отца Максима этой зимой мать из дому выгнала за непрекращающуюся пьянку. Где он теперь — никто не знает, а дома кроме

него, Максимки, еще три сестры – мал, мала меньше: трех, двух лет и самая младшая Милка — девяти месяцев от роду. Однако желание окунуться в прохладную воду местной речушки в нестерпимую летнюю жару оказалось сильнее желания помочь матери. Вот и получил он от нее жгучей крапивой да по обнаженной пятой точке.

Прихватив из дому латаную перелатанную куртку с длинными рукавами, которые постоянно приходилось подворачивать, отцовский складишок и ломоть хлеба с куском отварной свинины (пока мать не видела) решил шестилетний Максимка остаться жить в лесу. «И пусть! Никто меня и не хватится, — рассуждал парнишка, — проживу как-нибудь. В тайге в этом году хороший урожай ягод и грибов. Скоро и шишка кедровая поспеет. А ручьев и ключей в лесу полно, так что от жажды точно не помру».

И думать не думал о том, что в тайге есть и хищные звери.

В лесу ему было нисколько не страшно. Хотя раньше здесь он бывал только со взрослыми. Уж слишком большая обида была у него на мать. Как его, почти взрослого парня (каковым он уже себя считал), крапивой по попе, да еще и при соседских девчонках. Мальчик уходил все глубже в лес. В таких местах стоит пройти немного вглубь от дороги, как окажешься в непролазной таежной чаще. Кричи, не кричи — никто не услышит! Сумерки быстро опускались на землю. Пора место для ночлега искать. Впереди за зарослями калины показалась неширокая, заросшая травой, дорога. Максимка направился по ней вперед. Пройдя несколько десятков метров, сквозь наступивший сумрак, он увидел справа от дороги небольшую поляну, с копной сена посередине. Сено сильно потемнело от старости. Видимо хозяева скосили, а убрать забыли, или, может, случилось чего, помешавшее забрать копну. Мальчик разгреб сено для лежанки. Оно сильно пахло мышами и прелостью. «Здесь меня никто беспокоить не будет», — забрался в вырытую им в сене нору и, дожидаясь в сухомятку оставшееся мясо с хлебом, быстро забылся глубоким сном, под негромкий писк потревоженных мышей.

На свежем воздухе спалось хорошо. Проснулся Максимка когда солнце уже поднялось высоко, а роса на траве почти вся высохла. Горло пересохло от жажды. Завязав на поясе куртку, он отправился на поиски родника или ручейка какого-нибудь. Мальчуган размышлял так: если здесь был покос, значит рядом должен быть обязательно источник с питьевой водой. Ведь брали же люди откуда-то воду для питья. И он пошел вперед по просеке. На кустах калины без умолку тенькали синицы. Беспокойные кузнечики под ногами разлетались в разные стороны. Голову кружило от разнотравных ароматов. Слева ярким всполохом возвышались на стеблях фиолетово-розовые цветы кипрея. Огромные лопухи прятали под своей прохладой различную мелкую живность.

Максимка срезал по дороге сочный стебель пучки (борщевика сибирского) — местный деликатес — и, очистив от кожуры, как заправский банан, отправил его сочную мякоть в рот. Вкусно! Да только долго ли будешь сыт травой? Тем временем подул небольшой ветерок, сгоняя в небе, невесть откуда взявшиеся облака в стада. Справа от просеки стеной стоял темный кедровый лес. Совсем рядом было слышно, как пересвистываются шустрые бурундуки. К ногам мальчика упала большая смолянистая шишка. Максимка поднял ее и, отщипывая липкие чешуйки, вспомнил, как в прошлом году с дедом Пантелеем и дядей Сережей ходил орешничать. Дядя Сережа сверху кедры сбивал крупные липкие шишки, а Максим, несмотря на свой совсем юный возраст, вместе с дедом собирал их в мешки. А что поделать? Какие-никакие, а деньги. Хватило им сданного ореха на мешок муки и сахара. Мама тогда очень рада была. Вот какой помощник у нее растет! К горлу подкатил неприятный комок. Слезы. Никаких слез, ведь он же мужик. Орех оказался еще молочный. Ну, ничего, для легкого перекуса сойдет.

Слева замаячили кусты резучей осоки. Как говорил дед: верный признак того, что там есть вода. Гонимый жаждой Максимка, опрометью кинулся в осоку, царапая руки об ее

острые листья. Из-под ног, недовольно шипя, выскользнула змея. Мальчик и не заметил ее, извивающееся черной лентой тело, только услышал грозное шипение.

В низине по камушкам тонкой полоской бежал ручеек. Вдоволь напившись, парнишка отправился на поиски чего-нибудь съестного. А облака становились все темнее. Вскоре под напором ветра они застили все небо. Несмотря на дующий ветер, стояла невыносимая духота.

В ближайших кустах тальника раздался треск. На просеку, прямо по направлению к Максиму, выскочил огромный кабан. Секач явно не собирался уходить с намеченного пути. Его копыта гулко стучали по земле. Тут Максимка, первый раз за все его приключение в таежной глуши, сильно испугался. Вспомнил, как зимой, во время бури, когда во всей деревне отключали свет, он с сестрами у жарко натопленной печи слушал рассказы деда Пантелея. Рассказывал он и о диких кабанах, которые вспарывали клыками брюхо волков. Могли и в землю незадачливого охотника втоптать. Мальчуган кинулся в ближайшие кусты черемухи, густо обвитые диким хмелем. Его плотные лианы неприятно цеплялись за голые руки. Сверху на мальчика сыпались ароматные шишки хмеля и его липучие листья. Максим присел на корточки и притаился. Кабан промчался дальше своей дорогой. В это время совсем низко пролетел вертолет. Мальчишке хотелось броситься на дорогу и замахать руками, чтобы его увидели, но он сильно боялся возвращения кабана. Из-за укрытия мальчик успел увидеть вздыбленную на кабаньем загривке шерсть, налитые кровью глаза и торчащие в разные стороны клыки-бивни.

За возвышающимися за тайгой горами засверкали изогнутые стрелы молний. Послышались отдаленные раскаты грома, предвещая в скором времени ливень. Конечно, место под сплетенными ветвями черемухи не самое надежное от дождя. Он стал искать другое укрытие. Пройдя вперед по дороге, сопротивляясь сильному ветру, увидел у отдельно стоящей березы шалаш, срубленный из веток и крытый

клеенкой и еловым лапником. Шалаш был ладно сделан, такой и в ураган не разметаёт ветром. Ветви ели ещё не совсем пожелтели. Скорее всего, шалаш остался от прошлогодних шишкарей, или от сборщиков колбы. Огромные, дождевые капли больно били мальчика по спине, голове. Он юркнул в шалаш, накрывшись курткой. Дождь становился все сильнее. Казалось, что вся тайга гудит от напора шквалистого ветра и непрекращающегося ливня. Капли воды долбили по Максимкиному укрытию, но клеенка, накинута́я сверху на шалаш, не давала им попасть во внутрь. Максимка сел на корточки и обхватил руками голову. Совсем рядом сверкали молнии, и гроыхал гром. Внутрь шалаша забежала струйка воды, становясь все больше и больше. Под монотонный стук дождя и гром мальчик вскоре задремал.

Максим проснулся, когда ураган закончился. Была ночь. За это время ветер разогнал на небе тучи. Выступили звезды. Ярко светила луна. Казалось, что после дождя и небо стало чище.

В животе мальчика урчало от голода. Он вышел из укрытия — справить нужду. Вдруг в сумраке парнишка увидел пару огоньков. Из-за куста тальника сверкая в темноте парой глаз, вышла большая собака. Да нет же, не собака, а волк. Волк! Малец опрометью бросился к рядом стоящей березе. Что было сил, стал карабкаться вверх. Сел на толстый сук, обхватил дерево и, отдышавшись, посмотрел вниз. Волк подошел к березе. Несмотря на обилие живности в тайге, видимо ему не хотелось отпускать легкую добычу, и он начал громко выть. Вскоре со стороны кедрового леса вышел ещё один волк, но поменьше ростом. Максимка слышал, как в темноте волки жадно щелкают челюстями. Наверное, надеялись, что силы покинут их добычу и мальчик свалится с дерева. И тут Максимка заплакал: «Мама, мама. Забери меня отсюда! Я больше никогда не буду вредничать. Мамочка, прости меня!». Волки продолжали ходить кругами около березы.

Сколько парнишка просидел здесь в страхе, продуваемый ветром — неизвестно, но вскоре у него совсем не оста-

лось сил держаться за дерево. И он, боясь упасть, сняв куртку, из последних сил привязал себя за рукава к стволу березы и потерял сознание...

Максимка очнулся. Яркое светило солнце. Птицы совсем рядом на ветках пели песни. Волков нигде не было видно. Затекшее тело не хотело его слушаться. Попытался развязать рукава куртки, но ему не хватило сил.

Над лесом эхом прокатился звук проезжающей невдалеке машины. Разобрать, откуда он идет, мешали верхушки деревьев. Неожиданно на просеку в его сторону выехала знакомая «нива» с синей надписью на боку «Полиция». Мальчик стал махать руками, кричать, но в густой листве его не было видно. Тогда он отцовским складным ножом отрезал рукав спасшей его куртки и, несмотря на затекшие руки и ноги, быстро спустился с дерева, прямо перед «носом» машины. Дверь «нивы» открылась, и из нее вышел местный участковый — Михаил Сергеевич, для Максимки просто дядя Миша.

«Дядя Миша, ты за мной?» — перед участковым стоял чумазый, исхудавший и потрепанный Максимка.

«За тобой. Поехали, Маугли».

И машина с довольным Максимкой покатила обратно. В сторону желанного, горячо любимого дома и, проплакавшей все эти дни матери.

Владимир Уделяев

Владимир Александрович Уделяев родился 14.08.1946 г. в посёлке Троицк, Троицкого района, Алтайского края. В 1971 году окончил Бийский педагогический институт. 26 лет преподавал в школе русский язык и литературу. Стихами увлёкся со школьной скамьи. Пленённый волшебной поэзией А.С.Пушкина, стихи начал пробовать писать с 12 лет.

Печатался в газетах: «Голос хлебороба», «Алтайская правда», «Листок», «Правда Горного Алтая».

В 2011 г. опубликовал небольшую книжку «Колокола России». Живёт в с. Кызыл-Озёк. Давно уже на пенсии, но продолжает писать стихи, преимущественно на философские и жизненные темы. Но не забывает и о природе.

Весна

*Разбуженный игрой капели
Очнулся от дремоты лес,
Опять на крылышках апреля
Летит мелодия с небес.*

*Вновь, разорвав оковы плена,
Бунтуют реки, лёд круша...
И начинается постепенно
Волненьем полнится душа.*

*Ну, что в том, кажется, такого?
Ведь не в моё стучат окно!
Природа молодеет снова,
А мне, увы, не суждено!*

*Весна вожжами лихо правит...
Но не ко мне она спешит;
Мои морщинки не расправит
И юность вряд ли возвратит.*

*И разве стоит волноваться,
Когда полжизни – за спиной?
Нет, мне сегодня – снова двадцать!
И ты, весна, не спорь со мной.*

*С утра стою замороженный,
Апрельский воздух жадно пью
И, словно юноша влюблённый,
На мир восторженно смотрю.*

*И мускулы играют силой,
И закипает в венах кровь,
И я опять неторопливо
Стихи слагаю про ЛЮБОВЬ.*

1997 г.

Юбилейное

(посвящается ветеранам)

*Жизнь – ипподром. А мы, как рысаки,
Бежим по кругу в общей суматохе;
Нам – оглянуться, как-то не с руки:
Весь круг разбит на выдохи и вдохи.*

*С работы... На работу... Выдох – вдох.
А дома ждут внимание и ласки.
«Поспешность хороша при ловле блох» –
Нет, мудрость эта вовсе не из сказки.*

*Я эту мудрость испытал сполна
На собственной, как говорится, шкуре.
И снова сердце, словно от вина,
Заходится в стремительном аллюре.*

*Вдох – выдох. И опять за кругом – круг,
Покуда мускулы звенят упругой силой.
А если с круга сходит верный друг?
А если вдруг подругу время сбило?*

*Вдох — выдох – вдох. Бежать все тяжелей...
Срывается порою сердце с ритма.
И каждый наступивший ЮБИЛЕЙ
Есть отправная точка новой битвы.*

*И силу воли вновь собрав в кулак,
Нам снова, как героям Красной Пресни,
Придется отбиваться от атак
Все чаще атакующих болезней.*

*Но верю я, что за большим столом
Еще не раз мы вместе соберемся,
Нальем бокалы, выпьем – а потом
Поплачем – врозь, но вместе – посмеемся.*

2017 г.

Закон диалектики

*Нет-нет, приятель, что ни говори,
А жизнь ведь – штука непростая:
То ярким пламенем горит,
То теплится свечою, угасая.*

*Вчера катилась плавною волной –
Сегодня вздыбилась, как лошадь;
То радостью взыграет озорной –
То горем вдруг возьмёт и огорошит.*

*То, как ребёнка, обласкает нас,
То обнадежит добрыми вестями,
А то ударит прямо между глаз
Да так, что искры – в стороны горстями.*

*То вдруг любовью сердце обожжёт,
Взволнует кровь в разгорячённых венах –
А то холодной ненависти лёд
Воздвигнет меж людьми глухую стену.*

*Таков уж диалектики закон:
Вся жизнь – в сплошных противоречьях.
И с незапамятных времён
Он грузом лёг на плечи человечьи.*

*Он грузом лёг, а нам его нести
От самого рождения до гроба.
Легко споткнуться с ношею в пути –
А вот подняться с ношею – попробуй.*

Зима

*Вновь над Сибирью властвует зима.
Свирепствуют морозы и метели,
Укрылись под папахами дома,
Но стонут тополя – зачоченели.*

*Колючий ветер воеет над трубой,
Голодным волком стены злобно гложет,
И этот леденящий сердце вой
Кому-нибудь его изранить может.*

*В порывах ветра стонут провода,
Скулят собаки в снежной круговерти,
И кажется порой мне иногда,
Что на крыльце отплясывают черти.*

*А я сижу в уюте и тепле,
Прислушиваюсь к дикой свистопляске
И вижу, как на сдвоенном стекле
Ажурные мороз рисует сказки.*

*Я пробовал не раз нарисовать
В своих стихах оконные узоры.
Нет, невозможно чудо передать,
Как словом невозможно сдвинуть горы.*

1985 г.

Как хорошо!

*Как хорошо – щекой к траве прижаться,
Лежать и слушать ровный пульс Земли!
Мне блики солнца на лицо ложатся;
На колокольчиках качаются шмели.*

*Ромашки млеют от июньской ласки,
И медуницы дремлют в полусне;
Вот незабудок голубые глазки
Заглядывают прямо в душу мне.*

*А мне – не жаль. Пожалуйста, смотрите:
Мне нечего от вас, друзья, скрывать;
Душа светла, как солнышко в зените,
Да и тепла – не надо занимать.*

*Не научился сердцем я лукавить,
Хотя нередко был за это бит;
В нём не свила гнезда худая память,
И злая зависть душу не свербит.*

*Когда ж обида сердце обжигает,
Я эту боль к тебе, Земля, несу,
Пожусь в траву и, лёжа, наблюдаю,
Как из соцветий пьют шмели росу,*

*Как к танцу изготавились ромашки,
А колокольчик выбил ноту «соль».
И чувствую, как слева, под рубашкой,
Ослабевая, затухает боль.*

1987 г.

Майский рассвет

*Ночь притушила звёзды-светлячки.
Встаёт рассвет над спящею деревней;
Туман неслышно движется с реки,
Росою, оседая на деревьях,*

*На крышах, на заборах, на траве...
Земля же на день запасает влагу.
Устроившись удобно на бревне,
Цепочки слов ложу я на бумагу.*

*Встаёт рассвет молочно-голубой,
И, посылая свой привет рассвету,
Запели петухи наперебой,
Скворцам, передавая эстафету.*

*В соседском хлеве заскрипел засов –
Струя тугая дзинькнула в подойник;
Крадёт кот, с остатками усов –
Наверно, влез в любовный треугольник.*

*А на Востоке розовой тесьмой
Заря любовно окаймила горы
И, чуть помедлив, нитью золотой
Причудливые вышила узоры.*

*Под выстрелы пастушьего бича
На пастбище, мыча, прошли коровы...
Рассвет умылся в солнечных лучах -
И майский день мне улыбнулся снова.*

1999 г.

Пародии

Клен

Говорит моя жена:
«Самый первый клен желтеет!»
Открываю я глаза...
Клен действительно желтеет.
И теперь надутый клён
Освещает пруд веселый,
На меня кидает тень!

(Вячеслав Казакевич)

Недоверие

Отчего? Не знаю сам...
Толь заботами заверчен,
Толи тягою к стихам –
Стал я слишком недоверчив.

Мнится мне, что все вокруг
Люди тешатся обманом;
Даже самый лучший друг
Напустить готов тумана.

Что там друг! Когда жене,
Собственной жене не верю.
Скажет: «Муха – на окне»,
Обязательно проверю.

Скажет: «Скоро – листопад.
Вон и клен уже желтеет».
Сомневаясь, выйду в сад –
Да, действительно желтеет.

Проверяю ночь и день,
Нет покоя ни минуты:
На меня кидает тень
Клен надутый почему-то.

Как мне груз тяжелый снять?
Ржа сомнений душу съела.
Может, лучше не писать,
А другим заняться делом?

1981 г.

Я, безымянная, тихо творю
Мир неделимый, что в вечность прольется.
Не уходить бы – да, видно, придется,
Не говорить бы – но я говорю.
(Надежда Дербаносова)

Совет

Бедная, бедная... Как мне унять
Боль твоего неумного сердца?
Если поможет настойка из перца –
Можешь рюмашку, другую принять.

Кстати, ответь на нескромный вопрос:
Кто тот подлец, что отнял твое имя?
Так он, пожалуй, и голову снимет
Вместе с копной непокорных волос.

Мир неделимый девичьей души,
Вслушайся в голос, что правдой зовется,
И уходить — никуда не придется.
Просто не хнычь, а ровнее дыши.

Добрый совет как лекарство прими:
Тайну поэзии вновь постигая,
Ты не насилуй себя, дорогая;
Не говорится – не говори.

1983 г.

Попытка оправдания

*Каюсь, жаль мне людей,
что не ведают, как я хорош,
Что я стою не грош,
а серебряный рубль полновесный...
Ну а люди? Что люди?
Отменно они хороши,
Но на данном этапе
маленько они близоруки.*

(Александр Балин)

С молотка

*Право, жаль мне людей,
что не ведают, как я хорош,
и обидно до слез –
до чего же они близоруки.*

*А такого, как я,
никогда днем с огнем не найдешь,
Даже если привлечь
арсенал криминальной науки.*

*С сожаленьем смотрю я
на мимо бегущий народ:
Все куда-то спешат,
не желая ко мне присмотреться.*

*Я ж прекрасен, как БОГ,
и к тому же талантлив, как ЧЕРТ!
Близорукость людская
жестoko терзает мне сердце.*

*Я ведь тоже поэт!
У меня – нарастающую душу.
Так что всякий входи,
только, чур, не забудь постучаться.*

*Грабежа не боюсь:
все равно за душой – ни шиша,
Но скопить капитал
мне не поздно еще попытаться.*

*Ну а люди? Что люди?
На данном этапе пока*

Близоруки они,
и при том – близоруки отменно.

И приходится мне
свой талант продавать с молотка.
Но никто не дает
за него настоящую цену.

А я знаю, что стою –
И стою, конечно, не грош,
не презренный пятак,
а серебряный рубль полновесный!

Северная элегия

Таежный шум. Тревожная вода.
Облезлый бакен в серых клочьях пены.
Вечерний вечер бросил невода
За край небес, что меркнут постепенно.
Сборник «Журавлиная воля». (Игорь Калугин)

Заморочки

Вечерний вечер бросил невода
За край небес, что меркнут постепенно;
Запуталась в них звездная звезда
И захлебнулась в ужасе мгновенно.

Ночная ночь спустилась не спеша,
Но почему-то мне никак не спится;
Волнуется душевная душа,
Покинул сон ресничные ресницы.

Вот утреннее утро по росе
Идет навстречу солнечному солнцу,
Лучистый луч во всей своей красе,
Как блин прилип к оконному оконцу.

И с нетерпением ждем мы тот момент,
Когда ж нормальный день настанет –
Тогда, быть может, северный поэт
Нам головы морочить перестанет.

1983 г.

Утро в Орше

*Сосны гнутся у дороги старой...
Что отцу мне привезти в подарок?
Разучился танцы он играть.
Маршалов читает мемуары...
Постараюсь маршалов достать!
(Вячеслав Казакевич)*

На распутье

*Скоро день рожденья у папаши...
Знаю, он в последнюю войну
Не дрова колот у тети Даши,
А отважно защищал страну.*

*Подарить хочу на день рожденья
Что-нибудь такое, чтобы он
Вспомнил вновь друзей по ополчению
И трофейный свой аккордеон.*

*Вот бы привезти из медсанбата
Койку, на которой он лежал,
Или пушку: с ней он в 45-ом
Под Берлином жару поддавал.*

*Может, каску командира роты?
Может быть, погоны комполка?
Или Бранденбургские ворота
Взять у немцев как бы напрокат?*

*Вариантов – тьма, но нет ответа,
До сих пор с подарком не решил,
Ум уже мутится... Я совета
Придорожных сосен попросил.*

*Сосны гнутся у дороги старой,
Но не могут внятно подсказать.
Будь что будет – я отцу в подарок
Попытаюсь маршала достать.*

1983 года

История

*И шли минуты, как идет снежок,
И так же все идти им век от века...
История, ты как большой мешок,
В котором есть гигантская прореха.*
(Евгений Винокуров)

Пустые хлопоты

*Идут минуты. Сыплется снежок.
Пришла весна, и зазвенели росы.
А я, купив историю-мешок,
Решаю философские вопросы.*

*Скажу вам прямо, мне не повезло:
Хотел узнать, куда мой кум уехал;
Покупку развязал – а там, ну как назло,
Овета нет, зато видна прореха.*

*По благу приобрел историю- баул;
Ну, — думаю, — уж здесь-то правду пишут;
Застежку «молнию» тихонько расстегнул –
Не тут-то было: дно изъели мыши.*

*Все перебрал: портфели, рундуки,
И рюкзаки, и сумки саквояжи...
И, как у Винокурова, с тоски
Мне что-то сердце защемило даже.*

*Вот так и мучусь. Сон давно пропал,
И мне сегодня, братцы, не до смеха:
Что ни история – везде сплошной провал...
То дырка, то гигантская прореха!*

1981 года

Письмо к матери

Здравствуй, мама!
Здравствуй, дорогая!
Ты на сына, право, не серчай.
Нас с тобой судьба- индейка злая
Развела однажды невзначай.

Но такие случаи – нередки.
Мы – не птицы. Всё же иногда,
Вырастая, улетают детки
Из родного, тёплого гнезда.

Между нами – сотни километров.
Но тебе я повторяю вновь,
Что доносят до меня конверты
И твою тревогу, и любовь.

За меня не нужно волноваться:
Мне же не 15, мама, лет;
Я умею в людях разбираться...
Но спасибо всё же за совет.

В жизни нашей всё идёт нормально:
Тихо, дружно – без семейных смут,
Без других явлений аномальных,
Девочки — послушными растут.

На работе тоже всё в порядке.
И проблем, как говорится, нет.
Правда, нас замучили тетрадки,
Но зато – растёт авторитет.

О тебе я тоже, мам, скучаю,
Так и полетел бы, но – нельзя.
А вот летом, твёрдо обещаю,
Прикатить на новых «Жигулях».

Мам, не упрекай, что очень долго
Ждать тебе пришлось моих вестей:
Я же исправляюсь понемногу.
До свиданья, мама! Жди гостей...

Совість

*Мне нет от совести покоя,
Куда б ни шёл, она – со мной;
Как меч, висит над головою,
Упрямо дышит за спиной.*

*Она мою терзает душу –
Ни отогнать, ни превозмочь!
И снова заставляет слушать
Свои упрёки день и ночь.*

*А в чём я, собственно, виновен?
В каких мне каяться грехах?
На чувствах я не экономил
Ни в прозе жизни, ни в стихах.*

*Кипел в котле житейских буден,
В кострах любви сгорал дотла,
И как бы ни был путь мой труден –
Я душу уберёг от зла.*

*Камней за пазухой не прятал
И шкурной дрожью не дрожал,
Не подвизался в демократах
И ни кому не задолжал.*

*Не суетился, не скупился,
Обид на сердце — не копил,
Однажды чуть было не спился,
Но совесть всё же – не пропил.*

*Она всю жизнь идёт за мною –
Не отстаёт, хоть волком вой!
Сопит устало за спиною,
Висит, как меч, над головой.*

Сквозь тюль гардин глядит Луна,
Холодным светом стены лижет;
Висит упруго тишина;
Ночь наклоняется всё ниже.

А я гоню подальше сон,
Чтоб тишину в ночи послушать.
В стихи, как в омут, погружён -
До дна выплёскиваю душу.

— Тик-так, тик-так, — ведут часы
Мотив по-прежнему несложный...
Слова, как капельки росы,
Я собираю осторожно.

Боясь нарушить ритм стихов,
Случайной рифмы избегая,
Перебираю сотни слов,
Глубинный смысл их постигая.

Я пробую слова на вкус,
На вес, на слух, на цвет и запах...
Несу бессонниц тяжкий груз
По поэтическому трапу.

Но в пёстрой путанице троп
Свою тропу — найдёшь не сразу.
А ночь злорадно, как Циклоп,
В окошко смотрит жёлтым глазом.

Сложивши годы в сумму лет,
Остаток мысленно прикинув,
Вдруг узнаёшь, что жизни драндулет
Уже проехал через половину.

Перевалив незримую черту,
Отсёк полтину, как ножом отрезал.
И сердце провалилось в пустоту,
Как будто подстрелили из обреза.

А сколько лет осталось впереди?
С вопросом этим обращаюсь к богу.
Но он молчит – его ты не суди:
И без того проблем у бога много.

А значит надо раны залечить
И с новой силой на крыло подняться,
Чтоб снова ненавидеть и любить,
Взлетать и падать, плакать и смеяться!

1996 г.

Кто может дать ответ?

В чем — корень зла,
истоки бед?
Кто может дать
на то ответ?
Все мудрецы
в подлунном мире
Над этим бились
сотни лет.

Прошли года,
прошли века –
Ответа нет
и нет пока.
А зло и беды,
как и прежде,
На смертных смотрят
свысока.

Алиита Корчагина

Появилась я в э том мире недалеко от моря Азовского. Аромат степей, ветер вольный, соло чаек под шум прибоя, закаты, рассветы, туманы и дожди. А в августе ночью от каждого всплеска волны море сверкает. И океан солнечного света... Это было самое красивое место на свете.

Затем была учеба в институте инженеров транспорта в Харькове, работа инженер-экономистом. Тут родилась моя семья.

После окончания учебы мужа уехали на Алтай, жили в высокогорном поселке Акташ. Работала в оформительской мастерской при ДК, затем в школе искусств на художественном отделении.

Приехав на Алтай, я попала в сказочную страну. Можно было по крутой дороге пройдя пару километров попасть из лета в весну...А на высокогорных альпийских лугах — ка-

лейдоскоп цветов. Тут и флоксы, и пионы, водосбор и эдельвейсы, а выше — разноцветные и яркие камнеломки. А ещё выше — причудливые вершины, а ещё выше плывут облака. А в Курае, если уйти к Чуе, то появляется ощущение, что ты в центре Земли, а вокруг амфитеатром горы. А Курайская степь! Необъятная, с запахом полыни, с фантастическим снежным хребтом на горизонте. Горный Алтай — это драгоценное украшение нашей планеты, это самое красивое место на Земле.

Теперь живу в предгорье, недалеко от Горно-Алтайска. Это уникальное место с родниковой водой, со своим микроклиматом. С северной стороны — скалистая гора, а на ней луга с разнотравьем и цветами. А на юге метрах в трехстах — царица Катунь, а за ней горы, а за ними еще горы... и еще... и еще...

Если ходить с начала весны до осени к Катуни, то можно увидеть, как она меняет свой цвет от коричневого, жёлтого, зелёного и, наконец, осенью она становится бирюзовой и в этой бирюзе купается золотое отражение берёз. Одно из окон моего дома смотрит в сторону Катуни, а я смотрю в это окно, а там живет целый мир. Окон у меня много и в каждом свой мир и поэтому невозможно было не взяться за кисти и краски, и теперь моё увлечение — живопись. Вместе с сыном мы занимаемся изготовлением сувениров.

Работала на поле — выращивание и селекция плодовых деревьев и кустарников, летом работа на покосе — аромат покоса несравним ни с чем... Тут я услышала новые слова, которые раньше не знала — отава, одёнок, забока, старица...

У нас летом останавливаются Путешественники из России, Белоруссии, Грузии, Украины, Франции, Аргентины, Дании и Казахстана. Мы многому у них учимся и делимся с ними своими навыками в творчестве.

Я понимаю, что живу на самой красивой планете. А ещё тут очень близко звезды, и мне захотелось поближе с ними познакомиться, узнать их имена, созвездия, легенды о них. И получила я в подарок подзорную трубу, лазерную указку и

карты звездного неба. И когда в безлунную ночь смотришь на размытый диск Туманности Андромеды, на пушистый одуванчик сверхновой в созвездии Персея, на туманности Ориона, на мириады звезд созвездия Плеяд — захватывает дух ... и понимаешь, что самое красивое место увеличилось до размеров необъятной Вселенной.

Сказ. Почему падают звезды

Поведать сказ хочу сегодня вам. Однажды мне приснился сон.

О чем? Да... про давным-давно, гомеровские времена.

Как будто образы летают и просят все меня: "Возьми нас, заberi с собой и облеку в слова".

Я им хотела "нет" сказать, но не успела и проснулась... Что было делать мне? И я пошла...

Я так любила Море и долго шла по кружеву прибоя, но Морю не было конца. Оно все с Ветром танцевало. Любило Море Ветер.

А день кончался. К морскому горизонту Солнце поспешило и, Морю пригубив, ушло другие земли согреть. Оно любило всех.

Закат с вечерней Зорькой повстречался — Закат любил Зарю. А Ветер, соткав с последних облаков пушистый плед, укрыл их, а сам уснул на берегу в траве...

И Ночь пришла. Украсив Небо сокровищами Звезд, отправилась к Морфею сны смотреть...

А Морю не спалось. Оно забрало у Неба звезды и спрятало на дне морском, перемешав с песком, затем само уснуло тихим сном. Любило Море Звезды.

А Рассвет! Он был ревнив и, не увидев звезд, а звезды обнимая он гасил, сестру-Зарю с постели горизонта поднял и Ветер разбудил: "Где звезды?!" — он спросил. И Ветер, смяв траву-постель, помчался к Морю. Он тихо Море обнимал, шептал ему: "Проснись, проснись". Любила Ветер Море. И Море тихо просыпалось, но не хотело Небу звезды возвращать. Любило Море Звезды.

Тогда наш Ветер стал волны поднимать и крыльями своими стал волны разбивать на тысячи сверкающих жемчужин.

А белокрылые подруги Ветра Чайки весь этот жемчуг собирали и небу возвращали...

Рассвет, увидев звезды, увлек их в бездну небес... Затем помчался с Зорькой Солнышко встречать. Оно любило всех.

Теперь в Горах живу, и Горы я люблю. И часто ухожу к цветам и травам... и там вдвоем — тот Ветер, Солнышко и я об этом вспоминаем... А ночью вдруг бывает так, что падает Звезда — то Ночь из жемчуга морского созвездия слагает, а лишние роняет...

Как День ухитрился восхититься Звездами

Сегодня День мой за гору скатился, чтоб завтра поутру прийти и восхититься, как распустились ирисы в саду... Но это было так сегодня. А вчера мой День упал в седую Вечность, роса упала на траву, а тень Луны упала на Луну и плыл по небу Месяц... Что будет завтра я не знаю...

А вот осенний День не торопился уходить — скользил последними лучами по склонам гор, по их вершинам, затем по небу пробежался, за облако схватился, не удержался и за гору скатился...

Наступит вечер, апельсиновый закат, и небо не устанет ждать, когда наступит ночь, и станут звезды восхищать. А День — он не уйдет совсем, хоть будет он уже от нас не близко. И тоже звездами, желая восхититься, всю ночь светиться будет он на лунном диске...

Знакомой художнице, Татьяне Трифоновой посвящается

Ты нарисуешь тишину, когда пушистый белый снег все звуки растворяет...

Ты нарисуешь шепот звезд, когда во тьме ночной кружится хоровод небесный...

Ты нарисуешь гор мечты, когда их плечи укрыты пушистым пледом облаков...

Ты нарисуешь шум дождя, когда он листья умывает и те дрожат...

Ты нарисуешь ветер, когда проснувшись, смяв траву-постель, он птицу разбудил, и та вспорхнула...

Ты нарисуешь аромат, струящийся из сада глубины, где куст жасмина себя цветами украшает...

Ты нарисуешь, как мурлычет кот, ты нарисуешь, как смеются дети...

Ты нарисуешь радость, ты нарисуешь вечность...

Небылица

*Луна. Туман над лесом, над рекой, над лугом.
Отправляюсь в путешествие туда
За вдохновением, за чудом...
И вот пришла, стою в тумане там,
И вдруг, смотрю – вот это да! Метаморфоза!
Там вместо лошади стоит Гиппопотам!
Я ласково так трогаю его и говорю
Ему беззвучно: «Ты же Лошадь?!»
А он беззвучно отвечает: «Нет». Вот удивление!
А может нет совсем большого тут значения?
А может ёжик я в тумане,
Хотя и не иду я к медвежонку
Звёздочки считать?
И нету у меня с собою баночки с вареньем...
И вдруг Сова и Филин прилетели,
Со мною начали играть.
За Филином по лугу я гонялась,
За хвост его так – хватать!
Но он был сильный, вырвался и улетел,
За ним Сова умчалась, наверно, наизгралась.
А в кулаке моём перо от филина хвоста осталось...
И вот рассвет пришёл, всё упорядочил,
Расставил по местам, смотрю:
И лошадь на лугу пасётся, пропал гиппопотам.
Разжала я кулак, а пёрышка и нету там...*

Загадка

Проснулась в понедельник рано я,
Луна еще за горизонт не скрылась.
А разбудил меня пернатый друг мой — дятел.
Прислушалась — он в стенку морзе-азбуку стучал
И фразу «С днём рождения» повторял...
О, как забыла я! «Спасибо!», — в ответ ему
Я в стенку простучала.
И тут я слышу, звуки на крыльце,
И колокольчик на калитке вздрогнул.
Скорее тапочки, халат — в мороз я выбегаю,
Но не успела, никого не наблюдаю.
И кто бы это мог инкогнито
Меня в столь ранний час поздравить
И на тропинке, на снегу бочонок с мёдом
И следы своих подошв оставить?
Бочонок с мёдом! О!
Я быстренько его беру,
Скорей в тепло с ним захожу,
Включаю на ходу канал любимый,
А там певичка песню дарит,
Спасибо ей. Пришла пора
Саму себя поздравить, пока одна я:
Ведь соберутся все мои друзья под вечер.
Сейчас лишь только дятел за окном
И кошка возле печки...
Гашу я свет и зажигаю свечи,
Холст, краски, кисти я беру
Портрет свой написать хочу
И в зеркало внимательно смотрю,
А в отражении не я —
Там девочка с косичкой.
И что же делать, какой писать портрет?
И кто я? — Загадка и секрет.
На них ни у кого, и даже у меня
Ответа нет...

Мария Нахорукова

Живёт в посёлке Самусь Томской области. Более 35 лет проработала учителем в школе. Была учителем географии, педагогом-психологом, заместителем директора лицея по учебно-воспитательной работе. Занимается индивидуально с детьми-инвалидами V111 вида. Печатается в местных газетах, одна из авторов сборников: «Пока душа во мне живёт», «Среди однотипных коралловых будней». Увлекается фотографией, участвует в фотоконкурсах. Любила и любит свою профессию и вообще жизнь!

Veritas не только в вине

Вчера начала в очередной раз перечитывать «энциклопедию русской жизни» – «Евгений Онегин». Буквально, первые строфы романа в стихах покоряют своей лиричностью, лёгкостью восприятия, своим «втягиванием» читающего их в действо событий романа. Пушкин – поэт, и восхищению нет предела.

*А мне вспомнилось другое...
Полу-милорд, полу-купец,
Полу-мудрец, полу-невежда,
Полу-подлец, но есть надежда,
Что будет полным, наконец.*

Этой эпиграммой на графа Воронцова школьная программа XX века выносила вердикт Пушкину-гражданину. И никто не смел «инакомыслить». Если граф – то плохой. А из уст «нашего всё» – ещё хуже. И он – Пушкин – даёт достойный ответ самодержавному деспотизму. Как же здесь не восхищаться иконной личностью поэта, так жестоко убитого на дуэли Дантесом с подачи русского царя.

Но, если обратиться к объективной биографии поэта, выясняется, что за свою непродолжительную, но бурную жизнь, Пушкин восемнадцать раз доводил свои ссоры до дуэлей.

Первая в Петербурге с Кюхельбекером в 1818 году из-за эпиграммы Пушкина на него.

*За ужином объелся я,
Да Яков запер дверь оплошно –
Так было мне, мои друзья,
И кюхельбекерно и тошно.*

Кюхельбекер был взбешён. А они были, ни много, ни мало, «однокашниками» по Царскосельскому лицей.

И далее пойдёт простое перечисление имён, с кем ссорился-скандалил Пушкин до дуэлей: с лицеистом Кор-

фом в 1819 году, с майором Денисевичем в том же году. В Кишинёве: с Орловым, Алексеевым, Дегильи, Зубовым, Старовым, Лановым, Инглези, Тудараки Балшем, с каким-то греком, которого Пушкин вызвал на дуэль из-за проявленного тем удивления, что Пушкин не читал какой-то книги. В Одессе — с неизвестным в 1824 году. В Петербурге — с Толстым-Американцем в 1826 году, с Соломирским в 1827 году, с Лагрене в 1828 году, с Соллогубом в 1836 году, с Дантесом в 1837 году. Все дуэли кончались примирением, за исключением последней. Значит, к этому всё шло закономерно.

А что же граф Воронцов? Почему на него Пушкин, обласканный «его сиятельством», написал столь хлёсткую эпиграмму, а граф, он же губернатор Одессы, не вызвал его на дуэль, как делали многие, хотя Пушкин на это надеялся.

Михаил Семенович Воронцов начал боевую службу с 21-летнего возраста. Едва не погиб на Кавказе в стычке с горцами в 1804 году. В 1812 году получил ранение в Бородинской битве. И отправившись на лечение в своё имение, пригласил туда для поправки 50 раненых офицеров и 300 солдат.

В боях Воронцов отличался спокойной отвагой и хладнокровием, делил с рядовыми все их лишения. В кампании 1814 года при городе Краоне блистательно выдержал сражение против самого Наполеона. В 1815-1818 годах командовал корпусом, оккупировавшим Францию. А при уходе корпуса из собственных средств заплатил французам долги всех своих офицеров в размере 1,5 миллиона рублей (!).

Женился на богатой графине Елизавете Ксаверьевне Браницкой.

В Одессе генерал был губернатором. Держался спокойно. Он почти никогда не выходил из себя, был приветлив и корректен. В деятельности неумолим и методичен. Принял Воронцов Пушкина ласково, но не досаждал своим присутствием (двадцатилетняя разность в возрасте).

В Одессе Пушкин, куда его перевели из Кишинёвской ссылки, жил по-европейски. С приездом Александра Сер-

геевича в Одессу губернатор Воронцов любезно ввел поэта в интимный круг своих знакомых, представил его своей супруге, которой тот сразу пламенно увлёкся. И позднее стал откровенно волочиться за нею. «Бес арабский», как звали поэта друзья, был строптив и непокорен.

Воронцов, гордый поверенный царя, не мог признаться, что ревнует Пушкина к жене. Имея боевой опыт, высоко ценил жизнь человека, и даже столь ему досаждавшего. Поэтому, чтобы не довести до беды, губернатор обратился к царю с просьбой убрать поэта подальше.

Так появилась обличительная эпиграмма, за которой с годами стало забываться подлинное лицо графа Воронцова. Между тем это был энергичный и способный администратор. Он умом и искусной рукой развил в южном крае полезные производства. В Новороссийском крае – земледелие, овцеводство. В Одессе – торговля. В Крыму – виноделие, дорожное строительство, лесопосадки. При нём в 1828 году началось пассажирское пароходство по Черному морю. Стоял за законность в отношении к бесправным тогда евреям. Всё жалование наместника Воронцов распределял среди служащих своей канцелярии. Его прислуга в доме имела свои отдельные комнаты, и каждый получал к обеду бутылку виноградного вина.

В трудах праведных граф пережил поэта на 19 лет.

Всё это о Воронцове я услышала от экскурсовода по Воронцовскому Дворцу в Крыму десять лет назад. Кстати, много дворцов я повидала за свою жизнь: от Балкан «до самых до окраин», от Эрмитажа, где была не раз, до летней резиденции эмира Бухарского. Но именно Воронцовский дворец в Алушке, несмотря на его суровость во внешней цветовой гамме, мне импонировал. Покорил он меня своим уютом, домашностью.

Наша любовь к таланту поэта останется с нами. Но должна быть восстановлена *veritas* — истина и относительно графа Воронцова, поверьте, он этого заслуживает...

А на высказанную Пушкиным надежду на то, что «... сохранённая судьбой, Быть может, в Лете не потонет Строфа, слагаемая мной», перечитывая в очередной раз «Евгения Онегина», можно утвердительно ответить ему онегинской строфой:

*Нет, Пушкин, нет, не потонула
Твоя строфа в пучине лет,
Средь фельетонного разгула
Царишь ты в вечности – поэт.
К твоим строфам льнут с умилением,
С них мёд поэзии берут,
Их повторяют и поют
И открывают с удивленьем
В них новый ритм, игру и блеск,
И многогранных мыслей всплеск!*

2017 год

Возвращение в детство

По моему разумению все люди от рождения делятся на две группы. К первой относятся те, кому Бог и природа даровали неземную красоту. У них от природы всё: обаятельная белозубая улыбка, густые слегка волнистые волосы длинной ниже спины, стать в фигуре, сочный, притягивающий слушателя, голос. А вот как быть тем, кто подростком проводит бессонные ночи, мечтая, как он будет заплетать свою толстую косу, зная наперёд, что этого никогда не случится. В общем, эти люди, когда Бог раздавал красоту, стояли в другой очереди. В очереди за силой духа, упорством, если хотите – упрямством. Упрямством в достижении поставленной с детства цели: получить достойное образование, научиться держать своё лицо в выгодном положении, скрывать недостатки большого некрасивого лба, редкие, с рахитическими перетяжками, покрытые желтизной от природы, зубы. Имя, какое же неказистое имя дали ей родители – Марфа! И ничего не поделать. Родилась первая внучка, и тут свекровка показала свой норв: «Не назовёте моим именем – прокляну».

Единственным достоинством Марфы была фигура, которой восхищались не только мужчины. Подруги завидовали её ножкам. На что Марфа, глядя на их длинные в руку толщиной косы, горько усмехалась: «Для полной комплекции мне необходимы ноги-бутылочки колесом и фигура моей бабки». А у той смолоду вес превышал центнер при росте «метр с кепкой в прыжке». Бывало, дед, слушая по радио рубрику «битва за урожай» о сборе зерновых с одного гектара 7,1 центнера, приговаривал: «Мне и одного центнера много».

Жить как-то надо. Понимая, что при своём хлипком здоровье ей не удастся работать физически, поэтому только образование и, безусловно – высшее, может спасти и украсить её взрослую жизнь. Но, представив на минутку, как к ней будут обращаться её подчинённые – Марфа Ярославовна – понимала, что такое сочетание – перебор: не может у Ярослава Мудрого – князя киевского быть дочь Марфушечка-душечка из сказки «Морозко». И первое, чем она занялась, как только освоила грамоту, изучение гражданского законодательства по вопросам изменения своего имени. Первый просвет в её жизни появился, когда узнала, что это возможно. Только надо подождать до получения паспорта. С этого момента она сможет распоряжаться и собой и своей судьбой. А пока придётся терпеть насмешки во дворе и в школе. Вот эти-то насмешки укрепили её характер, научили искромётно парировать любой самый каверзный вопрос. И вот наступил долгожданный день. Теперь Ольга Ярославовна и спинку держит прямо, и в полу-улыбке, так ей к лицу, прячет изъёмы зубов, и чёлка нависает на лоб так искусно, что скрывает «сократовский лоб», об который её сверстники советовали орехи колоть. В благодарность юриспруденции теперь уже Ольга занялась её тщательным изучением. Посещала курсы, факультативы, семинары. И с получением аттестата с приличными отметками имела глубокие знания по всем юридическим вопросам. Поэтому легко поступила в МГУ на юридический факультет. И понеслось: от сессии до сессии, от курса к курсу. Вот уже и диплом на руках, и внешность

такая, что не узнать прежнюю девчонку, стесняющуюся себя всю с головы до пят. Ведущий специалист крупной компании имела всё: уважение в коллективе, любовь мужа, детей, финансовое благополучие. Дважды по контракту работала в Голландии и Австралии. Там и зубы «отредактировала», как она, смеясь, рассказывала.

Прошло двадцать лет после окончания школы. Рискнула и поехала Ольга Ярославовна в свой Городок, где терпела насмешки и издевательства от сверстников, особенно после того, как отеклась от своего, полученного при рождении, имени. И повод был достойный – встреча с одноклассниками.

Узнать её было просто невозможно, и не потому, что случились радикальные внешние изменения. Это была теперь совершенно другая женщина – с достоинством, женским шармом, умеющая подать себя так, что окружающие задыхались от восторга. Она в окружении своих одноклассников чувствовала себя человеком-невидимкой.

Они приняли её за «столичную штучку» недостижимой высоты. Поэтому восхитившись: «Конечно! в столице все такие», — принялись судачить о том, где и как устроились те, кто уехали из Городка после школы. Много нового интересного услышала она о тех, кто в варяги подался, как и она. После фразы, брошенной первой красавицей класса: «Где это наша Марфушка, жива ещё или где-нибудь под забором?..», — не выдержала: «Да здесь я, здесь, вот она». Ольга, улыбнувшись, обескуражено развела руками.

Что здесь началось!? Все кинулись к ней, теперь уже москвичке, только в зубы не заглядывали, как цыган при покупке лошади. Её одноклассники-мальчишки, до которых она мечтала хотя бы случайно прикоснуться в детстве, теперь с признаками всех мыслимых и немыслимых «всяких нехороших излишеств» на лице и в фигуре, кинулись к её ногам с объяснением в любви, преданности и верности, забыв о жёнах. Кляли себя распоследними словами, что проглядели в своё время её неземную красоту. Девчонки, её девчонки, постаревшие, отягощённые семейными и производственными заботами,

оторопели. Потом наперебой стали расспрашивать о жизни и делах, с затаённой тоской, завистью и неприязнью в глазах. Напросились всем классом в гости в её ветхий покосившийся домик у обрыва, где после ухода из жизни родителей, проживала бабка Марфа с внуком-тунеядцем от младшего сына.

Поразмыслив, взвесив все «за» и «против», рано утром вызвала такси и на ближайший рейс самолёта до Москвы, благо, в это время чаще недогруз, чем перегруз пассажиров случается.

2016 г.

Давай, закурим, товарищ...

А если я не курю, и даже не переношу запах сигаретного дыма на физическом уровне. Это с раннего детства повелось, когда всё мужское население после Великой Отечественной самосад употребляло, а если замечали недовольство со стороны детей, выговаривали, словно провинившимся: «Подумаешь, ца-ца, ничего с тобой не случится!»

Поэтому при моём неоднозначном отношении к сегодняшним законодательным актам, этот, «О запрете курения в общественных местах», я приняла на «ура!» И заметила изменения в обществе. Во всяком случае, у нас в Сибири стало возможным на остановках, на выходе из офисов, подъездов не вдыхать никотин. Отмечала это и на общественных праздниках при огромном скоплении народа. Думала, что так по всей стране.

И вот оказалась я в июне сего года «на берегах Невы, где может быть родились вы, или блистали, мой читатель». Курят все от 14 до 80, мужчины и женщины, демонстративно, везде. У меня было ощущение, словно на машине времени я вернулась в расхристанные девяностые. И, самое печальное, кто бы это был? Вот переходит дорогу, вальяжно выпуская кольца дыма, восьмидесятилетняя (никак не меньше лет) дама, а ей навстречу движется с детской коляской, в которой ребёнок, и, вероятно, беременная очередным, мама (если её так можно назвать).

20 июня 2015 год. Время ближе к полуночи. А дышать-то нечем! Особенно при скоплении большого количества людей, когда тебе в лицо пускают дым, и никуда от этого не деться. Выпускники школ, золотая молодёжь Питера толпятся с пригласительными билетами в проходе на Дворцовую площадь на праздник «Алые паруса 2015», всероссийский бал выпускников средних школ, отмечаемый в Санкт-Петербурге, обычно в субботу, ближайшую к самой длинной белой ночи с 1968 года. Блюстители порядка следят за порядком, но ни один из них даже намёка на замечание не сделал. И здесь я не сдержалась, выдала тираду, обратившись к этой толпе: «Молодые люди! Как же вы можете нарушать закон вашего земляка, президента страны, в то время, когда он пробирается где-то рядом на Дворцовую площадь, чтобы поздравить вас и выразить надежду на будущее страны в вашем лице!»

В эти дни завершал работу XIX Петербургский международный экономический форум под патронатом президента РФ Путина. И, естественно, присутствующие были уверены, что он, Путин, выступит перед собравшимися. Стоящие рядом, стыдливо опустили глазки долу, потушили сигаретки, а чуть подальше, продолжали курить и праздновать. А я, поняв, что «чужая на этом празднике жизни», ушла восвояси ещё до полуночи, чтобы окончательно не задохнуться, вспоминая сакраментальный диалог:

— Курение – медленная смерть.

— А мы и не торопимся.

И теперь, всякий раз, как только услышу об «Алых парусах», ощущаю привкус табака.

Как жаль...

P.S. Вот уж, действительно, Пётр-I был царь-самодержец, если ещё в 1697 году легализовал продажу табака и установил правила его распространения на Руси. Столько лет прошло, а его предписание имеет большую силу, чем все сегодняшние указы о запрете со штрафами.

2015 год

Держись, геолог, крепись, геолог...

Среди своих сверстников моя сестра выделялась с раннего детства.

Если разговоры, то о Вселенной, о смысле жизни. Если чтение, то, несомненно, Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Если едет в автомобиле или автобусе, обязательно найдёт местечко рядом с водителем и наблюдает за его работой. Если профессия, то геолог...

Мама пыталась её переубедить. Ладно, старшая в учителя пошла, хотя тоже профессия – не сахар. Ну, а младшая уж совсем неженскую долю выбирает. В короткие минуты перерыва между работой увещевала: «Доченька, ну подумай – отправят тебя с экспедицией в пустыню. Закончится питьевая вода, и будешь ты дожидаться её ни день, ни два, а гораздо дольше. И как!?» Знала, на что «надавить» — дочь любила после обеда выпить стакан-другой свежей холодной воды. Но будущий геолог парировала: «Мама, зато представь, какое наслаждение я испытаю, когда эту воду привезут!» Вот и поговори с ней...

Забегая вперёд, отмечу, что мечта её сбылась, получив специальность техника-геофизика, проработала она на Севере, на самом краю Земли Советской. Дальше – только белые медведи зимуют. А братья-геологи там круглый год живут. За что и получают льготу: выходят на пенсию на целых десять лет раньше, чем на материке.

Но сейчас не об этом...

Как будущий геолог, сестра не могла спокойно пройти мимо горных пород, отвалами которых были усыпаны даже дороги в нашем Городке. А какое счастье поехать к родственникам в Асу-Булак. И там с дядей Гришей попасть на открытый рудник полиметаллических руд на Белой Горе. Это же, сколько образцов пород можно домой привезти, и потом зимними вечерами рассматривать их под лупой, любоваться

ими, расставлять на этажерке только по, ей известным, признакам.

Очередная поездка состоялась знойным летом 196... года. Предложение дяди Гриши съездить на его коньке-горбунке марки БелАЗ на новые разработки полиметаллов привели сестру в восторг. «Были сборы недолги»... И вот уже за окном чуда-техники середины прошлого века мелькает степная растительность: типчак, полынь, даже перекасти-поле встречается. В кабине простор. Таких девчушек здесь могло поместиться целое пионерское звено. Рядом дядя Гриша, неутомимый шутник и балагур, душа любой компании. Колоритная внешность от Маяковского, юмор от Юрия Никулина, а пристрастие к труду – поискать таких – не найдёшь.

Подъехали к конторе, которая на взгорке находилась. Путевой лист взять, да с коллегами парой-тройкой весёлых историй перекинуться перед рейсом. Как рассказывал дядя Гриша потом: «Поставил на ручник. Посиди племянница немного, подожди меня. Зашёл в контору, выпил воды из бака, который всегда там был – летний зной обязывал. Взял путевой лист. И «зацепился языком» с мужиками. Я над ними подтруниваю, а они надо мной, да ещё как-то зло – в этот раз. Хотел уже обидеться, но увидел их встревоженные лица – Григорий, БелАЗ-то твой под гору катится и разгоняется всё сильнее! Оглянулся, Матерь Божья! Ноги отказывают, но бегу, как могу, словно во сне. Передо мной промелькнули лица всех моих родственников, родителей будущего геолога. Вдруг вижу, остановился мой конёк-горбунок. Здесь, вообще, в глазах потемнело – а не сон ли это!? Добежал, в кабину уже вползал, ноги не слушались. И вижу: сидит моя племянница-спасительница на своём месте и своими худенькими ножками 34 размера жмёт на тормоз, а руками упирается в руль. Так она спасла и свою жизнь и меня от вечного покаяния перед её родителями и моей совестью, а моего конька-горбунка от верной гибели».

Сестра поведала свою версию этой истории: «Я, как всегда на транспорте, пока зрительно не определилась с педа-

лью тормоза, не успокоилась. Так было и в тот раз. Доехали до конторы быстро. Самое интересное, ради чего я поехала, меня ждало впереди. Дядя Гриша ушёл в контору. Я рассматриваю кабину, приборную доску, думаю: надо было с ним идти, водички холодной испить. Сейчас уже неловко, да и не выберусь я самостоятельно из кабины, уж очень она высокая, а дверь громоздкая, не открыть мне её. И вдруг машина начала самопроизвольное движение, всё ускоряясь и ускоряясь. Я испугаться не успела за себя. Моей главной задачей было сохранить машину дяди Гриши, чтобы было на чём дальше ехать. Нажала на педаль тормоза – это оказалось вполне сильным для меня. Но, на всякий случай, в руль вцепилась, да так, что пальцы рук побелели. А здесь и дядя Гриша подошёл. И после того случая ни разу мне в голову не приходила мысль определять, где педаль тормоза в кабине водителя. А дядя Гриша теперь при встрече со мной всегда напевает: «Держись, геолог, крепись, геолог...»

P.S. На минуточку: БелАЗ катился в пропасть задним ходом.
2 апреля 2016 год, накануне Дня геологов

Живая душа. Быль

Женщина уже много лет жила одна в трёхкомнатной квартире. Когда-то здесь слышались голоса дочерей, мужа, матери. Но всё проходит. Прошло и это. Теперь, всякий раз, заходя в такую большую, давящую размерами квартиру, Женщина вспоминала свою жизнь. Чтобы как-то заглушить одиночество, она заводила рыбок, попугайчиков, от которых пришлось отказаться. А собаки и кошки для неё были, вообще, непозволительной роскошью. Женщина периодически выезжала к разлетевшимся из родительского гнезда дочерям. Покидая свою квартиру на длительное время, она проговаривала присказку: «Когда придёт пора, на пенсию идти, не огорчайтесь: вдруг уделом станет скука, вы помните, что ждёт вас впереди хождение по внукам...»

На дворе сибирская календарная весна, вернее – предвесенье. Есть такое время года, выделенное местными краеведами. Ночью столбик термометра опускается до 20 градусов мороза, а днём уже к нулю подбирается, но пока очень робко.

Как-то в преддверии 8 Марта, зайдя в неотапливаемый подъезд деревянного дома, построенного в первые послевоенные годы, в котором и была её квартира, Женщина увидела под ногами бабочку-белянку, вернее, её замороженное тельце. Не могла пройти мимо, подняла её и аккуратно занесла к себе. Спасибо коммунальным работникам, в квартире было очень тепло, даже жарко. Пройдя в большую комнату, поколебавшись, определила место для Белянки – рядом с комнатным цветком. Сама пошла на кухню, занялась немудрёным ужином. Присела посмотреть телепередачу. Незаметно наступило время ночного отдыха. А утром подошла к окну, чтобы раздёрнуть шторы и глазам её предстала дивная волшебная картина: Белянка ожила и вспорхнула с цветка. Женщина посмотрела на неё с грустинкой в глазах: вот она – любовь к жизни, и пошла на кухню. Белянка полетела за ней. Когда хозяйка вернулась в комнату за забытым телефоном – красавица следом. Пока готовила себе завтрак, исподволь наблюдала за гостьей. Та, перепархивая с предмета на предмет, не покидала кухню. Позже, в какой бы части квартиры не находилась хозяйка, Белянка следовала за пей. В обед Женщина пошла по делам, наказав своей нежданной гостье быть на хозяйстве. Ближе к вечеру возвращалась домой с некоторым беспокойством – найдёт ли на месте свою Белянку. Открыла дверь, и вот она – красавица летит ей на встречу из комнаты.

.....

Так и живут две души в ожидании лета, согревая друг друга присутствием и пониманием.

2015 год

Жизнь — как она есть. Кому война, а кому ...

Любовные страсти не ведают ни политической обстановки, ни экономической, ни, даже, военной.

Любовь, она вне времени и вне обстоятельств. Уже ушли из жизни непосредственные участники той страсти. Теперь история передаётся их детьми и внуками.

Война, она несёт горе. Но, как ни странно, не для всех. Жили в колхозе две семьи. У Латунских – Саньки и Насти – сын и дочка, у Смирницких росла дочка-травиночка с царским для тех мест и того времени именем Тамара. Так её и звали в деревне, не Тома, не Томочка, не Тамарка, а почтительно, а позже и жалейно (от слова «жалеть») – Тамара. Жена, Смирницкая Леночка, жила как бабочка однодневка. Думала не о чести семьи, не о благополучии дочери. Главным для неё была собственная страсть к чужому мужчине. Свой муж Николай был рядом, работающий, уважаемый, далеко не последний человек в колхозе. И ростом, и статью – всем взял.

«И что эта Леночка, — всякий раз с брезгливостью произносили это имя бабы в короткие промежутки отдыха на полевых работах — нашла в рябом? Ростом мал, белобрысый, на одном глазу бельмо, да к тому же всё лицо в оспинах. Говорит, что любит его. Совсем стыд потеряла!».

Николай ходит, словно в воду опущенный. Один свет в окошке – доченька. Да и Насте не сладко. Двое детей, муж налево бегаёт. А здесь ещё и свекровка: «Значит, плохо ублажаешь мужика».

А до того ли ей, несчастной? Намантулится в колхозе так, что к вечеру ни рук, ни ног. И дома по хозяйству: корова, овцы, свиньи, куры. Зайдёт в избу, дети голодные, квашню поставить надо – хлебы выпекать. Здесь уж каждой хозяйке известно, что с плохим настроением тесто не поднимется и такой хлеб даже скотина во дворе разве что с голодухи жевать будет. Дети с вопросом подступают: «Где тятя?».

А он, Санька-то, каждый вечер чистую рубаху, постиранную руками Насти, трёхрядку на плечо и вон из хаты. То у него парт-ячейка, то правление колхоза. И всем культурную программу подавай. Гармонист, даже самый плохонький – первый парень на деревне. Вот и отбился мужик от дома. Легковесным оказался, не приспособленным к семейной жизни. Да и колхозная работа ему не по жилам.

А Николай, в противовес Саньке, обстоятельный, ладный, за что ни возьмётся, всё спорится в руках.

«И какого рожна этой Ленке надо?» – в сердцах восклицали женщины, у которых мужики-лесорубы стопку с топором путали.

Может быть, подурили бы Санька с Леночкой, да и успокоились со временем, вернулись в свои семьи. А Настя с Николаем отходчивы, простили бы своих непутёвых.

Но здесь, как всегда, внезапно война случилась, да не какая-нибудь, а Великая Отечественная. Мужиков всех позавирали на фронт. Николай сам пошёл в военкомат, и уже через неделю нос к носу с врагом столкнулся. А Саньке и здесь подфартило. Его бельмо словно охранный грамота. Совсем рай наступил для ходока. В открытую встречался бы со своей полюбовницей. Что ему жена? И Николай далеко, бока не намнёт. Но Леночка заладила: «Стыдно, да стыдно, на людях незаконной быть...»

А когда в подсолнухах на задах любились, не стыдно было.

«Санечка, миленький, нам бы уехать отсюда в областной центр. Всё-таки город, культурные люди. И в навозе не ковыряться. И ты, как ни как музыкант, будешь культуру в массы нести».

И ведь дозудела глупая баба. По её научению пошёл он в военкомат, дескать, хочу добровольцем на фронт, врага бить. Братья мои воюют, а я чем хуже.

Расклад у любовников был такой — до областного военкомата доедет, а там признают «годным к нестроевой», вызывает Леночку свою. Она приедет, конечно, со своей дочкой.

Куда же её сиротиночку-то девать. Ещё не известно, вернётся ли Николай с фронта, война-то, вон какая нешуточная разыгралась, на дворе самый тяжёлый 1942 год.

Вот этот сорок второй и сыграл с ними недобрую шутку, разлучив на целых три года. И охранный грамота не помогла. И с одним глазом сгодился, в самое пекло попал наш герой, под Ржев. Освобождал историческую родину – Украину, прошёл Болгарию, Югославию, Венгрию, Румынию. Вот и стены Рейхстага уже видны. Про жену и детей совсем забыл. Сердце рвётся к ненаглядной Леночке. Письма только ей и писал. А та отвечала и любовнику и законному мужу. Настя узнавала, как воюет её благоверный через десятые уста на колхозном току.

Николай тоже был славным солдатом. Не стыдно будет перед сельчанами после победы появиться. Да и жена, глядишь, одумается, будет гордиться своим мужем. И главное, дочка Тамара папку ждёт. Большая уже стала.

Возвращались поезда с победителями на восток. Песни, пляски. И вновь Санька-гармонист в центре внимания. Вот он, победитель, ступил на главную улицу своей деревни. А навстречу ему две женщины бегут и дети, только его дети. А Тамара в сторонке стоит и от стыда за мамку взгляд потупила. Настя так и осталась стоять посреди улицы потерянная, с опущенными натруженными руками. А Леночка, счастливая, увела мужа от верной жены, отца от детей в свою избу на супружеское ложе. Вернётся муж, всё само собой разрешится.

Николай приехал, грудь в орденах. Герой! Ну, кому нужны его награды. В большой войне – победитель, а по семейному фронту враг вероломно прошёлся и празднует пиррову победу, ранив сердца пятерых. Помыкался он в колхозе. Видит, Настя по-прежнему работающая, дети ухоженные. Пошёл к ней свататься: «Попробуем вместе жить, детей твоих не обижу, а может и моей Тамаре найдётся тарелка похлёбки». Настя, не имея своих родителей, пошла за советом к свёкрам. А те ей отвечают: «Грех это, Настька, при живом-то муже пре-

любодействовать. А если пойдёшь за него — проклянём, и помощи не жди. Он сегодня есть, а завтра — сбежал, полно вокруг молодых».

Так и осталась Настя и при муже, и без него, и не жена, и не вдова. Прожила она долготрудную жизнь. Подняла детей. Сын Павлушка, шофёр на ГАЗ-131 бессменно проработал на уборке зерновых кряду двадцать лет. За это ему в Кремле Орден Ленина вручили. Радовалась мать. Дочь Аннушка, получив экономическое образование, проработала всю жизнь в ЦУМе зав. торговым залом. Работала не за страх, а за совесть.

Тамара первая из многочисленной родни получила высшее образование. Работала в областной больнице хирургом до выхода на пенсию. Но с той самой встречи на деревенской улице с Санькой после фронта, боялась встречаться с ним взглядом. Общалась с родственниками Саньки, но всегда испытывала перед ними вину за непутёвую мать. Мать и отчим умирали у неё на руках. И отца родного, пережившего свою вторую жену, с которой прожил без любви, но в уважении, похоронила она.

Леночка много позже призналась в разговоре: «Если бы Николай раньше с фронта вернулся, не посмотрела бы в сторону Саньки».

Вот и пойми, Господи, нас, женщин, когда мы сами в себе разобратся не в состоянии!

2014 г.

Жизнь — как она есть. Твоё-моё...

Родилась Полюшка-долюшка аккурат на Покров Пресвятой Богородицы. А вот в каком году? — осталось загадкой. Уменьшали года преднамеренно. Сыновей попозже в армию заберут. Всё по дому годик-другой помогут. А дочерям, как, впрочем, и сыновьям, выгода быть младше — позже наступит пора платить налоги за едока.

Пришла свекровка, бабка Катря проведать Богом данную внучку, да так и влюбилась в неё. Ладненькая, дробненькая,

смуглая. Вылитый бабкин портрет. Вот и задумала старая, которой в ту пору за шестьдесят было: кохать, делять и вложить все свои задатки в её характер. За эти особенности её характера недолюбливали Катрю на селе. Кроме того, что на язык не желанная, ещё и прибирала к рукам всё, что плохо лежит, а вернее, что близко к забору растёт. Идёт с любимой внучкой по селу вдоль огородов и незаметно для окружающих то головку подсолнуха открутит, то огурец с плети, через забор растущий, снимет. Не брезговала и яйцом-другим из-под соседской хохлушки. И всё под фартук, да в карман. Пока идут с одного края села в другой, наберут с полведра добра людского. А Поля всё это впитывала как губка и позднее вложила в своего сына.

Сын её уже своего сына приучал к чёрному делу, даже не задумываясь о содеянном. Проходя по садовому участку, то цветы сорвут, то яблочк вместе с ветками наберут у соседей, хотя свои ветки от тяжести ломаются. А один случай всех родственников выбил из колеи и послужил уроком на всю оставшуюся жизнь.

Случилось в одно лето великое горе у соседей по садовому участку. Семья из четырёх человек потеряла двоих мужчин. Погиб по недосмотру людскому четырнадцатилетний сын. Через два месяца сердце отца не выдержало. Остались сиротами жена и свекровь. Глаза их не просыхали от слёз. Окружающие сочувствовали, как могли. Но, словом горю не поможешь. Хозяин был знатный огородник. Всё у него спорилось в руках. За что ни возьмётся, всё ладится. А уж, какой осенью урожай собирали! И картофеля, и помидор с огурцами. Ягоды разной вёдрами возили на базар в город, яблоки, грушу. А какая капуста вырастала – с одного кочана резали и уминали с морковкой по двенадцатилитровому ведру. И кочанов таких на участке было по десять-пятнадцать штук. Вопреки примете «не давай, а то у тебя водиться не будет», делились всем, что было, с радостью. Угощали всякого проходящего-проезжающего.

Пришла осенью на садовый участок жена наученного своей матерью Полюшкой. А у соседей плач стоит. Прислушалась. Соседка-свекровь плачет, криком кричит, по телефону рассказывает снохе, на чём свет стоит, клянёт супостатов, которые, не посчитавшись с их горем, вырезали всю капусту. Проклятья были очень страшные, чёрные прямо. Жена поскользнулась, пришла домой и поделилась такой нехорошей новостью со своим мужем. Тот её огорошил: «Ну и что из того? Тот, кто сажал капусту, умер, значит, ему она не нужна. Кто первый успел, тот и снял урожай».

— Уж не ты ли додумался до такого безобразия?

А здесь и сынок за папу вступился, прояснил ситуацию:

— Да, это мы с папкой собрали капусту и в подпол спрятали. А чтобы никто не нашёл, творило гвоздями забили. Когда все успокоятся, пойдём тёмной ночью и принесём в дом капусту, а ты, мамка, посолишь её на зиму. Свою, да ещё и соседскую. У нас никогда не было так много капусты.

На что мать ему ответила жёстко:

— А этой зимой вообще не будет капусты в моём доме. Лезьте в подпол с отцом и грызите её там.

И слово своё сдержала. Более того, первой же ночью пошла и выломала творило. Откуда только силы взялись. И всю капусту на крыльцо соседей сложила аккуратно и прикрыла дерюжкой, чтобы утреннее солнце не обожгло верхние листья. Она и со своего огорода всю капусту срезала и отнесла соседям. И ещё долго на своём участке не показывалась, стыдно было за сына и мужа в глаза людям смотреть.

А муж после этого случая крепко задумался о содеянном и до конца жизни, как мог, внушал сыну о чистоте помыслов людских в неприкосновенности к чужому.

Так в четвёртом поколении родственников страсть к чужому была заглушена.

2014 г.

Каждая пылинка словно витаминка

В первые годы студенчества свежа была тоска по дому. Преподаватели пытались нас развлечь своими воспоминаниями. Однажды, на полевой практике доцент кафедры физгеографии завела разговор о своей студенческой послевоенной жизни. Училась она в пятидесятые годы в сибирской Alma Mater – Томском государственном университете на геолого-географическом факультете.

В комнате общежития нас проживало двадцать человек – с первого по пятый курс. Как сейчас перед глазами стоит картинка: мы – первокурсники в уголке на кровати готовимся к коллоквиуму по общему землеведению. Второкурсница на свидание собирается: кто-то ей туфли свои дал, кто-то – выходное платье. Две третьекурсницы, примостившись на подоконнике, пишут конспекты очередного урока – готовятся к педпрактике в школе. Ребята и девчата четвёртого курса на рюкзаках, сложенных кучей в углу, проводят последние экономические расчёты дальней комплексной практики. А подружки невесты-пятикурсницы пишут сценарий её свадьбы.

Питались, сбрасываясь деньгами от стипендии и продуктами, привезёнными из дома. Выпало как-то «дежурство по камбузу» мне с подружкой. А рост у нас был как у Тарапуньки и Штепселя – 1,75 метра и 1,5 метра. Кухня в подвальном помещении. На ужин мы приготовили макароны, но не по-флотски, а по-студенчески – без мясного фарша, отварные и поджаренные на постном масле в алюминиевой сковородке метрового диаметра. Несём мы блюдо, поддерживая дно с двух сторон рукавицами-верхонками, чтобы не обжечь руки. И получилось так, что я – высокая – поднималась по лестнице впереди, а соседка оказалась внизу. На середине лестнице сковорода выскользнула из рук и упала «по закону бутерброда». Наше замешательство было секундным. Представив глаза восемнадцати голодных соседок, мы молча присели и

быстро-быстро собрали верхонками все макароны в сковороде. Потом, так же молча, принесли их в комнату. Первые минуту не могли ужинать, но когда поняли, что до утра придётся голодать, взяли ложки и вместе со всеми дружно опустошили сковороду, вспоминая присказку преподавателя почвоведения: «У нас, огородников, каждая пылинка словно витаминка».

2016 год

Мои воспоминания о прошлом села Кумора *Куморский клуб*

Сердце моё встрепенулось и забилося учащённо от нахлынувших воспоминаний полувековой давности. Клуб — это центр культуры села. Там я прочитала в зрительном зале на транспаранте слова В.И. Ленина, которые врезались в мою память навсегда, «Из всех искусств для нас важнейшим является кино». Магия кино завораживала нас, школьников, захватывала до слёз и дрожи в коленях. В этом здании я соперничала Чапаеву и его дивизии. Мне так хотелось, чтобы он остался жив! Здесь я сидела, вжавшись в кресло, глядя на кадры «Девочка ищет отца». Вместе с другими зрителями люто ненавидела гестаповцев, мучающих молодогвардейцев. Сразила, думаю и не только меня, красота подвига героев «Среди добрых людей». После просмотра «Сельской учительницы» я ещё раз убедилась в правильности выбора профессии! Позже, только увидев на телеэкране титры «Добро пожаловать, или посторонним вход воспрещён», вспоминаю его первый просмотр в Куморском клубе.

А вот ещё картинка из детства. Дело было в марте 1961 года. Я опаздывала на просмотр очередного фильма. В обход по улице не успевала, решила сократить путь, и пошла через низину, которая заполнялась летом водой, а зимой замерзала. На этом месте лесники распиливали кругляк, собирали срубы. Поэтому за зиму накапливались опилки, под которыми протаивали озёрца до полуметра глубиной. Мальчишки

на льду катались, объезжая эти опасные проталины. Сосед-шестиклассник мне с другого конца кричит что-то, а что – я не разобрала. Напрямик бегу – сеанс вот-вот начнётся. И... проваливаюсь по пояс. Он подбегает, выдёргивает меня за руки из воды: «Беги домой сушиться!» Но куда там. Меня кино ждёт. Так и зашла я в зал в резиновых сапогах, полных воды, стекающей с меня. Чтобы не испачкать кресла, села на пол с дошколятами. После фильма вернулась домой уже подсохшая. Единственным напоминанием о ранне-весеннем купании были пальцы ног с эффектом «руки прачки», да строгий взгляд мамы. Даже не кашлянула. Воистину, киноискусство – великая сила!

Как мудро поступала сельская власть, обеспечивая ежедневный просмотр фильмов, которые на катушках доставляли по воздуху зимой и водным путём летом. Аппарат в кинобудке был один, поэтому по завершении каждой части в зале включался свет, и в течение 3-5 минут велась смена катушек. В перерыве между сеансами киномеханик должен был успеть перемотать все части фильма, чтобы вновь его показывать, или готовить для отправки в другие населённые пункты. Поэтому работа киномеханика не заканчивалась с выходом зрителей из зала.

Кино в клубе – это совсем другая жизнь, сопровождаемая магией воображения, мечтаний, борьбы за справедливость, юмора, надежды на светлое будущее.

В фойе стояли большие столы, за которыми потенциальные зрители играли в шашки, шахматы. Здесь же лежали подшивки газет и журналов, которые можно было почитать в ожидании сеанса. В углу – двухведёрный бак с водой для питья и алюминиевой кружкой на цепочке. Цены на билеты были сказочно доступны абсолютно всем: детские – 5 копеек, взрослые – 10 копеек, при среднем доходе работающих от 70 до 160 рублей в месяц. В семье было как минимум двое работающих.

Здесь, в клубе, организовывались и проходили все массовые мероприятия, которые с удовольствием посещали кол-

хозники и сельская интеллигенция. Отчётно-перевыборное собрание колхозников, торжественные собрания, посвящённые празднованию Октябрьской революции, 23 февраля, 8 Марта, 1 Мая, 9 Мая с обязательным концертом и танцами. На танцы оставались взрослые, а мы, дети, отправлялись домой. Новый год всем селом встречали в клубе.

На этой сцене состоялось крещение моего первого публичного выступления. Это было 19 мая 1966 года в 44-ую годовщину советской пионерии. За неделю до праздника ко мне подошла старшая вожатая и дала пионерское поручение — написать доклад и прочитать его на торжественном собрании в клубе. Я восприняла это задание как неизбежную необходимость выучить урок. Поделилась с родителями, они мне пояснили всю важность мероприятия, его политическую значимость и ответственность. Текст доклада об истории пионерского движения в СССР занял двенадцати-листовую тетрадь в линейку. Пролиставла её в моём присутствии вожатая и пожелала удачи. Вечер 19 мая. Клуб забит зрителями до отказа. Малыши на полу сидят, молодёжь, которой не хватило места, вдоль стен в проходах стоит. В президиум на сцену пригласили председателя сельсовета, председателя колхоза, директора школы, демобилизованного солдата, пионервожатую и меня.

Я вышла к трибуне первая. Естественно микрофонов, усилителей не было, говорили выступающие вживую. Поскольку ростом я, пятиклассница, была «метр с кепкой в прыжке», перед трибуной заботливо поставили ящик со столярным инструментом. Я поднялась на него, начала читать доклад. Первые фразы зал воспринимал в недоумении, потом затихли, стали прислушиваться. Я понимала, что вниманием аудитории завладела. С дикцией, голосом у меня уже тогда было всё в порядке. В завершение доклада в зале раздались искренние аплодисменты. Потом вышел демобилизованный солдат поделиться буднями своей службы. Подойдя к трибуне, он взглядом словно запнулся об этот ящик с инструментом, посмотрел на него внимательно, а на меня

со снисходительной ухмылкой: «Малявка», — и демонстративно задвинул его ногой под трибуну. Этим жестом я была раздавлена, лицо моё вспыхнуло, казалось, что весь зал на меня пальцем показывает: «Недомерок!».

Позже, в течение жизни, у меня было много публичных выступлений разного уровня: от школьного до республиканского. Но то, первое – урок для меня навсегда: уходя с трибуны, помни о комфорте следующего выступающего и освобождай ему место...

2016 год

Наркомовское поколение. Из цикла «Наши соседи»

Имя у моего соседа было мудрёное, непривычное, особенно для того времени и тех мест – Варфоломей. Звали его и жена, и соседи для краткости – Фома, с ударением на первом слоге, а когда был в подпитии – Фомка. Вот так Фомкой он мне и запомнился. Все годы моего знакомства с его семьёй находился в перманентном подпитии. Сколько жена ни мучилась с ним, дети строжились, когда подросли, а ему всё нипочём. И бит был при задержании органами, и в ЛТП* отбывал...

Вот как-то раз завела я с ним беседу на извечную тему о вреде спиртного. Разговор состоялся на его (редкое состояние) трезвую голову: «Варфоломей Ксенофонович, как же так случилось, что Вы – фронтовик, толковый специалист в автоделе, шофёр-механик, в прошлом – член горкома партии, мастер на все руки, интересный собеседник по вопросам истории, политики – докатились до такого состояния, что сейчас остались без внимания жены и детей, уважения соседей и знакомых? Что с Вами происходит? Стоит только прикоснуться губами к стопке, теряете над собой контроль? Вижу, что любите жену свою, детей просто обожаете, и во внуках души не чаете. И к работе интерес у вас не угас. Но

* ЛТП – лечебно-трудовой профилакторий, в функционал которого входило принудительное лечение от алкогольной зависимости через трудовую повинность. Позднее туда помещали и наркоманов. Эта система просуществовала с 1964 по 1994 гг.

стоит только «наркомовских сто грамм» опрокинуть — забываете обо всём на свете. А самое страшное, что остановиться сами уже не в состоянии».

Тогда поведал мне Фома историю своей жизни, которая мало чем отличалась от таких как он бедолаг рождения первой четверти XX века:

— Родился-то я, паря, ещё при Ленинском руководстве страной. Помню, как свалилось это величайшее горе — смерть вождя пролетариата. Ох! как голосило всё бабье сословие, да и мужики не могли сдержать слёз в том далёком студёном январе в моей деревеньке, что в низовьях протоки Харчевки, далеко-о-о за Байкалом. Деревня наша до войны представляла крепкое коллективное хозяйство с многообещающим названием «Авангард». Особым уважением пользовались старики — их слово было решающим в любых делах — колхозных или домашних. Нас, мальцов, держали в строгости: приходили на сборы пионерские, брали с собой на рыбалку, в ночное. Росли мы как в большом детском лагере под присмотром старших, пока родители в поле да на ферме трудились. А знаешь, паря, когда в моей деревне появился первый автомобиль, — оживляется мой собеседник, — и кто его привёз из-за моря (и по сей день морем зовут в тех местах Байкал.)? Уже в космос, как на работу, летали наши космонавты, и даже Валентина Терешкова там побывала, а в моей деревне перемещались только на бречках — летом, да в розвальнях — зимой. В 1964 году меня командировали за ГАЗ-51. Я и номер бортовой помню «33-39 БУБ». Ребятишки деревенские тогда решили, что это цена машины указана, только ошибочка вышла: БУБ, а надо было РУБ (рублей) написать. Хорошая была машина, бортовая, с откидными сиденьями, двухосная, по любой распутице летала, не буксовала. И не сдержал я данное председателю колхоза слово о том, чтобы в уборочную «ни грамма», вот он меня и выгнал из колхоза. Машина простояла год без шофёра, а потом сел за её руль вчерашний школьник, мало понимающий в автоделе, но зато не пьющий, как я. А что обо мне говорить? — продолжал Фома, —

до войны жил в родительском доме. Начал ухаживать за своей любимой. Да ты её знаешь – это жинка моя. В рот – ни-ни. У нашего родителя был строгий наказ: «Чтобы мне за вас, сынки, не краснеть, со стопочкой не якшаться ни под каким предлогом. Да нас, троих сыновей, и не тянуло к этому. И без того жизнь была интересная, радостная: днём – работа на лесозаготовках, охота, на вечерней зорьке – рыбалка, а потом и на деревенскую вечеринку. Праздники, трудовые будни – всё вместе, селом. Росли на глазах. Очень приглянулась мне Настя, но до свадьбы – только за руку. Строго было тогда...

Пришло время, призвали меня на службу в Красную Армию в год начала Второй мировой войны. Как плакали-причитали наши матери, сёстры, подруги, провожая нас. В памяти у народа ещё свежи были потери от Первой мировой и Гражданской. Пока я обучался военному ремеслу, на западном фронте фрицев гнал, после весны 45-го прямым ходом на Восток и там добивал фашиста в его логове, прошло десять лет. Чего только не пришлось мне увидеть за это время: убитых солдат в окопе, растерзанных отступающими фашистами мирных жителей, а сколько судеб сломанных. Вернулся в деревню, родители умерли, а Настя ждала. Забрал я её, да и поехали мы с ней на целину.

Я недоумеваю: «Ну, как же так, сами говорите, что «у вашего родителя был строгий наказ?»»

А он мне с отчаянием в голосе: «Эх, паря, да как же ты не поймёшь? В нашей армии – закон: ежедневные наркомовские сто грамм!»

— А если в бой!

— Тогда и побольше плескали в алюминьку: «Пей, солдатик, не страшно будет умирать!» Сначала меня «с души воротило» от выпитого не разведённого спирта, потом пообвык. А вернувшись к мирной жизни, понял, что уже по-другому не могу жить. Нет её, треклятой – хорошо, живу, не вспоминаю: жена, дети, все при мне и не нарадуюсь нашей жизни. В голове светло, мысли умные, планы на будущее. Но доброхотов много, то за какую услугу поднесут, то просто — из потехи. А

отказаться – нет сил. Вот так и живу, теперь уже один. Все от меня отвернулись. Да я не в обиде, понимаю их. Мне бы сейчас «сто грамм наркомовских» опрокинуть, — мечтательно завершает он наш разговор, а сам судорожно слюну сглатывает.

Прошло после того разговора много лет, забрела я как-то во двор своего детства и встретила там с дочерью Варфоломея. Она с сыновьями разбирала родительские надворные постройки. Отца уже не было в живых, а мать забрал к себе на юг старший сын. Разговорились за жизнь, «зацепились языками». Тут подбегают сыновья-близняшки:

— Мама, мама, мы деньги нашли, исторические! — и показывают дедов сапог, из которого вытрясают «трёшки» выпуска 1961 года.

Набралось их штук восемь, но именно трёхрублёвыми купюрами. Дочь мне и объяснила с горечью в голосе:

— Это уже не первый раз. Как отцовы старые вещи перебираю, так натыкаюсь на его схроны, и всё «трёшками». Это он для удобства: взял одну бумажку и пол-литра в кармане, а когда цены стали расти, ему уже и четвертушки хватало. Спивался. А какой человек был!? Ему бы городом управлять, полком командовать, а вот, поди, ж ты, не мог со своей натурой управиться. Да сколько их, таких в нашей горемычной стране живут-мучаются. И всё это война проклятушая да недалёковидная политика правительства, — завершила она свою печаль.

Мой знакомый, услышав сегодня рассказ, глубокомысленно изрёк: «наркомовское поколение».

P.S.: Когда писала эту историю, зашла «в контакт», чтобы уточнить местоположение села моего героя, наткнулась на позицию молодого поколения, которую привожу без купюр: «Трезвый и здоровый образ жизни — выбор молодёжи Северобайкальска. Раскрыта роль алкоголя и табака, в ряду других наркотиков, как средства управления обществом — оружия геноцида. По силе воздействия оно имеет более тяжкие последствия, чем прямая военная агрессия! Поскольку калечит не только нынешнее, но и будущие поколения нации, допустившей свою алкоголизацию посредством ору-

жия информационной войны – навязыванием ложных идеалов, стереотипов, чуждой культуры...

Мы подобны тараканам, которые покупают дихлофос на собственные заработанные гроши!»

Ну что тут добавить?

2015 год

Комедия с трагедией. Из цикла «Мои соседи»

Во все времена русский мужик любил выпить, независимо от регалий и положения в обществе. Когда обозначаю «русский», то указываю не на национальную принадлежность, а ментальность, привязанную к месту проживания: «мой адрес – не дом и не улица, мой адрес — Советский Союз».

«Уж сколько раз твердили миру...»

Случилось это в самый застой – начало семидесятых, когда все верили в своё светлое будущее.

...В очередной раз после заседания партхозактива собрались мужи города отметить это славное дело. «Принято на грудь» было немало. По домам расходились, кто как мог. Поскольку Городок был маленький, компактный, даже по меркам районного масштаба, а городское начальство не было ещё избаловано персональными автомобилями с водителями, то все шли пешком. Кто-то бодренько дошагал до дома. У кого-то хватило сил зайти к любовнице, а потом и жену приласкать, чтобы никого не обидеть. Но один «боец алкогольного фронта» всю ночь находился вдали от дома.

...Ранним летним утром его жена побежала к молочнице, у которой брала свежее молоко для ребятишек. Пройдя метров триста, повстречала соседа, почётного пенсионера города, поздоровались. Время поджигает: хотела грядочку прополоть, завтрак и обед на день сыновьям приготовить. Да и мысли не выходят из головы: где её ненаглядный на этот раз задержался, на каком парт.хоз.активе? Ей бы дальше бежать, но сосед, как на грех, не отпускает, стоит, мнётся, что-то сказать хочет, да видно стесняется:

— Не серчай, Олимпиада Андреевна... Я это... по-соседски... Сказать тебе хочу... Ты только не обижайся на меня, но что-то с твоим Герасимовичем неладное творится. Ты бы присмотрела за ним...

— Да что с ним творится. Весь в делах, да попойках. Сегодня опять не ночевал дома, наверное, к какой-нибудь налево завернул – заблудился!, – ответила Андреевна и, собралась, уже было, бежать дальше.

— Да нет, не у любовницы он, а ещё непонятнее...

— ???

— Спит он...

— Пусть себе спит! Проспится — придёт, — в сердцах воскликнула женщина.

— Только поза у него какая-то странная для сна, да и место неподходящее?, — опять не унимается въедливый сосед.

— Ну, что там ещё, говори быстрее, а то вон как солнце высоко поднялось, — а сама подумала, уж не хитрит ли сосед, когда-то при наличии здоровья и сам был не прочь опрокинуть стопку-другую с её ненаглядным.

— Да пойдём, сама посмотришь, — наконец произнёс он фразу, ради которой и остановился.

Прошли они совсем немного, как появилась городская ограда, отлитая мастерами чугунных дел ещё в тридцатые годы, с серпом и молотом и прочими атрибутами советской символики. И только в десяти метрах от ограды, в густых зарослях лопухов и тополеи увидела до боли знакомые брюки, натянутые на филейную часть её мужа. Стоял он на коленях, с просунутой между чугунными прутьями ограды головой, которую неудобно пригнул на горизонтальной перекладине, и ...спал, похрапывая.

Гамма эмоций пробежала по лицу жены: от стыда, брезгливости до ярости и негодования. Но делать нечего...

Вернулась домой, вызвала по телефону аварийную службу, сообщила на работу мужу, а заодно и свою, что задерживаются, мол. И, захватив в бутылке из-под растительного масла воды, вернулась к горемыке. Он по-прежнему сладко посапывал, не поменяв позы. Разбудила его, напоила водой.

Дождались спасателей, которые высвободили из заточения мужа, распилив прутья ограды.

Солнце уже высоко поднялось. Проходят мимо горожане, спешат на работу, в детские сады с ребятишками, спортсмены бегут на тренировки, бабушки вышли на солнышке погреться, обсудить события в стране, в мире и в соседнем дворе. Последние их особенно интересовали.

А вот и тема для обсуждения образовалась...

«Я была готова со стыда провалиться», – вспоминала позднее Андреевна, горестно вздыхая.

Как потом, посмеиваясь, рассказывал наш герой, чувствуя себя в центре внимания, он уже прошёл ворота той злополучной ограды, но засмотрелся на красавицу-луну, которая зазывно висела на небосклоне. Вспомнил, как проводил такие же лунные ночи со своей ненаглядной женой. Голова закружилась, и он, потеряв ориентацию в пространстве, повернулся в сторону ограды и начал искать в ней проход. Долго искал, всё больше удаляясь от ворот. Не найдя его, пошёл напролом, то есть сквозь ограждение. Имея большие уши, прижатые в лицевой части и оттопыренные – в затылочной, он просунул голову через ограждение без особого труда. А туловище не прошло. Назад, да не тут-то было, уши не пускают. Ограда для крепости была зафиксирована горизонтальными стяжками вверху и внизу, поэтому, как ни пытался, но самостоятельно выбраться Герасимович из невольного заточения не смог. На рассвете его сморил сон... Он так и спал до прихода жены. А горожане проходили мимо, стыдливо отворачиваясь и не решаясь разбудить «слугу народа»...

До самого развала СССР простояла ограда с зияющим проёмом, пока не утащили её на металлолом «чёрные искатели». И всякий раз, проходя мимо, свидетели тех событий вспоминали эту «комедию с трагедией», пересказывая её тем, кто был рядом.

P.S.: Кстати, повестка того парт.хоз.актива звучала не иначе, как «Борьба с пьянством на рабочих местах».

2015 г.

О времени и о себе

Время мчится на колеснице. Его не остановить.

Время – понятие субъективное. Чем старше становимся мы – тем быстрее летит Его Величество Время. Как бесконечно долго тянулось оно в моём глубоком детстве, особенно в ожидании праздников. А что с ним случилось сегодня? Даже тяжёлые трудовые будни пролетают, словно придорожные столбы мимо окон скорого поезда. Самый тяжёлый, грустный, печальный в ожидании начала недели день – воскресенье после обеда пролетает для меня, как и все прочие, даже пятница. Пятница с утра – уже радость – дорабатываю день, и впереди два выходных. Какое блаженство!

Разменяв седьмой десяток, понимаю, почему с возрастом как-то незаметно угасает желание украшать дом перед праздниками, волноваться, с нетерпением желать скорейшего приближения оных — просто с возрастом понимаю, что сама жизнь на Земле есть величайший из праздников, и надо уметь наслаждаться каждым её мгновением, даже «воскресеньем после обеда».

А что же наша матушка-Земля? И она имеет обыкновение стариться. А значит и у неё время – понятие субъективное: чем старше, тем быстрее вращается вокруг своей оси. И мы – вместе с нею. А буквально на днях прочитала информацию о том, что в связи с глобальными изменениями климата, потеплением и таянием ледников, идёт некоторое замедление вращения Земли вокруг своей оси, увеличение суток. Правда, на целую секунду увеличится продолжительность суток только через миллиард лет. Значит, за год на 365 секунд, или 6, 08333333... минут. Но нас и это обнадеживает. Поживём – подождём...

2015 г.

Настроение уходящего лета

В парке старой части города уже появился запах прелой листвы – признак первого приближения осени. Хотя на календаре только-только началась вторая декада августа. Интересны погодные условия в Сибири: в прошлом году до середины июня по температурному режиму была ранняя весна. И буквально в одночасье — в ночь с 13 на 14 июня началось нещадно жаркое лето. Сибиряки старались ухватить каждый час, каждый день его, опасаясь, что в любой момент, понятный только сибирской природе, может благодатное лето взмахнуть крылом и скрыться до следующего июня. Но этого не происходило ни в июне, ни в июле. Вот уже и август наступил, а у нас по-прежнему было настолько тепло — жарко, что даже в редкие дожди температура воздуха кратковременно опускалась на 2-4 градуса, а потом вновь взлетала на небывалую для нашей местности высоту. И так было славно, что на озере Круглое кувшинки зацвели, чего старожилы не могли припомнить. Как позже выяснилось, не только на Круглом, но и на всех водоёмах окрест. А это значит, что не только температурный режим, но и экологическая обстановка выше всяких похвал. И так радовало нас то прошлогоднее лето до конца августа, когда даже не моржи купались накануне первосентябрьского праздника.

И текущее лето, вернее, второй месяц весны нам преподносил приятности. День Победы 9 мая как никогда был комфортно жарким. Если учесть, что за последние пятнадцать лет такое случилось третий раз (2001, 2008 и 2015 гг, т.е., через каждые семь лет), то можно сказать, что — это закономерность: один раз в семь лет природа щедро дарит нам погоду 1945 года. Так утверждают старожилы, а они хорошо помнят тот победный майский день.

Практически весь май, а за ним июнь дарили нам щедро крымское тепло. Хотелось бы его продлить бесконечно, хотя

бы до середины сентября. Но "не всё коту масленица", вот и нам — погодный пост наступил. Если в середине июля дожди перемежались достаточно высокой температурой воздуха, то ближе к завершению первой декады августа частыми гостями стали утренние туманы. И температура взяла за правило опускаться до десятиградусной отметки в раннеутренние часы.

С нетерпением, приближённые к гидрометбюро заглядывают в долгосрочные прогнозы: а может ещё придёт то летнее крымское тепло, когда и ночью термометры будут зашкаливать двадцатиградусную отметку. Может быть, а может и не быть. Поживём — увидим. А пока радуемся редкому солнышку из-за туч, дождям: то с яростным ветром, то тихим грибным.

Да. О грибах. При такой погоде их в лесу сейчас прова. На любой вкус для самого изысканного гурмана. Знай не ленись да имей здоровье нагнуться за спрятанным в траве подберёзовиком, укрытым опавшей прошлогодней листвой груздем, царём всего грибного семейства — белым грибом. Наберись терпения почистить и обработать их. А главное — крепкое здоровье и официальное разрешение гастроэнтеролога — чтобы с превеликим удовольствием как-нибудь за столом и в честной компании с отварной картошечкой...

2015 год

Не благодаря, а вопреки...

Соседская девчонка была так себе – ничего. Вернее, ничего привлекательного себе не оставила, всё раздарила по щедрости душевной своим двоюродным сёстрам и братьям, которые удались на славу. А она – конопатая, большелобая на поллица, с двумя крысиными хвостиками-косичками. Сколько её помню – коленки всегда сбиты до не проходящих корост.

Выросли, разъехались. Я уже и думать забыла о существовании Конопатой, так её во дворе кликали. И ведь отзывалась же...

Иду как-то по улице южного городка, разомлела от непривычно тёплого солнца, морского бриза, отпускного ничегонеделания. Счастье... И вдруг до боли знакомый голос: «Привет, землячка! Как тебя сюда занесло – ветром отпуска или трудовых будней?»

Передо мной стояла элегантная женщина без возраста. Я сразу почувствовала свои лишние килограммы, так и не согнанные перед отпуском, но ещё больше – свои глубокие морщины, получившие постоянную прописку на моей загорелой физиономии, словно следы боёв прошедших лет. Возраст Конопатой выдавала, да нет, скорее, подчёркивала его достоинство, мудрость, струящаяся из глаз. Статная, элегантно одетая, не смотря на южную жару, с причёской на голове – волосок к волоску. Узнала я её только по голосу, который не меняется с годами.

Ахи-охи, — как всегда в таких случаях бывает.

Воспоминания...

Она пожертвовала своим обеденным перерывом (ограничилась стаканом сока), да и я — не располагала свободным временем, ждала автобусную экскурсию.

В разговоре узнала, что работает Конопатая (как-то и неловко её теперь так называть), ни много ни мало, в Департаменте культуры края, курирует изобразительное искусство.

Уже прощаясь, мы вспомнили с ней историю, часть которой была покрыта её тайной детства.

Мы, недоедавшие восьми-десятилетние заморыши рождения послевоенного, знали цену любой сладости. Это из того времени кем-то придуманная присказка:

— Мама, купи мне конфеты «Золотой ключик»...

— На тебе, дочка «Железный ключ» — и подаёт кулёк из серой обёрточной бумаги с круглой карамелью в сахаре «Крыжовник», о которую не только наши молочные зубы ломались, но и отцовы металлические крошились.

Но даже при таком раскладе мы тянулись к красоте и уюту. Думаю, больше всех из нас хотела эстетики Конопатая, девочка с отторгающей внешностью.

Каким-то путём, сэкономив на школьных перекусах, походах в кино, она завладела неслыханным капиталом — 60 копеек. Это даже не полтинник, а на целых 10 копеек больше! Что можно было приобрести на эту сумму в далёкие 60-е? Двести граммов шоколадных конфет или полкило карамели, четыре порции шоколадного мороженого в стаканчиках или 750 граммов фиников. Когда в доме не всегда сахар бывает, а лакомством на последней неделе перед зарплатой родителей бывает ломоть серого хлеба, сдобренный растительным маслом и присыпанный крупной солью («Экстра» хранилась для торжественных случаев), эта чудачка пошла в «райпушку» — магазин райпотребсоюза и купила там... набор картин русских художников XIX века на мелованной бумаге формата А3. С каким трепетом она перекладывала эти репродукции, любуясь красками. Показывала их во дворе, но не всем, а только тем, в понимании кого была уверена.

Мы, сопя носами, восхищались Поленовским «Заросшим прудом», содрогались от «Княжны Таракановой», жалели «Детей, бегущих от грозы». Чувствовали на языке вкус винограда, рассматривая картину Карла Брюллова «Итальянка, снимающая виноград». И даже известное по обложке «Родной речи» 3-го класса «Утро в сосновом лесу» Шишкина видели иначе, чем на уроках чтения. С каким таинством разглядывали девушек «За ворожкой». Все картины произвели на нас восхищения, даже «Ворожба». Но мы недоумевали, почему здесь, среди этой немислимой красоты, находится картина какого-то Петрова-, да ещё (фу!) -Водкина. «А пацаны-то голые...» — разочаровано протянула одна из сверстниц, у которой было четверо братьев, и все мал-мала меньше. Это зрелище её озадачило — зачем тратить краску и бумагу на то, что и так её окружает каждый день в очень неприглядном виде, особенно когда меняет грязные штаны будущим защитникам Отечества, как любовно называет своих сыновей папка.

Вот этот Петров- да ещё и -Водкин стал поводом домашнего скандала. Мать, строгих правил женщина, покачала головой, узнав цену искусству. Просмотрела все репродукции.

А на последней взгляд матери потемнел. «Не рано ли ты об этом задумалась?!», – словно пощёчину отвесила. С ожесточением смяла «мальчишек» и бросила в угол, поближе к печной дверце. А потом сидела некоторое время молча, опустив усталые плечи и сложив, натруженные от непосильной работы, руки. Что-то не укладывалось у неё в голове...

А Конопатая ещё больше стала интересоваться изобразительным искусством, читать книги, писать свои наблюдения. Наступила пора определяться с профессией. Зная, что её не поймут ни в семье, ни в обществе, получила вполне земную и почётную в то время профессию учителя истории. Защитила кандидата наук по истории искусства эпохи Возрождения. Прошла свой профессиональный путь от пионервожатой до Краевого Департамента культуры, не расставаясь с изобразительным искусством. Сама никогда не держала кисти в руках, но с лёту могла прочесть лекцию по любому разделу живописи, сделать качественный анализ художественной работы современности и безошибочно назвать автора любого полотна.

Смеясь, на прощание заметила: «Ещё не известно, как сложилась бы моя судьба, если бы не мамина жёсткая оценка работы Петрова-Водкина? Я ведь после того случая поклялась себе, что буду знать об изобразительном искусстве всё!»

И, похоже, слово своё она сдержала...

2015 год

Не одного поля ягоды

Как же она, комсорг класса, секретарь комитета комсомола школы, в которой обучалось 1976 учеников, ненавидела своего одноклассника, а точнее не понимала его. Возмутитель спокойствия, для которого не существует авторитетов, он отличался от детей советской эпохи постыдной расчётливостью, доходящей до открытой жадности, циничным отношением к женщинам. Последнее как раз можно понять:

мать у него пила, пила по-чёрному. Остановить её мог только отец. Если отмотать историю семьи, в которой рос Витька, к истокам её создания, то можно понять истинную причину материнских запоев — постоянные похождения отца «налево», а потом хвастовство об этих похождениях в компании за столом. Нет гарантии, что своими сальными рассказами отец — Виктор Викторович достигал «высшего пилотажа» в своих сексуальных утехах с женой. Цинизм отца перехлёстывал все границы. В своём самохвальстве он желал, чтобы в семье его было всё, вплоть до «живой воды», но не по причине заботы о жене, троих детях, а исключительно с позиций вызвать зависть у соседей, показать своё «Я». Поэтому воспитание наследников сводилось к насыщению их материальными ценностями и формированию у них себе подобных качеств. О своих детях Виктор Викторович говорил так: «У меня ОДИН сын! Остальные бабы», — включая в слово «остальные» двух дочерей и пьющую жену. Он и назвал сына по своему образу и подобию: Виктор Викторович.

Какими достоинствами обладала его одноклассница, кроме честности, принципиальности, преданности? Худенькая, невысокого роста, но с ладной фигурой, которая и спустя десятилетия, не потеряла своей привлекательности и внимания мужчин. Как она мечтала в детстве о длинных густых волосах, которыми были награждены все её подруги. Но, чего не было, того не было. А вот именем своим гордилась всегда. Необычное для середины XX века средней полосы страны советов. «Марианна», — представлялась она с гордостью при знакомстве.

Жили все одноклассники по соседству. Жизнь была на виду. Общая водо-колонка, из которой носили воду в квартиры. Туалет по типу «сортир М-Ж» Этот водо-слив обслуживал два восьми квартирных дома и четыре барака. В каждой из квартир проживало от четырёх до восьми человек.

Поэтому не только было известно, в каком подпитии возвращались домой взрослые, но и то, кто страдает проблемами ЖКТ. Любопытные деточки в летнюю пору от

безделья устно просчитывали, кто из соседей и сколько раз посещает «белый домик». Об американском Белом доме понятия не имели, а сортиры в целях дезинфекции два раза в год белили известью, сначала щётками, а позднее из пульверизатора работники ЖКХ.

У взрослых были свои заботы. Отцам – как бы удачно спрятать заначку от своих жен, а женщинам – как растянуть две зарплаты, свою и принесённую кормильцем, на месяц. Здесь уже матери применяли математические расчёты выше интегралов и алгоритмов. Куда там Софье Ковалевской с её высшей математикой.

В такой среде Марианна росла с мечтой вырваться из этого житейского круга на более высокий уровень существования. Как слабый росток в пустыне стремилась она ввысь. Первая среди всех подростков той поры своего округа поступила в университет, закончила его и работала по специальности. Не принимала пьянство во всех его проявлениях, курение, сквернословие. Она сама себе поставила условие: быть, пусть и не богаче материально, но чище и выше помыслами.

И вот она, Марианна, как-то удосужилась в студенческие годы влюбиться в Витьку, да так, что жизни без него не помышляла. Все были против: её родители на коленях умоляли отречься, её друзья-подруги по школьному детству, учителя — в шоке. А им вдвоём было сладко-хорошо. Да недолго. Гулящим был Витька до невозможности. После их нескладной свадьбы с первого дня начал напевать по вечерам, собираясь только ему ведомо куда: «пора-по-бабам-пам». Она страдала, рыдала, винила себя во всём. Родилась дочка...

«Мне лишняя баба в доме не нужна. Иди-ка ты отсюда с ней», — и он, отправив Марианну к родителям, умудрился с малолеткой полюбить, да так, что и там ребёнка ждали. Развод и очередная свадьба, во время которой жених умудрился кухработницу столовой, где свадьбу играли, удовлетворить в подсобке. И та понесла от него, а может быть не от него? Но, вот что странно, все родили по девчоночке. А парнишек в его семье так и не случилось.

Марианна с дочкой в другой конец страны уехала, ближе к тёплому морю, чтобы не пересекаться с горе-отцом ребёнка. Живёт, как может...

А Витька, как ему и предсказывали, откармливает свиней на своём подворье, гонит самогонку, лепит пельмени – вот и вся его радость – радость чревоугодия.

Развела их жизнь в разные стороны, потому что они были «не одного поля ягоды».

2016-2017

Отцова памятка детства — из песни слов не выкинешь

Каждое первое сентября отец такими стихами из своего детства провожал меня и сестру в школу:

*Дети! В школу собирайтесь.
Петушок пропел давно!
Попроворней одевайтесь -
Смотрит солнышко в окно.
Человек, и зверь, и пташка -
Все берутся за дела:
С ношей тащится букашка.
За медком летит пчела.
Ясно поле, светел луг,
Лес проснулся и шумит,
Дятел носом тук да тук!
Звонко иволга кричит!
Рыбаки уж тянут сети.
В поле трактор тарахтит...*

А дальше шла запинка и отцово обескураживающее: «Забыл...»

Забутые им последние две строчки мне не давали покоя. Я сама пыталась их пририфмовать, но ничего не получалось. Да и эта строка «в поле трактор тарахтит» выпадала из общего ряда. От неё веяло грохотом, моторными выхлопами, гусеницами, безжалостно травмирующими чернозём.

А почему осенью «трактор». Может быть, зябь поднимал?

И уже много позже, в век компьютерных технологий, я нашла эти строки в их первозданном виде и узнала, что во-все не «в поле трактор тарахтит», а, только вслушайтесь, как тонко и деликатно, словно боясь разбудить природу в праздничное утро – «на лугу коса звенит». Но как советский народ мог вернуться к сохе и косе, если мы «железным конём все поля обойдём, уберём, и засеём, и вспашем» — а в жизни всё наоборот...

И далее, те строки, которые по своей «забывчивости» не произносил отец:

*Помолясь, за книгу, дети!
Бог лениться не велит!*

Всё до последней строчки помнил мой дальновидный папа, которого жернова сталинской инквизиции только коснулись своим чёрным крылом, дохнули холодом, но чудом не втянули в своё жерло и не уничтожили. Это случилось ещё до его знакомства с мамой. И так бы ни меня с сестрой, ни наших детей и внуков не было на свете, и прервалась бы цепочка нашей семьи, как миллионов других советских семей.

Уже 47 лет прошло с моего последнего школьного первого-сентябрьского утра десятого класса, но, как и прежде, в первый день сентября вспоминаю эти строки. И пусть родители давно ушли из жизни, не оставив мне в наследство ни яхт, ни дворцов, ни других капиталов, зато всё богатство моей памяти всегда со мной, и ни какой девальвации не подлежит, а только дорожает год от года!

Вспомнила, поразмышляла... Пора и в школу, на очередную в моей жизни 39-ю учительскую встречу с учениками, родителями, и конечно, коллегами. Жизнь продолжается...

«Дети! В школу собирайтесь».

2016 г.

Папины уроки нашей истории

Родители, понимая, в какое время живём, всячески оберегали нас от необдуманных слов и мыслей, но и не могли допустить, чтобы мы выросли нехристями, «Иванами, не помнящими родства». И как-то так получалось, что в преддверии праздников ненавязчиво ими давались уроки истории страны с обязательной моралью в завершении. А мы — малолетки слушали, затаив дыхание. Вот бы такие уроки сегодня, да хотя бы один — в учебной четверти, минуя обязательную учебную программу, и вне всяких ЕГЭ-шных требований. И чтобы рассказчик был такой, как мой отец.

Это от него я узнала имена основателей научного коммунизма и услышала первую фразу из Манифеста коммунистической партии: «Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма» в шесть лет. Это папа рассказал, как он служил на Дальнем Востоке, воевал с милитаристской Японией, где и завершил Вторую мировую в сентябре 1945, как охранял Маршала Советского Союза Родиона Яковлевича Малиновского.

После победы на западном фронте он был переведён на Дальний Восток. Там в ходе советско-японской кампании принял командование Забайкальским фронтом, прорвался через пустыню Гоби в центральную часть Маньчжурии, довершив окружение и полный разгром японских войск. Малиновскому за эту операцию было присвоено звание Героя Советского Союза.

На благодатную почву моей девственно чистой памяти легли эти события и навсегда там закрепились. Харбин, рикши, колодки для женских ножек, всё это мне стало известно из папиных уроков. Подробнейший рассказ папы о его работе военным курьером, перевозке секретных пакетов в Министерство обороны в Москву, о посещении Мавзолея вождя сформировали во мне образные картинки. Они и по

сей день являются очень яркими и самыми памятными из всей истории, которую позже пришлось осваивать в школе и в институте. А ещё из его рассказов я точно знала, что в 1980 году советским народом будет окончательно построен коммунизм...

2016 г.

Паля Лёнька

Лёнька был в семье последышем, как отец его звал, поскрёбышем. Наверное, потому, что не хватило Лёньке материала родительского на две полноценные ноги. Да и ростом невелик – «метр с кепкой в прыжке». А какой может быть прыжок, если одна нога короче другой на пару дюймов. По этой причине был «годен к нестроевой». Рано осознал выгоду своего положения. Ещё в школе, отвечая плохо выученный урок, тянул время: где надо и где не надо через слово добавлял «паля». Так его и звали в глаза и за глаза «Паля Лёнька».

Пока старшие братья воевали на фронте, он — 14-летний, остался сиротой. Родители умерли в одночасье. Сестрёнка, чуть постарше, замуж вышла, и уехала с мужем на заработки. Братья, узнав о кончине родителей, решили не обижать младшенького, оставили родительский дом Лёньке. Стояла избушка на самом берегу реки, поэтому была опасность весеннего подтопления. Крыша покрыта древесной корой. Стены, когда-то конопаченные мхом, с годами утратили своё первоначальное значение — хранить тепло. Две комнаты были разделены дощатой перегородкой, дверь открывалась на улицу. Ограды вокруг дома не было.

Жалели Лёньку на работе в колхозе. Старались облегчить тяжёлый крестьянский труд. Летом в пастухи пристроят. А к такой должности полагалась лошадёнка, плащ-дождевик, краюха свежеиспечённого в колхозной пекарне хлеба, кружка молока. По сезону овощи: редиска, зелёный лук, огурец, турнепс, морковка. Всё шло в ход. А зима приходит, он всё больше в конюшне колхозной пропадает. Где почешет ло-

шадиные бока, где пристроит торбу с овсом к морде. Да всё с ласковым словом, прибауткой. И ведь всегда работоспособность проявлялась аккуратно на глазах у начальства. Вот и получалось, что по итогам года у Лёньки было не меньше трудодней, чем у доярок. И на печке выпится, и при деле, и при трудоднях. И всегда дрова привезёт для обогрева своей избушки: лошадь запряжёт, пока начальство в разъезде, и — в лес, который подходил вплотную к деревне.

Даже при дефиците мужского населения в послевоенные годы Лёнька долго холостяковал. Единственная поездка его в Улан-Удэ завершилась возвращением с невестой, у которой на тот момент было двое детей от разных мужчин. В школе тетради учителя подписывали по фамилиям на основании метрик о рождении. Но Лёнька, увидев такое, враз восстановил справедливость. На всех тетрадях зачеркнув фамилии детей, написал свою. А когда учителя школы пришли домой для разговора, он заявил: «Дети живут со мной, паря, значит они мои, и фамилию будут носить мою, паря!» Учителя отступились. А сын и дочь так и числились по журналу на фамилиях своих биологических отцов, а по рабочим тетрадкам — на Лёнькиной фамилии. Жена Лёля на голову ниже Лёньки, кругленькая, спокойная. В хозяйстве нерасторопная, как колхозные бабы говорили: «Мокрое горит». Другие хозяйки уже коров подоят, выгонят в поле, печь протопят. На загнётке стоит чугунок со щами, упревает каша. В дальнем потаённом углу печи — большая глубокая сковорода. А в ней, как на подбор, караси залитые молоком, томятся. И бегут бабы на колхозные работы до вечера. За обеденным столом не всегда семья встречалась вместе. Вот и кормились дети да старики весь день тем, что хозяйка с утра приготовит.

А Лёля поднималась с постели не раньше десяти часов. Летом «позволяла Солнышку встать раньше себя». Лёнька к десяти на конюшню, дети к двум часам в школу. А на печи у хозяйки только-только вода в чайнике закипает. Ломоть хлеба, сдобренный постным маслом, да крупной солью, вот и весь завтрак и обед. К вечеру появлялся незамысловатый

ужин на столе. И вот что удивительно: никто не болел, даже маленькие, от Лёньки родившиеся сынок и две дочки.

Коммерческие способности у Лёньки проявились, когда вся страна достраивала социализм. Вроде как слегка хромой, чуть-чуть придурковатый, и всё ему с рук сходило. Начинался сенокос. Наш коммерсант всем растрезвонит, как много он сена накосил.

— А коровенки-то нет, ещё в прошлом году пришлось заколоть из-за отсутствия корма. И куда теперь эту прорву сена девать. За полцены бы отдал – не пропадать же добру.

И находились поверившие Лёнькиным сказкам.

— Так давай, паря, куплю, коли лишнее...

— Там копёшка на заливных с краю стоит, такая ладная. На лодке поплывёшь, из-за поворота видно будет. Мне много-то за неё не надо, половину цены, и на том спасибо.

Так эту копёшку, единственную, Лёнькой поставленную, у него вся улица покупала.

Потом Лёнька только успевал отвечать, да ещё и журил нерасторопных хозяев:

«Чего сидели, ждали, паря, когда ваше сено увезут. Кто поторопился, тот и с сеном. А я не виноват, что долго спите».

И ведь ни один раз такой обман ему с рук сходил.

Мечтателем Лёнька был, каких поискать: «Мои братья повидали белый свет от Берлина до Харбина, а я за них здесь отдувался, дом родительский охранял. И зачем мне это надо!».

Собрал он своё многочисленное семейство, к тому времени уже пятеро детей было, жену Лёлю, заколотил избушку, и поехал в Кяхту, что стоит на границе с Монголией. Сельчане уговаривали: «Одумайся, на верную погибель детей везёшь». В начале семидесятых ещё были свежи в памяти народа события 68-го года на Даманском.

— У меня, паря, берданка есть, я же белку в глаз бью. Смогу дать отпор, если полезут.

Там он устроился в артель грузить и перевозить лес в Монголию. Как он это делал, остаётся загадкой. Но только в

эти несколько лет семья жила более-менее обеспечено. Лёля по-прежнему спала до обеда. Дети подрастали. Старшие отделились.

А в середине семидесятых пришло от детей письмо в колхоз с просьбой помочь:

«Папу придавило бревном во время погрузки леса. Теперь он в больнице. Мама работать не умеет, так как она никогда не работала. А нам есть нечего. Мы отправили письма братьям папиным. Ждём от них посылками. Но живут далеко. Ждать долго. Папа говорит, что колхоз обязан нам помочь, ведь мы свой дом ему оставили, а недвижимость с каждым годом дорожает.

Вот так коммерческая жилка от Лёньки его детям перешлась...

2017 год

Предсказание

Незатейливость её повествования и суждения о своей жизни притягивала слушателей с первой фразы. Это от бесед с нею обогатился мой словарный запас. Говоря о человеке бескорыстном не только в своих действиях, но и помыслах, добавляла: «Желанный...». Но могла здесь же образумить грубого, нетактичного в выражениях человека: «Какой ты нежеланный!». Это – высшая степень её ругательства.

Баба Маня была дородной старухой, крупная в кости, с толстой длинной русой косой. Всегда улыбчивая, в темной юбке, как сейчас принято говорить «в пол» и светлой в горошек кофте свободного покроя. Именно – кофте. По иному верхнюю часть повседневной одежды женщин в СССР не называли. И неизменными завершающими атрибутами туалета были головной платок и фартук – необходимый женщинам, занятым хозяйством в доме, во дворе, на огороде. Фартук яркий, как в то время говорили – кержацкой расцветки, часто сшит из разных лоскутов ситца, с обязательными карманами. В тех карманах чего только не было. Баба Маня научила сво-

им примером мамаш в нашем околотке* тому, что в карманах её фартука всегда хранились то пряничек, то шанежка, то ранний овощ, яблочко или сухофрукт какой. Этим она могла со своими дочерями, а позже с внуками, из любой ситуации выйти достойно. Только увидит малыш у кого-либо из сверстников вкусноту в руках, и не успеет начать канючить-просить – мама-бабушка рядом и сразу же, как по волшебству, из кармана фартука появляется что-то вкусненькое.

Когда бабу Маню дочери обряжали в последний путь в заготовленный заранее наряд, то отказались от фартука, который, как и всё прочее, был заготовлен хозяйкой обстоятельно и заранее, мотивируя это тем, что «мама и в этой жизни наработалась за десятерых, пусть там отдохнёт». Не знаю, как баба Маня к этому отнеслась бы?..

Сколько помню её, никогда не присядет, вся в делах, в заботах. Коровы, свиньи, куры, гуси – всё на ней. Как-то я в дошкольном возрасте спросила о том, когда у неё отпуск? Ответ меня обескуражил: «Я же не заработала не то что отпуск, но и пенсию. До пятидесяти лет жила и работала в колхозе. А колхозный стаж не засчитывается. Муж и в колхозе был передовик, и здесь на руднике его сразу взяли на работу. И пенсию начислили, приплюсовав фронтовые годы. А меня уборщицей держали до пенсионного возраста на руднике. Вот только Брежнев велел дать пенсию колхозникам».

Рассказчицей она была удивительной. Как бы невзначай, фраза за фразой лилась её речь, и уже невозможно было отвлечься на другие мысли.

Жила Маня с отцом, мать умерла, едва ей исполнилось девять лет. В школе учиться не пришлось. Уже за мать под корову садилась, у плиты стояла, да и огород был на ней, пока отец работал на лесозаготовках. А с четырнадцати лет была первой помощницей отца в лесу: топором орудовала как заправский лесоруб. Приходилось наравне с взрослыми мужиками тягать срубленные деревья на сани – зимой, а летом – поднимать на телегу. Там и «насадила свои внутренности».

* здесь, по Ожегову, «окружающая местность, окрестность»

В положенное время вышла замуж за деревенского хлопца Семёна. А когда пришла пора рожать детей, то по причине этой самой «надсады» первые девять беременностей выносить не могла. Лишалась потомства на седьмом месяце. Наконец, в марте 1931 года появилась на свет девочка с ласкающим слух, но непривычным для тех мест, именем Валя. Неизвестно, как бы завершились роды после двухдневных мук роженицы, если бы не проходившая мимо бабка, которая, как выяснилось позже, оказалась повитухой. Увидев во дворе Семёна, трясущимися руками запрягающего колхозную лошадёнку, спросила:

— Чего случилось-то, на тебе лица нет?

— Да, Маня разродиться не может второй день, не знаю, успею ли до Троеглазовки к фельдшеру довести. Уже и дышать у неё сил нету.

Пока он запрягал, бабка зашла в избу, да вскоре оттуда и вышла со словами:

«Иди, горе-отец, принимай девчонку. Давно бы меня окликнул. Всего и делов-то, развернуть плод. Приподняла я твою Маню за ноги, да встряхнула пару раз, а потом ещё и рукой поправила: ногами вперёд шла. Много в жизни ей придётся ходить, и всё неторными дорогами. Ты с ней постройже будь, знать своенравной девка вырастет».

Вот так по течению родов определяли и характер, и судьбу младенца.

И редко ошибались.

Опять перерыв в десять лет. И в аккурат за неделю до начала Великой Отечественной родилась вторая дочь. Пока оправилась после родов, дошла до сельсовета в Троеглазовке, муж уже подъезжал к фронту. Вот и назвала дочку в надежде на нашу победу – Надя. А грудью её кормила до семи лет, как и многие матери того голодного времени.

В сорок пятом пришёл Семён с фронта, на удивление, даже не царапнут пулей вражеской или осколком, не контужен снарядом. В пехоте прошёл от Смоленска через свою историческую родину – Украину, «побывал в гостях», как он

сам говорил, у поляков, расписался на Рейхстаге. А домой привёз с того похода много впечатлений и пару грязного солдатского исподнего.

— Думала, что так и будет у меня две дочки. А тут послевоенная радость: в декабре 1947 года отменили карточную систему, а у меня фельдшерица отменила женскую принадлежность и добавила старушечью – климакс. Живу я себе с ним. И вот он – этот самый Климакс – начал подавать признаки жизни, и, аккурат, через девять месяцев появился на свет. Третью дочь называли именем русской княгини – Ольга. Удалась она и умом, и красотой, несмотря, что поскрёбш. И брак у неё удачный. А баба Маня все годы жизни кручинилась, как бы успеть дочь вырастить. Позже хотелось внуков от младшенькой увидеть. А когда родился у Ольги первый сын – это был четвёртый внук бабы Мани, та не на шутку встревожилась его умом и рассудительностью, не по годам. Сетовала мне в разговоре: «Наверное, он не жилец на этом свете. Такие умные люди долго не живут...»

Вырос её Олеженька, получил образование, женился, уже и у самой старшая дочь ВУЗ закончила, сын достиг тревожного подросткового возраста. Бабы Мани уже не было в живых двадцать лет. Но предсказание её сбылось: умер Олежек в неполные сорок пять, с диагнозом, который при жизни поставили медспецы, как в том фильме «За спичками» — «обыкновенная болезнь у него была: болел, болел, да и умер...».

2015 г.

Рикардо — человек Мира

Тук-тук, тук-тук, тук-тук, – мирно отсчитывает километры фирменный «Томич», приближаясь к Новосибирску. Может быть, сейчас зайдёт пассажир на удобное место в купе? Это из-за него мне дали только одно нижнее место, а не два, как хотелось бы. Ехать недалеко – от Томска до Тюмени, но две вторых полки – многовато на троих.

Стоянка в Новосибирске 30 минут. Уже отправление дали, когда в проходе появился молодой человек лет эдак 25-26, необычной наружности. О-очень высокий, худощавый, с окладистой иссиня-чёрной курчавой бородой. Главная достопримечательность – художественная татуировка на левой ноге. От стопы уходит под шорты сюжетная картина: то ли библейский сюжет, то ли сюрреализм Сальвадора Дали – пристально разглядывать неловко было. На спине – станок – огромных размеров рюкзак, впереди тоже рюкзак, но чуть поменьше. И это был весь его багаж.

Остановился он в недоумении перед двумя числами, размещёнными над нижней полкой: 15 и 16. Посмотрел на присутствующих с доброжелательной улыбкой и что-то вопросительное произнёс. Я поняла: у него какое-то из двух мест, а какое – он не может определить. Это мы, живущие в России (читай «в СССР»), знаем, что «нечёт» — нижняя полка, а «чёт» — верхняя – такая неудобная для пассажиров преклонного возраста. Прихожу на помощь новому соседу по купе. Разъясняю на пальцах, показывая на число 15 и на нижнюю полку, на – 16 и на верхнюю. У него приветливая улыбка не сходит с лица. Смотрит на нас вопросительно-уважительно. Мы — соответственно ситуации. Я и муж учили немецкий язык «понемногу и как-нибудь» более пятидесяти лет назад. «Ну, что, — обращаюсь к внучке: «Надо как-то разрядить ситуацию. Из нас троих – ты в английском знаток. Вспоминай, что усвоила в Центре обучения иностранным языкам «Толмач» – выручай и нас, и соседа по купе».

У внучки завязался разговор, из которого мы узнали, что Рикардо, как и папа внучки – наш сын – работает журналистом на радио, занимается туристическим делом, много ездит по миру. Вот и сейчас совершал кругосветную мегапоездку. Из Буэнос-Айреса, где он проживает, на самолёте вылетел в Японию два месяца тому назад. Изучив страну восходящего солнца, на лодке (!) добрался до Южной Кореи. Познакомился с обычаями и традициями этой страны. Из Кореи добравшись до Владивостока, Рикардо начал знаком-

ство с третьей страной своего путешествия – Россией. Транссибирская железнодорожная магистраль, самая длинная железная дорога в мире (9288,2 км) была главной целью его путешествия. От Владивостока до Читы, Байкал, величием которого был потрясён. В Западной Сибири заехал в Томск – Сибирские Афины, жемчужину деревянного зодчества. Здесь его восхитили сохранные и отреставрированные здания двухсот-трёхсотлетнего возраста, фотографии которых он нам показывал с особым трепетом и пиететом. А уж как МЫ «загордились» своим областным центром.

В дальнейшем по плану от Новосибирска, где и произошла наша встреча, до Тюмени он ехал на «Томиче». Потом знакомство с Тобольском, затем Тюмень – Москва. Пользуясь услугами РЖД, пройдёт весь Великий Сибирский Путь с востока до запада. Как выяснилось из разговора, его любимый вид транспорта – железнодорожный. Из Москвы самолётом в Киев, и, наконец, домой в Аргентину. В течение всего пути он вёл дорожные записи-заметки в тетради с твёрдым переплётом шариковой ручкой убористым, очень аккуратным почерком. В поезде он это делал на стоянках, когда вагон не раскачивало. Пока общались, внучка дала заокеанскому гостю азы игры в шашки, я скинула на вiber сыну фотографию игры. А папа внучки, в свою очередь, заинтересовавшись гостем России, при встрече в Тюмени предложил ему свои авто-услуги, благо, место в «Рено» нашлось.

Преодолевая расстояние 247 километров до Тобольска, сын по пути завёз нас в Первый частный музей, основанный в 1990 году тюменцами, супругами Смирновыми. Музей Григория Распутина расположен на его родине в селе Покровское (84 километр Тобольского тракта). К сожалению, попасть внутрь здания нам не удалось.

Довольствовались наружным видом усадьбы и кратким экскурсом в историю России начала XX века, который сделал на английском и русском языках водитель-экскурсовод-переводчик, в одном лице, наш сынок, выпускник исторического факультета ТГУ. Мы с мужем только улыбались, кивая головой, как

«китайские болванчики» (стояла такая фигурка на этажерке моей тётушки в середине прошлого столетия), а внучка активно включалась в разговор, шлифуя свой английский.

Посетили Свято-Знаменский Абалакский мужской монастырь, расположенный на высоком берегу знаменитой сибирской реки Иртыш, в 30 километрах от Тобольска.

Здесь отступив от своего основного повествования, даю краткую историческую справку: Монастырь является уникальным историко-архитектурным комплексом, сформировавшимся к середине XVIII века в стиле барокко выдающимся тобольским зодчим Корнилием Михайловичем Переволокой. Согласно Сибирской летописи, на месте будущего монастыря произошло явление Ермаку Святителя Николая Чудотворца. Знаменский Абалакский монастырь является духовной святыней всей Сибири, храня чудотворную икону Божией Матери «Знамение». В 1636 году одной вдовице Марии в селе Абалак было чудесное видение. Четыре раза Святитель Николай передавал Марии повеление Божией Матери построить на Абалакском погосте деревянный храм в честь Её образа «Знамение». Архиепископ Нектарии благословил строительство храма, который и был построен в том же году. В 1637 году в Тобольске по обету расслабленного (парализованного) крестьянина Евфимия протодьяконом Тобольского кафедрального собора Матфеем в строящийся храм была написана икона в честь Божией Матери «Знамение». После написания иконы Евфимий полностью выздоровел. Это было первым чудом от сего образа. Очень быстро весть о явлении чудотворной иконы распространилась не только по Сибири, но и по всей России. Только в XVII веке было записано более 130 случаев благодатной помощи от чудотворной иконы.

В 1680 году деревянный храм сгорел. По царскому повелению в 1683 – 1691гг. был построен каменный собор в честь иконы Божией Матери «Знамение» с пятью куполами и четырьмя столпами, который мы имели удовольствие лицезреть. А какие там вежливые, я бы сказала, ласковые в общении с туристами служители монастыря! На сегодняшний

день в составе братии числится 25 человек, из них: 13 священнослужителей, 4 монаха и 8 послушников. Помимо этого в монастыре несут трудовые послушания около 40 трудников. Настоятелем монастыря, согласно Уставу Русской Православной Церкви, является Правящий архиерей Архиепископ Тобольский и Тюменский Димитрий. В монастыре имеется библиотека, насчитывающая более 6000 экземпляров печатных изданий.

В туристский комплекс «Абалак», который находится в 20 км от города Тобольска на высоком берегу Иртыша, мы не могли не заехать. Какое раздолье здесь для детей и подростков: создана атмосфера щедрого гостеприимства, комфорта и уюта! Мы унесли с собой в памяти неповторимое обаяние острожного городка, сказочных фигур. Это настоящие рубленые терема из сосновых бревен. Двухэтажные «Воеводские палаты», трактир «Белая сова», изба «Бабы Яги», зоопарк, детское кафе «Змей Горыныч», Сторожевая башня, башни «Часозвонь», «Свадебная».

Освоили вместе с гостем искусство хождения на ходулях.

Впереди нас ждала встреча с основной исторической достопримечательностью сибирской столицы – Тобольским Кремлём. Абсолютная белизна кремлёвских стен, композиционное единство ансамбля, широкое раздолье площади – всё это произвело на нас и нашего гостя неизгладимое впечатление. Всякий турист, даже живущий в Сибири, восторгается раздольем долины Иртыша, которая открывается с самой высокой точки города – территории Тобольского Кремля. При взгляде на долину Иртыша у меня было ощущение полёта – вспомнился известный монолог Катерины из «Грозы», хотя она стояла на берегу Волги. Наш гость Рикардо только успевал щёлкать кнопкой спуска фотокамеры и, казалось, каждой клеточкой своего организма впитывал эту грандиозную мощь и ширь, неземную красоту, стараясь в своей памяти унести впечатления увиденного, чтобы в дальнейшем поделиться ими с жителями своей страны и всего юго-западного полушария.

Двенадцать часов общения с аргентинцем пролетели очень быстро. За это время мы настолько сблизились, что прощаясь на тобольском автовокзале, Рикардо называл нас «моя маленькая русская семья», и к нам, старшим, обращался не иначе как «папа», «мама».

Наш гость – человек Мира – поехал своим маршрутом, а его «маленькая русская семья» из Сибири продолжила знакомство с Тобольском, Ханты-Мансийском, Сургутом. Туристического счастья тебе, дорожной удачи, интересных не пройденных маршрутов, увлекательных записей в своём дорожном дневнике, наш далёкий заокеанский друг! Как знать, может быть, ещё в этой жизни пересекутся наши земные маршруты...

2016 г.

Фрагменты жизни

Праздничное февральское утро. День защитника Отечества, а в моей молодости – день Советской армии и Военно-морского Флота. С каким трепетом и нетерпением, мы – дети советской эпохи, не избалованные праздниками, ждали этот день – первую весточку о приближающейся весне.

Я каждое 23 февраля вспоминаю этот день 1973 года.

Студенчество – золотая пора. А мне и однокурсникам особенно повезло – преподаватели были роднее родных: заботились о нас, беспокоились, как не каждый родитель о своих детях думает. И главным был наш незабвенный второй папа, как мы его звали, декан факультета естествознания Валентин Егорович Попов. Преподавал он общее землеведение, курс насколько сложный, настолько и скучный, но являющийся основой всей физической географии. И как он мог влюбить нас в этот раздел естественной науки, до сих пор удивляюсь. За несвоевременную подготовку к коллоквиуму мог пожурить по-особому, по-отечески. После зимней сессии и завершения каникул, бывало, отогнёт полу пиджака и, показывая пальцем на свой брючный ремень, говорит, окая: «Побывали дома на мамкиных блинах и всё, чему вас учили до этого –

забыли. Вот я уже вас ремешком-то». И так часто про блины упоминал, что мы решили накормить его блинами. А тут и праздник 23 февраля подоспел.

С вечера договорились, как утром, проснувшись на два часа раньше, испечь блины из приготовленных заранее продуктов, как их укутать, чтобы не остыли, принести в аудиторию, поздравить нашего любимого декана-преподавателя. Хотелось это сделать не просто так, а по-особенному. Значит, поздравление должно быть в стихах, написано на «древнерусском свитке».

Сказано – сделано. И стихи написаны ещё с вечера, и в свиток скручены, и блины удались.

Первая пара – общее землеведение. В аудитории две группы географов-биологов. Прозвенел звонок. Заходит наш герой дня – Валентин Егорович. Он, как и все преподаватели того времени, прошёл фронт от первого дня до победного салюта. Выходим мы вдвоём: одна студентка несёт на рушнике горку блинов, вторая читает торжественно поздравление (жаль, что текст не сохранился). Мало сказать, что декан был удивлён. Его изумление нас поразило.

После некоторого замешательства, лекция началась как обычно, а по её окончании мы убедили забрать угощение на кафедру. Вечером того дня мне передали слова Валентина Егоровича, которые он произнёс на практических занятиях второй группы: «Конечно, вы не назовёте имя девушки, которая пекла блины, да этого и не надо. На кафедре, пробуя угощение, все преподаватели оценили её мастерство. Не знаю, как сложится её педагогическая судьба, но хозяйшечка из неё уже сейчас знатная вышла! Так и передайте». Какое для меня было счастье, услышать такую высокую оценку. И учителем я работаю уже сороковой год, и блины пеку, и всякий раз это делаю 23 февраля, вспоминая тот февраль и нашего незабвенного декана, преподавателя общего землеведения Валентина Егоровича Попова.

Вот из таких фрагментов состоит наша жизнь.

2017 г.

Зинаида Бузырёва

Майма

*Майма, село мое родное,
Изгиб Катунь и полей простор,
Переживает время непростое
Моё село в тумане среди гор.*

*Село живёт, а может выживает...
Туман невидимый окутал каждый дом.
Вглянитесь в лица, он в глазах мелькает
И безысходностью зовётся он.*

*Майма, село моё родное,
Калиток скрип, старушек разговор...
Как мир затерянный, как измерение другое –
Моё село в тумане среди гор.*

Спасибо всем

*Упасть легко, подняться невозможно.
Испачканную душу не отмыть.
Я далеко внизу. Меня заметить сложно,
Но я жива еще, еще пытаюсь жить.*

*Таких как я, наверное, немало,
Кто удержаться на плаву не смог.
Вас закалила жизнь, а нас сломала.
И сломанных швырнула за порог.*

*Сама такую выбрала дорогу.
Никто в моей судьбе не виноват.
И стоит ли теперь просить у Бога,
Чтоб он помог мне выбраться назад.*

*Спасибо всем, кто в трудную минуту
Не отвернулся от чужой беды.
Неужто правда мы нужны кому-то,
И кто-то хочет, чтобы жили мы?*

Чтобы жить...

*Падаю и не могу зацепиться.
Каменный выступ, чахлая ветка –
Нет ничего. Остается молиться.
Стоит ли?
Бог слышит нас очень редко...*

*Падаю. Сколько ещё мне осталось?
Что за секунды успею я сделать?
Крикнуть: «Живите все так, как мечталось!
Падать легко.
Чтобы жить нужна смелость.*

Иду вперёд

*Я от проблем не убегаю,
Хоть не умею их решать.
Иду вперед, хоть и по краю,
Срываюсь и встаю опять.*

*Мне очень сложно в этом мире.
Собрав всё мужество в кулак,
Иду вперед и притворяюсь сильной.
И не понять, как мне даётся каждый шаг!*

*Суди! Но лишь прошу, не отрекайся.
И я не вру, пожалуйста, поверь!
И, осуждая, хоть немного попытайся
Понять мой страх – захлопнутую дверь...*

Когда судьбой предreshено...

*Когда судьбой предreshено
Закончить дни свои в канаве,
Наверно, глупо и смешно
Сопротивляться. Ведь в финале
Тебя канава будет ждать,
Радужно пасть свою разинув...
Возможно ль от судьбы бежать?
И для побега где взять силы?!*

*Чтоб в жизни что-то изменить,
Нужна хотя бы капля воли.
Безвольным остаётся плыть
Без вёсел в жизненном просторе.*

*О, Господи! Как трудно жить!
Своё бессилье сознавая.
Всю жизнь искать кого винить,
В том, что моя жизнь такая.
В ней нет ни света, ни тепла.
Лишь пустота, и лень, и слякоть.
И жалко так порой себя,
что тупо хочется заплакать.*

*Я не всегда такой была,
просто в какой-то миг сломалась
О, Господи, прости меня!
Мой грех – уныние и усталость.*

*Устала выходы искать
Из тупиков материальных,
Всё время помнить, что я – мать!
Поступков дети ждут реальных.
А мне так хочется уйти!
И от проблем отгородиться.
Бог, если слышишь, помоги
В последний миг остановиться!*

Мечты

*Мечты... они неуловимы,
Непостижимо далеки.
Порой вся жизнь проходит мимо,
А ты не понял – жил ли ты?*

*Но всё равно мечтай! Неважно,
Что о несбыточном мечты.
Пусть эфемерным и бумажным.
И этим счастьем дорожи!*

Я стала бабушкой, ура!

*Я стала бабушкой, ура!
Ничуть проблемы не пугают.
Малыш мой дома ждет меня,
И это счастье окрыляет!*

*Бегу с работы я домой,
В кармане – мандаринка.
Сегодня мне бутузик мой
Нарисовал картинку*

*У нас – взаимная любовь,
Взаимопонимание.
И с пожеланием добрых снов,
Взаимообнимание.*

*Внучок мой излучает свет
И нежность тёплых ручек.
И никого счастливей нет,
Чем бабушка и внучек!*

Свобода так близко...

*Души несчастные бродят по миру,
Ищут не счастья – адреналина!
Душно и скучно им в рамках морали.
Просто жить в клетках души устали.*

*Ищут свободу бедные души,
За горизонт удаляясь от суши.
Смело шагают в море желанья,
Где лишь «хочу» управляет сознанием.*

*Свобода! Так близко! Лишь шаг остаётся!!!
Но паутина прочна и не рвётся.
Словно корсет впилося прошлое в душу.
Слово «нельзя» — словно колокол в уши.*

*Нельзя! Невозможно! – так их воспитали.
Железным корсетом души сломали.
Свободными души быть не умеют.
Вечные дети не повзрослеют...*

Записка

В первый день весенних каникул второклассник Вовка шел в библиотеку. Если вы предположите, что отправился он туда по принуждению учительницы, то ошибетесь. Вовка любил читать. Книги были главным его увлечением и занимали все свободное время. Вот и сегодня Вовка собирался основательно запастись на всю неделю каникул и потому взял с собой небольшой походный рюкзак. Прохожие, если и обращали внимание на него, то из-за этого рюкзака, — очень уж нелепо смотрелся он за плечами худенького мальчика в очках. В маленькой сельской библиотеке Вовка сразу заметил сложенные как попало в углу старые книги.

«Новое поступление, — улыбнулась тетя Даша, — еще не успели разобрать».

Вовка, кажется, перестал дышать и с головой ушел в изучение кучи: «Том Сойер», «Дети капитана Гранта», «Дикая собака Динго». Мальчик набрал столько, что с трудом поднял рюкзак, тетя Даша только головой покачала: « Гулял бы ты лучше, весна на дворе, каникулы!»

Уже дома, разбирая свое богатство, Вовка подумал, что часть книг не мешало бы спрятать от бабушки. Баба Катя ничего не имела против книг, но не разрешала читать много, считая, что это вредно для близоруких Вовкиных глаз.

Но сначала он решил перелистать все, чтобы выбрать самую интересную. Из какой именно книги выпала записка, Вовка не заметил и потом так и не смог вспомнить, как ни пытался. Корявым почерком на простом тетрадном листе в клеточку было написано вот что: «Привет, Вовка! Мне кажется, тебе очень нужен друг. Давай с тобой переписываться. Это будет нашей тайной».

Трудно сказать, что потрясло Вовку больше – «Тайна» или «Друг». Да и сам факт обнаружения записки в книге из библиотеки не укладывался в голове. Кто мог знать, что сегодня он пойдет и выберет именно эти книги? Кто этот таинственный друг? Вовка совсем растерялся и даже вспотел от волнения. Друзей у него никогда не было. Одноклассники его просто не замечали. Да он ничем и не выделялся, в общественной жизни школы не участвовал, учился средне, был застенчивым и молчаливым. И даже самому себе боялся Вовка признаться, как сильно он мечтает о настоящей дружбе, как завидует веселым и шумным мальчишкам, которые каждый вечер гоняют футбол под его окнами.

«Ты чего там в темноте сидишь? – из поликлиники вернулась баба Катя, — надо же, уже вечер, а он так и сидит, пялится в записку как баран на новые ворота...».

Вовка прячет листок и идет помогать бабушке готовить ужин. В голове его уже созрел план.

Весь следующий день мальчишка проторчал в читальном зале библиотеки, выслеживая таинственного друга. Тете Даше сказал, что к бабушке пришли гости, и он не хочет им

мешать. Посетителей не было, если не считать двух старшеклассниц, которые искали что-то для своих рефератов и не обращали на него внимания. Вовка делал вид, что читает. На самом деле он усиленно размышлял. Друг представлялся ему веселым мальчишкой, почему-то рыжим и конопатым. Наверное, потому что яркое весеннее солнце врывалось во все окна, и на душе его было солнечно, радостно и тревожно. И вот тогда, когда Вовка уже устал волноваться и собрался уходить, в библиотеку ввалился Никита, рыжий и конопатый сын тети Даши. Вовка опешил. Никита учился в параллельном классе, был троечником и хулиганом.

«О, явился, наконец! А грязи-то натащил, хоть бы ноги вытер! Ты где был-то весь день!» – тетя Даша вытряхнула сына из заляпанной грязью куртки, заставила разуться, и предполагаемый друг предстал во всей красе. В меру упитанный, лохматый и грязный тип в порванных спортивных штанах и разных носках. Тип подмигнул Вовке и по-хозяйски развалился на единственном диванчике.

— Мам, мы с пацанами на речке были. Лед пошел, кусками здоровенными! Шорох, треск такой, ты бы слышала!

— Так я и знала! Что ж вас несет-то туда? Заняться нечем больше? Вон посмотри, сидит мальчик, читает! Родители – геологи, по три месяца дома не бывают. А чего им переживать, знают, что ни на какую речку ребенок не попрется! А тебя ведь ни на минуту оставлять без присмотра нельзя! Ой, беда мне с тобой...

Упоминание о нем вывело Вовку из ступора. Мысли лихорадочно заметались в голове и вдруг приняли совершенно неожиданный поворот. А что, если Никита решил так подшутить над Вовкой, посмеяться или даже отомстить за то, что мать ставит его, Вовку в пример. Нет, нет, не может быть! Обида и растерянность охватили мальчика. Тем временем тетя Даша вручила сыну тяжелую сумку с комбикормом и уже читала наставления, чтобы тот шел напрямик домой и первым делом накормил кроликов... Вовка, неожиданно для себя, решил вдруг выяснить все немедленно, и, одеваясь на

ходу, выскочил следом за Никитой. Мальчишки столкнулись на крыльце, да так что Вовка чуть очки не потерял.

— Ты чего, офонарел?! – Никита тер переносицу и с удивлением рассматривал налетчика.

— А ты? Ты это писал? Сознавайся!

Вовка достал из кармана записку и, с несвойственной для него решимостью, сунул под нос Никите. Тот поставил сумку, уселся на ступеньки и принялся основательно изучать традиционный листок. Прочитал записку про себя, потом вслух, рассмотрел ее под всеми известными углами и даже понюхал. Вовка молча топтался рядом и ожидал взрыва хохота, или в лучшем случае, просто известие о том, что Никита записку не писал.

— И где ты ее нашел?

В глазах Никиты не было ни смеха, ни издевки, только неподдельное любопытство.

— В книге из библиотеки. Вчера. Я не знаю, кто ее написал, думал, что ты, – Вовка сел рядом.

— Ничего себе, загадка! – Никита нехотя отдал записку, — кто бы это мог быть? Мама моя точно бы писать не стала, у нее – кролики да я, одна забота... Слушай, пойдем ко мне поможем кроликов накормить, по дороге что-нибудь придумаем.

Никита жил недалеко, в большом частном доме. Вовка помог донести сумку с комбикормом и теперь с изумлением разглядывал Никитино хозяйство. Клетки с кроликами занимали большой сарай, по двору бродили куры. Лохматая собачонка вертелась под ногами, радостно повизгивая. Сам Вовка жил в двухэтажном доме, в благоустроенной квартире и никогда еще не бывал в таком дворе. Все ему было интересно и удивительно. Он уж и о записке забыл. А Никита, деловито управляясь по хозяйству, размышлял вслух: «Как можно было догадаться, какую книжку ты возьмешь? И именно вчера? Экстрасенс какой-то... Стоп. Знаю я, кто тебе голову морочит. Есть тут один такой, в конце улицы живет, Мишка Зяблицкий. Он наших кур гипнотизировать пытался, по шее бы ему надавать... Бросай ведро, пошли!»

Вовка сам уже чувствовал себя загипнотизированным, потому что шел за Никитой к какому-то Мишке Зяблицкому, а был уже вечер, и бабушка, наверное, уже волновалась. Экстрасенс Мишка оказался тощим, длинным пацаном лет десяти и встретил ребят недружелюбно. А когда узнал, в чем его подозревают, напустил важности, велел ждать ответа и ушел в дом за магическими приспособлениями. Ждать пришлось долго. Наконец, Мишка вышел к ребятам, в руках его был магический шар, который при ближайшем рассмотрении оказался пластмассовым плафоном от люстры.

«Я не писал записку, некогда мне такой ерундой заниматься, — наконец сообщил Мишка, — но я вам помогу узнать, кто ее написал. Стойте тихо, сейчас я выйду в астрал, потом вернусь и все расскажу».

С этими словами Мишка принялся делать пассы руками, раскачиваться и подвывать. Потом схватил плафон и долго вглядывался в его пластмассовый бок: «Вижу девчонку... Она пишет записку, прячет ее в книгу... О, она учится в твоём классе. Отличница, кстати. Ее имя начинается на ту же букву, что и твое... Все, астрал закрылся, не вижу больше ничего».

Никита усмехнулся.

— Ты плафон-то свой магический протри, вон какой пыльный. Может, еще чего увидишь?

— Я вам и так много сказал, — Мишка обиделся, — не верите, да? Я завтра с вами пойду эту девчонку искать. Мне, может, самому тоже интересно.

— Ага, и шар свой прихвати, вдруг пригодится. Ты нам, зачем нужен-то? Девчонку гипнотизировать, как куриц? Так она не курица если что.

Вовка не слышал перепалку ребят, он стоял потрясенный и растерянный. Девчонка с именем на букву «В» в его классе была одна, Вика. И жила она в соседнем подъезде. Девчонка? Записку написала девчонка?! Такое бедному Вовке даже в голову прийти не могло.

«Эй, хватит мечтать! — Никита дернул Вовку за рукав куртки, — давайте все по домам, поздно уже. Встречаемся завтра

на школьном дворе в десять ноль-ноль, не опаздывать! Найдем мы твою поклонницу, не переживай».

Никита посмотрел на потерянного и бледного Вовку и решил проводить его до дома. Этой ночью Вовка спал плохо. Ему снились загипнотизированные куры, рыжий Никита, Мишка, летающий на магическом плафоне и Вика, прячущая записки во все книги в библиотеке.

На следующее утро ребята отправились к Вике. Вовка подумал о том, как глупо они выглядят и совсем сник. Никита решительно позвонил в дверь. Открыла сама Вика. На руках она держала полугодовалого брата Сему и выглядела такой домашней в стареньком халате и тапочках, что Вовка окончательно растерялся.

— Привет, мы по делу. Можно войти? А то ребенка продует, — Никита затолкнул Мишку с Вовкой в квартиру и, насколько не смущаясь, начал разуваться.

— Меня Никита зовут, это — Мишка, Вовку ты знаешь.

— Ну, проходите, если по делу. Вовка, поддержи Сему, я чайник поставлю.

Вовка покраснел и неловко взял карапуза на руки.

«А ты ему понравился, — Вика засмеялась, — пойдемте на кухню, я вас чаем напою с конфетами».

За чаем Никита прояснил Вике причину их визита и показал записку. Вика внимательно посмотрела на Вовку и задумалась. Правда, ей мешал Сема, который вертелся у нее на коленях и норовил скинуть со стола все, до чего мог дотянуться.

— Ты с чего вообще взял, что записка эта — тебе? Один ты, что ли Вовка на свете? Может, она другому какому-нибудь Вовке написана?

Вика выглядела такой серьезной, что мальчишки притихли и тоже задумались. Молчание нарушил Вовка:

— А как же магический шар? Мишка ведь тебя там увидал...

— Да-да, поясни-ка свои видения, маг ты наш доморощенный?

Никита перевел на Мишку убийственный взгляд.

— Да что вы понимаете в магии?! Видения не всегда можно растолковать до конца! Я увидел Вику, потому что она единственная догадалась, что записка кому-то другому адресована, вот! Она – важнейшее звено в этом деле, поэтому ее я и увидел!

Вика вручила Семе бутылочку с молоком.

— Пойдите, — Вовка даже вскочил от волнения, — если записку нашел я, значит, кто-то не знает, что у него появился друг. Какой-то другой одинокий Вовка так и остался совсем один?

— Правильно говоришь! — Никита тоже вскочил и заходил по кухне, — надо найти этого другого Вовку и отдать записку. Только как его найти, вот в чем вопрос.

— Ребята, надо идти в библиотеку и узнать, откуда привезли эти книги. Ты же говоришь, там новое поступление было?

— Вика, ты – гений! Хоть и девчонка...

Никита подмигнул Вовке:

— Пошли, разгадаем уже твою тайну.

— Подождите, сейчас мама придёт, возьмет Сему, я с вами пойду.

Вовка играл с малышом, когда пришла Викина мама. Она очень удивилась гостям и похвалила Вовку: «Молодец! Не каждый с нашим непоседой сладит. Ты приходи почаще, вон Сема тебя даже отпускать не хочет!»

Потом был поход всей компанией в библиотеку. Тетя Даша рассказала, что книги подарила библиотеке ее старая знакомая, бывшая учительница, в настоящее время пенсионерка Тамара Ивановна Машинская и дала ее адрес. Посоветовавшись, ребята решили сходить к бывшей учительнице завтра, потому, что Никиту мать отправила присмотреть за хозяйством, а Вовке позвонила бабушка и позвала обедать.

На четвертый день каникул ребята всей компанией отправились на другой конец села, чтобы разгадать уже, наконец, тайну библиотечной записки. Тамара Ивановна такому

нашествию немного удивилась, пригласила всех в дом и познакомила с внуком: «Владимир, к нам пришли! Ребята, мой внук не слышит, но умеет читать по губам. Проходите, не стесняйтесь».

Черноглазый мальчик в клетчатой рубашке, лет двенадцати, оторвался от компьютера и внимательно посмотрел на ребят. Вовка подошел к нему и протянул записку: «Кто-то написал ее тебе. Я нашел это в вашей книге».

Невероятное волнение охватило всех. Владимир прочитал записку и показал ее своей бабушке. В его больших черных глазах стояли слезы. Тамара Ивановна обняла внука: «Я знаю, кто ее написал. Помнишь, к нам приходила Настя, я занималась с ней английским? Она расспрашивала о тебе, а ты такой нелюдимый, все за компьютером сидишь да за книгами, не подступиться к тебе! Я позвоню ей сейчас. И не вздумай возражать!»

Настя прибежала через двадцать минут, веселая курносая девчонка с длинной русой косой. А потом был пир на весь мир! Потому что у Тамары Ивановны поспел в духовке пирог с грибами, а Настя принесла мороженую клюкву, которая таяла и источала потрясающий запах лета и солнца. Вовка был счастлив. Он ел клюкву с сахаром и думал о том, что еще четыре дня назад он, Вовка, был совсем один. Да, он много читал и мечтал. Но никогда раньше не кормил пушистых кроликов, не видел магических шаров, не играл с малышами и, самое главное, никогда не чувствовал себя таким счастливым, каким можно быть только среди друзей.

Алексей Гаев

Родился 1 декабря 1955 г. в селе Парамоново, Орловской обл. Когда исполнилось 4 года, семья переехала в г. Орёл. В 1973 г. окончил общеобразовательную и художественную школы параллельно.

Служил в рядах Советской Армии с 1974 по 1976 гг.

С 1976 по 1980 гг. учился в Орловском художественном училище.

С 1980 г. живет на Алтае: в Усть –Коксе, Улагане, Барнауле, Белокурихе, Майме и Горно-Алтайске. С 1998 г. постоянно проживает в с. Союзга.

Пишет стихи уже в течение 30 лет. Поэтические сборники: Избранные стихи, Казачий круг, Собрание стихотворений в трёх томах, четырёх книгах. В настоящее время работает над поэтическим сборником «Нежное дыхание свирели».

С 1995 по 2000 г. работал преподавателем изобразительного искусства в детской школе искусств с. Майма.

Участвовал как поэт и ведущий в казачьих фестивалях в станице Илек, г. Новотроицк Оренбургской области, в г. Омске. На фестивалях культуры Республики Алтай: Эл-Ойын, Родники Алтая. Проводились персональные творческие вечера в с. Союзга, Майма.

Что такое зима...

Что такое зима... Снег в ночи,
Пышных хлопьев полёт мимо окон,
Завывание ветра в печи
И деревьев заиненных локон.

Это полная в небе луна,
Чёрный лес на хребтах отдалённых
И сиянье вершин оголённых,
И сознание холодного сна.

Это огненный звёздный узор,
Синий бархат небес с жемчугами
И морозный туманный простор,
Окаймлённый снегами, снегами.

Что такое зима... Это свет.
Нежный – утром, тревожный – закатный.
Облаков силуэт невозвратный
И граница сходящихся лет.

Это реки, что спорят с морозом,
Покрываясь настойчивым льдом,
И на стёклах расцветшие розы,
И уютный натопленный дом.

Путь, накатанный в поле широком,
Скрип полозьев и храп лошадей.
На солому свалившийся боком
Бородатый, в снегу, «берендей».

Это птицы на кольях забора,
Это длинных поленниц ряды,
Это сёла, дороги и горы,
И озёр занесённых следы.

Что такое зима... Красных ягод
Сладкий сок и зубов холодок,
И затверженный радостно на год
Красоты белоснежной урок!

Дорога

Дорога по полю змеится и прячется
То в глянце овсов, а то в золоте ржи,
Как будто играет, смеётся, дурачится:
А ну-ка, поймай, поверни, удержи!

От зноя потрескалась, стёрлась колёсами,
И конским копытом раскрошена в пыль.
А хлеб, наклоняясь тугими колосьями,
Ей шепчет напевно старинную быль.

Та была о свободе, о странах и странниках,
О путниках странных с котомкой одной.
От века такие – дороги избранники,
От века дорога таким – дом родной.

Их ноги ступают по пыльному бархату,
Лампадами звёзды им светят в ночи.
Движенья зерно, в мыслей дремлющих пахоту
Упав, от замков породило ключи.

Разбиты замки, и ворота отворены,
Дорога бежит от порога – куда?
На камнях задумались вещие вороны,
Считая свои и чужие года...

Но сердце поманит земля тридевятая,
Доверится сердце небесной судьбе.
Дорогу святую, молитвой залятую,
Пройдёшь ты в исканьях, труде и борьбе.

И царских венцов лживый блеск затуманится
Пред скромною синью простых васильков.
В дороге лишь только душа не обманется.
Дорога, со мной будь во веки веков...

Твои глаза

*Твои глаза – ручью лесному братья:
В них – зелень трав, расстеленных по дну...
Лишь этих трав не разорвав объятия,
Тебя в объятия заключив одну...*

*Твои глаза — и сам лесной ручей,
Где дна песок всегда золотиносен,
А на воде – густые тени сосен
И искры рыжих солнечных лучей...*

*Но что слова... Словами не опишешь
Твоих движений тайный плен и суть:
Как смотришь ты, смеёшься, плачешь, дышишь
Иль сонно клонишь голову на грудь.*

*Слова – лишь часть того, что видишь зрением,
Их сплав далёк от качеств образца:
Желая стать златым стихотвореньем,
Они пугают тяжестью свинца.*

*И всё же я молчать совсем не в силах...
И ты поймёшь несдержанность мою:
Во все века влюблённые о милых
Поют как могут. Вот и я пою.*

Как страстный и тревожный сон,
Жара исчезла в неизвестность.
И вся знакомая окрестность
Попала в осени полон.

Туманов утренних слюда
Опущена на зорь оконца.
И в облачные невода
Всё чаще бьётся рыба – солнце.

А ночью – месяца блесну
Созвездий косяки тревожат...
...И сердце знает, что весну
В него уже никто не вложит...

Всё было: и цветенья бель,
И жадной зрелости упорство...
Но это было лишь досель,
А нынче станет лишь притворством.

Теперь уже другой расклад
Желаний, чувств... и – в том их сила...
Нельзя с тоской глядеть назад:
Нас осень жизни победила.

И понимание того,
Что делает судьбу печальной, -
Дар, если и не гениальный, -
Достаточный для одного...

Сентябрь... Кругом заосенило...
Мне всё милей прохлады зов...
И душу будто осенило:
Как мало у неё оков!

Наталия Картмазова

Родилась в 2002 году, в селе Майма. Стихи стала писать в 8 лет после такого случая: когда я училась в 3-м классе, в школе был объявлен стихотворный конкурс. Я «сдула» стих с интернета и выдала его за свой. После меня очень долго мучала совесть, а привела она меня к тому, что я решила сама написать стихи.

Признавшись, я прочитала его. Он был не настолько красивым как тот, зато он был мой! С тех пор и началась моя поэтическая маленькая тропинка в этот прекрасный мир под названием Поэзия...

Вот так бывает...

*Тихим омутом накрылась бездна.
Мрак окутал томный лес.
Эта боль на сердце бесполезна,
Как и мир на свете без чудес.*

*Затянулись все на сердце шрамы,
Души, тоской заасфальтированы ямы.
В той сказке нет счастливого конца.
Там смесь любви, добра, венца.*

*Там смерть печального гонца -
Лирически-любовного певца.
Он был из бронзы и свинца.
Но чувств наполненных творца.*

*Он свою Музу взглядом обнимал.
Бедняга он еще не знал...,
Что для неё он лишь бесчувственный кусок...
Простой метал.*

*Он ей стихи и оды посвящал.
С усердием внутри себя ковал
Из тонкого метала свою душу.
Просил её: «О, Муза ты послушай...*

*Какую душу кую я для тебя.»
Она же отвечала: "Всё зазря,
ведь мне метал не полюбить!"
Он продолжал по наковальне бить.*

*Так час за часом, день за днём.
Со старанием, настойчиво с огнём.
Его работа подошла к концу
И та пришлась гонцу к лицу*

*Его изящная душа — оригинальна и свежа.
Он свои чувства притуша.
Направился с улыбкой к ней...
Его душа наполнена огней*

Душа сверкала
Он ни о ком не думал лишь о ней.
Придя же к музе, и посмотрев в её глаза,
Увидел отблеск олова и ржавого свинца.

Он душу ей в ладонях подал.
Она взяла, невзрачно поглядела.
Ей повертела, как хотела.
Затем с руки её душа его слетела.

Она б поймать её сумела,
Но видно просто не хотела
Душа упала,
И так же на полу лежала

Секунду за секундой погибала.
А музе было нечего сказать —
Она молчала.
Она себе всё так и представляла.

Гонец, собрав осколки в горсть,
С печальными глазами, откинув бронзы злость,
Сказал: 'Душа эта была не для меня,
Она ковалась бронзой и свинцом,

Но стала чистым золотом.
Душа была лишь для тебя,
заполнена любовью и добром.
Её отвергнув доказала,

Что можно быть черстве́й метала.
Имея "душу" при себе,
ты показала её отсутствие в тебе..."
Гонец ушёл в просторы...

Он подарил частички морю,
И сам остался в нём.
Вот так бывает, что с душой
Мы без души живём...

Александр Кобзев

Родился 9 мая 1963 года в Новосибирской области. С 1985 года живёт в Горном Алтае. Закончил биологический факультет университета. Гид-экскурсовод, дизайнер-верстальщик. Занимался пчеловодством, ландшафтным дизайном. Преподавал в университете стенографию. Учил детей и взрослых в Воскресной школе. Поёт в церковном хоре.

Состоит в Петровской академии наук и искусств, в Русском географическом обществе.

Автор учебного пособия по стенографии.

Автор рассказов и миниатюр, опубликованных в литературных журналах и альманахах (Горно-Алтайск, Барнаул, Тула, Карловы Вары (Чехия)). Автор книги «Цвет снега».

Награждён медалью св. равноапостольного князя Владимира.

Среди многочисленных увлечений: велотуризм, survival, психология, история, русская и мировая культура.

Про исхождение Свободы

Рыжий щенок бегал вокруг беспородной лохматой собаки и звал её играть с мячом. Но она лениво отворачивалась от сына.

— Мамка! Смотри, что я нашёл! Гав-гав! Не отнимешь, не отнимешь! — и щенок принялся трепать упавшее с верёвки постиранное полотенце. — Веселее ничего быть не может! Мамка! Я тебя поймал! — и щенок схватил её свалявшийся хвост зубами.

Старая собака, звеня цепью, огрызнулась.

— Гав?! Догони меня! — щенок глядел на мамку, готовый вмиг припустить в огород, где дружно зеленели всходы. — Не догонишь!

Но собака поплакала свежей воды, ушла, насколько позволяла длина цепи, в заросли малинника и растянулась в тени.

Мамка не хочет играть в замечательную игру. Гав-гав, понятно, взрослые — рабы. Они никуда не хотят отойти от своей будки и любимой кормушки. В мире столько игрушек и развлечений. Неужели взрослым ничего не нужно?

И щенок припустил за курицей, визжа от радости свободы.

— Ах, ты куриц будешь гонять? — без всякой злобы закричал хозяин. Он ушёл в кладовую и через несколько минут вышел с изящной цепочкой и кожаным ошейником.

Когда хозяин пристёгивал ошейник, щенок даже не понимал смысл этого тайнодействия — просто хозяин особенно ласково треплет его нежную шею.

Но когда щенок азартно побежал к наглому воробью, непонятная сила остановила его. Он бросился к воробью ещё, и ещё раз. Но словно непреодолимая стена встала между щенком и миром свободы.

Целый час щенок с визгом недоуменно рвался за пределы очерченного круга. Наконец, от усталости и отчаяния он сел в тени забора и заскулил: «Мамка-а! Почему я не могу бегать

по просторному двору и валяться в мягких грядках-ах? Почему курица и даже презренный воробе-ей спокойно склевали недоеденный утроем сы-ыр? Мамка-а, скажи, куда исчезает свобода-а? Неужели я стал взросло-ым?»

Пугало

В огороде стояло старое-старое пугало с треснувшим котелком вместо головы. В котелке жила такая же старая крыса.

Крыса всё время говорила пугалу:

— Кто ты без меня?! Лишь старая вешалка на палке! Я — твоя душа, ты — моё вместилище. Я даю хоть какой-то смысл твоему существованию.

Изредка пугало сетовало на свою тяжёлую бессмысленную жизнь, на холод, пронизывающий всё ветхое существо, на ветра, что грубо рвут и без того изодранную одежду, на солнце, что раскаляет старый котелок до невозможности.

Время от времени крыса отгрызала кусочек обветшалой ткани от рукава или подола халата для дальнейшего обустройства мягкого гнезда. Пугало слабо возмущалось, на что крыса всегда отвечала:

— Вот оставляю твою пустую башку. Что от тебя тогда останется? Лишь истлевшая тряпка на палке да треснутый котелок! Я же буду гулять по белу свету, любоваться блистанием красок, пока не найду себе новое вместилище. Я верю в переселение крыс! Я знаю, что вечно буду жить! Ты же будешь гнить на помойке, никому не нужное!

Однажды крыса делала очередную вылазку в свет — в дом хозяина огорода. Там она воровала сухари и сыр. За этим занятием и застал её хозяин. Разгневанный, он запустил в крысу трость со словами: «Так вот кто у меня портит и ворует продукты!»

Трость перебила крысе голову. Несколько раз дёрнув лапками, крыса затихла.

Тем временем пугало страдало от затянувшейся пустоты в голове. Оно не знало, чем бы себя занять. Пугало разглядывало глиняные черепки на ближайшей помойке, пробовало

считать деревья вблизи хозяйского дома, пыталось пугать ворон, размахивая изгрызенными крысой рукавами. Но пустота в голове не проходила. «Наверное, это смерть», — подумало пугало. Но вместо тоски почему-то почувствовало свободу, лёгкость и даже называть стало себя не в среднем роде — тело, вместилище, пугало — а в мужском!

— Слава Богу, наваждение прошло!

Он приветливо помахал хозяину огорода рукавами и впервые за много лет подумал, что плохим он был пугалом. Теперь же ни одна ворона не залетит в огород.

Дети всегда правы

Праздник — это всегда вкусно.

Вовка очень любит конфеты в красивых коробках и красивые, как картинки, пирожные. Ещё больше он любит фейерверки и новогодние ёлки.

Праздник всегда делают для маленьких. Чтобы детям было радостно.

Но почему-то дяденьки и тётеньки наливают в стаканы розовую водичку только себе. Они весело смеются, пьют с такими забавными ужимками и нахваливают. А Вовки будто нет.

Наконец, Вовке наливают какой-то простой газировки. А он тоже хочет морщиться и нахваливать!

— Хочу самогонки! — потребовал мальчик.

— Она горькая.

— Вы же пьёте! Я тоже хочу!

— Но она очень-очень горькая!

— Всё равно налейте! Я хочу быть весёлым!

— Детям такое нельзя. Такое можно пить только взрослым.

— НЕТ! Налейте! Я хочу быть взрослым! Я — взрослый!

Вовка стучал по столу и кричал до тех пор, пока ему не линули на самое донышко.

Снова дяденьки и тётеньки поднимают стаканы с розовой водичкой. Но теперь Вовка тоже может пить, смеяться и нахваливать. И морщиться!

Вовка лихо чокнулся с каждым гостем. Он даже встал с места, чтобы звонко прикоснуться к стаканам мужиков у противоположного края стола. И опрокинул розовую водичку в рот.

Приятная на цвет жидкость задушила. Вовка не мог даже воздух вдохнуть. Потом долго пил холодную воду.

Негодование он выплеснул на взрослых:

— Почему вы не сказали, что она ТАКАЯ горькая!?

— Мы говорили тебе, а ты не слушал!

— Вы мне сказали, что она очень-очень горькая. А надо было сказать, что она очень-очень-очень-очень-оччень горькая!

Дети всегда правы!

Кто создал крапиву

Ах, опять эта крапива!

Я потираю покрасневшие ноги и ругаюсь: «Противная крапива! Как тебе не надоест каждый раз жалить меня!» Я беру прутик и хочу наказать обидчицу, но вместо этого бегу в дом, чтобы спросить, откуда взялась эта нехорошая крапива.

Дома чисто, светло, и пахнет свежесваренным вареньем. Мамина сестра Наташа “по памяти” читает стихотворение.

Я останавливаюсь на пороге и внимательно слушаю, как она с выражением декламирует красивые и торжественные слова. Не понимаю лишь, кто такой Ленин, о котором сложено такое величественное стихотворение.

— Натаса, кто такой Ленин?

— Это самый великий в мире человек. Он всё создал — школы, детские садики, заводы, больницы.

Детская логика непосредственна. Всё, это значит — ВСЁ!

— Новосибирск тоже он создал?

— Да, конечно он.

— А Коченёво?

— Тоже он.

— И наш маслозавод он создал?

— Да.

— А наш дом?

От наивного вопроса четырёхлетнего ребёнка отступить некуда, и Наташа подтверждает:

— И наш дом тоже.

Наташа с благоговением продолжает читать стихотворение о Ленине. Но я не понимаю её восторга. У меня зудит вся нога, и теперь я точно знаю, кто ответствен за нанесённую мне неприятность.

Во дворе я подхожу к обидчице-крапиве и говорю ей:

— Ты, конечно, самая противная. Но самый-пррресамый пррротивный — Ленин! Зачем он тебя создал?!

С тех пор каждый раз, обжигаясь о крапиву во дворе, я самыми недобрыми словами, какие только слышал на улице от мужиков, поминал Ленина.

Через месяц к нам приезжает бабушка. В первый же день я много раз слышу от неё слово “Бог”.

— Баба Валя, — конечно же, спрашиваю я. — Кто такой Бог?

— Бог всё-всё на свете сотворил. Солнце, землю, луну, звёзды.

— Значит, драчунов тоже сотворил? — потирая укушенную противным соседским мальчишкой руку, уточняю я.

— Дерутся и делают плохие поступки люди, которые не слушают Бога.

Но один вопрос не даёт мне покоя уже целый месяц:

— Баба, зачем Ленин крапиву создал?

Сердце

Мы идём по обрывистому берегу реки.

— Папа, а где он?

— Кто, сыночек?

— Странный зверь. Он бежит, я слышал...

Папа показывает на пасущихся коров. Но я вижу, что коровы неспешно идут по заливному лугу за рекой и пощипывают траву. Иногда они мычат.

А тот зверь... Он бежит над рекою, по самому краю обрыва. Его странные прыжки я слышу каждый раз, когда ложусь спать, когда умолкает радио и всё затихает до утра. Странный зверь, похожий на стройного сказочного коня, скачет и скачет над рекою в неведомые дали: тук-тук, тук-тук, тук-тук...

Но папа видит только коров, слышит звонкие колокольчики на их шее.

Может, этот зверь сейчас отдыхает или спокойно вместе с коровами щиплет травку на весёлом лугу?

Но знаю: вечером, когда окажусь к своей кровати, лишь погаснет свет и комната погрузится в покой и темноту, я снова буду слушать родной негромкий топот странного зверя. Он опять будет прыгать, словно стреноженный жеребец, над крутым речным обрывом.

Куда он спешит? В Новосибирск, где на церковном дворе ручные голуби, где волшебные магазины с игрушечными зверятами на каждой полке, на рынке продают апельсины и вкусные орешки, а обезьян в зоопарке больше, чем в жаркой Африке? Может, напротив, зверь через комариновую тайгу бежит к самому северному морю? А вдруг он несёт на себе Ивана-Царевича к Василисе Прекрасной, или помогает ему убежать от злого волка? Тук-тук, тук-тук... Ус-пей, ус-пей... хоть-бы – ус-пел... — вторил я перестуку копыт.

Я засыпаю под неровный, странный перестук. Мне снятся ледяные острова: мой зверь бежит на северный полюс. Как я не догадался сразу: он спешит к Деду Морозу! Чтобы подставить ему свою могучую спину, запрячься в новогодние сани, понестись бешеным галопом в нашу деревню и сделать счастливыми всех-всех людей. И становятся родными речка с пасущимися на лугах коровами, обрывистый берег, маленькая деревня и далёкая ледяная пустыня.

Утром я хранил необычайную тайну. Только поделился по секрету своим открытием с соседской девочкой, чтобы не плакала.

Танюшка сразу успокоилась. А на следующее утро открыла мне свою тайну: она слышала, как похожий на оленя

странный зверь, запряжённый в карету, скачет над берегом реки и везёт Деда Мороза в нашу деревню.

Вечером я вновь слышу странного зверя. Он скачет по обрывистому берегу, бьёт копытами, несёт меня и соседскую девочку в синем ситцевом платье на край света. И я рад, что Танечка сейчас лежит в своей кровати и вместе со мною мчится в неведомые дали.

Бесконечность

Маленький философ — это я.

Потому что я однажды понял, что такое бесконечность.

Но это было позже, когда мне исполнилось целых четыре года и я стал большим!

Сначала я просто обследовал наш новый однокомнатный домик, маленький досчатый сарай с дровами и двор, огороженный гладко оструганными штакетинами. Из нашего двора была видна бескрайняя степь с мелкой пожухлой травкой и душистой сизой полынью.

Потом я узнал, что есть работа папы и мамы — маслозавод. Куда молоковозы из неизведанных далей привозят молоко, потому что маленькая деревенька с родным названием Целинное — не просто родной дом. Это центр мироздания!

Наш дом был на самом краю деревни, рядом с дорогой, что вела в районный центр. Раньше мы жили в большом районном посёлке, иногда приезжали даже в Новосибирск. Но это было там, на краю времени и мироздания, куда мы иногда выпрыгивали из своего уютного мира.

Реальнее была степь — с полынью, степной травой и ровным-ровным далёким горизонтом. Я смотрел на эту далёкую-ровную линию, откуда появлялось солнце, куда оно снова уходило с удивительным постоянством. И думал: «Хитрое Солнышко... в какую сторону покатится оно в этот раз, вправо или налево, чтобы утром вынырнуть с противоположной стороны?»

Мамина сестра пятиклассница Наташа говорила, что линия между небом и землёй всегда отступает, когда к ней начнёшь приближаться.

— Куда? — спросил я.

— В бесконечность!

— В бесконечность?

Но папа садил меня на свои могучие плечи — горизонт раздвигался, отдалялся, и это не было чудом. Просто, так должно быть всегда, как утром солнцу всходить с противоположной стороны. Чудом было то, что я прижимался к родному человеку.

Но в четыре года я вдруг осознал величие бесконечности.

Я никогда не думал о том, какова бесконечность вглубь — под землю. С линией горизонта тоже всё просто: степь да степь, потом Коченёво, железная дорога, Новосибирск, Обь с мостом, по которому ездят маленькие игрушечные паровозики, Речкуновка, светлый сосновый бор, Колывань. К горизонту можно руку протянуть, дойти. Если не идти, то доехать на пыльном грузовике...

Но если вверх: выше птиц, выше серебряных гудючих самолётиков, над облаками, за звёздами, ещё дальше, и ещё... А что выше будет? Где край мироздания? Да вот же он!

И я воображением устремлялся высоко-высоко в небо и трогал рукою край мироздания, то шершавый, то гладкий. Иногда он был туманно-неопределённым, порой тревожным, до замирания сердца.

Я непременно брал в свои маленькие ручки детский топорик и начинал стучать, сначала легонько, потом всё смелее, пробивая брешь в границе Вселенной. Это получалось удивительно легко, и я с любопытством смотрел, что же там, дальше, за гранью бесконечности... И, обомлев от жути, видел там такое же огромное пространство. Я азартно летел со скоростью мысли дальше в надежде узнать, что будет за новым краем бесконечности. Летел с головокружительной сверхсветовой скоростью и достигал, наконец, окончательно-

го края. Я с благоговением прикоснулся к нему, наслаждался его плотной упругостью и уже проверенным движением пробивал маленьким топориком новую брешь в стене! Неужто будет ещё стена?! Я пробью её, и увижу, наконец то, что лежит за пределами пространства, разума, мироздания, бесконечности и вообще постижимого. Но вот с громадной скоростью приближается новая стена — всего полметра толщиной, я уже совсем легко её миную. И всплеск звёздного пространства с огромной скоростью заполняет наш маленький домик...

Я лежал в своей детской кроватке, прятался под ватным одеялом от холода космической жути и ужасался величию бесконечности.

Через много лет я узнаю, что кто-то назвал эту бесконечность дурной.

Но для меня она была родной, как деревня Целинное с нашим маленьким домиком в центре Вселенной. В своей безграничности деревенька так походила на родную степь с душистой полынью, которую греет хитрое Солнышко, на бескрайние просторы с вечно убегаящим горизонтом. И я, прорываясь сквозь любые преграды, устремлялся всё дальше на поиски бесконечности бесконечности. И она мне вновь открывалась, стоило лишь потрогать непостижную шершавую грань, стукнуть по ней детским топориком и выглянуть в образовавшуюся брешь.

Оглавление

Предисловие	3
Мария Образцова	7
Татьяна Чанчибаева	31
Ольга Истомина	44
Оксана Хлопотова	55
Валерия Тюхтенева	62
Галина Свириденко	73
Людмила Гришка	100
Николай Воробьев	114
Георгий Черных	143
Любовь Семенцова	153
Борис Семенцов	156
Надежда Кетрарь	182
Владимир Уделяев	193
Лилита Корчагина	210
Мария Пахорукова	216
Зинаида Бузырёва	270
Алексей Гаев	282
Наталья Картмазова	287
Александр Кобзев	290

Майминское литературное объединение «Лира».

Майма, ул.Советская, 57.

Тел. 8-(38844)-22-9-76

Составитель: *Ольга Истомина*

Вёрстка и дизайн: *Александр Кобзев*

